

Международный научный центр "Сфера общественных наук"
(International Center for the social sciences)

International Center for the Social Sciences

Ежемесячный научный журнал

№ 3 / 2014

Главный редактор — д.ф.н.проф. Феклисов К.Р.

Ответственный секретарь — д.ф.н.проф. Гуляев А.И.

Редакционный совет

- Бердников Денис Анатолиевич
- Варичева Вера Николаевна
- Генесов Александр Игоревич
- Дудченко Константин Александрович
- Колмогоров Сергей Викторович
- Левин Аркадий Афанасьевич
- Лесовский Игорь Васильевич
- Мироненко Ирина Филипповна
- Ножевский Григорий Николаевич
- Прокопенко Андрей Андреевич
- Рубинова Вадим Петрович
- Хоревский Владимир Олегович

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Международный научный центр "Сфера общественных наук"

Адрес: 620144 г. Екатеринбург, ул. Сурикова, 28

Адрес электронной почты: info@social-scope.ru

Адрес веб-сайта: <http://social-scope.ru/>

Учредитель и издатель Международный научный центр "Сфера общественных наук"

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144 г. Екатеринбург, ул. Сурикова, 28

Главный редактор — д.ф.н.проф. Феклисов К.Р.

Ответственный секретарь — д.ф.н.проф. Гуляев А.И.

Редакционный совет

- Бердников Денис Анатолиевич
- Варичева Вера Николаевна
- Генесов Александр Игоревич
- Дудченко Константин Александрович
- Колмогоров Сергей Викторович
- Левин Аркадий Афанасьевич
- Лесовский Игорь Васильевич
- Мироненко Ирина Филипповна
- Ножевский Григорий Николаевич
- Прокопенко Андрей Андреевич
- Рубинова Вадим Петрович
- Хоревский Владимир Олегович

Художник: Константин Горбатьюк

Верстка: Йохна Виталий

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Международные индексы:

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Артёмова Лидия Александровна

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ 6

Буряя Юлия Вячеславовна

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ 8

Дробинина Юлия Сергеевна

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ 12

Фу Сяо

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОВОРЯЩИХ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК 13

Голайденко Лариса Николаевна

РАЗВЕРНУТЫЕ МЕТАФОРЫ СО СЛОВАМИ ЛСП КИНЕМАТОГРАФА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ 16

Гуслякова Алла Викторовна

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) 22

Иванова Д.С., Сомова М.В., Южакова Ю.А.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 24

Карсанова Елена Васильевна

О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ КАК СРЕДСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ 26

Щукина Кира Александровна

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В «ПИРОЖКАХ» – НОВОМ ЖАНРЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ 29

Сур Виктория Александровна

ПАРЕМИИ КАК НОСИТЕЛИ ПРИЗНАКОВ АНГЛИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ 34

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аматова Нина Евгеньевна

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ НАУК НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ 37

Хагур Фатима Рашидовна

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ: ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЁ СТЕПЕНЬ 40

Кириллова Екатерина Александровна

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ 43

Миронова Н.В., Щелкова О.Ю.

ЛИЧНОСТНЫЙ АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАЦИЕНТОВ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ НА РАЗНЫХ СРОКАХ РЕМИССИИ 46

Осипова Любовь Борисовна

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ 49

Поликарпова Наталья Валентиновна

АКТУАЛИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ 53

Шакирова Алия Агзамовна

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ 55

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Еремина Наталья Валерьевна

ОДИН ВОПРОС О СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В
ЕС: ЭСТОНСКИЙ КЕЙС 57

Колесников Вячеслав Александрович

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И МЕСТ-
НОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОС-
СИИ 60

Колиева Ангелина Эдуардовна

ХАРАКТЕРИСТИКА ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В
СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 63

Лисина Инесса Андреевна

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО PR . 67

Омарова Хамисат Минкайловна

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ В ОБЛАСТИ НЕ-
ЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ И ВЫЛОВА ВОДНЫХ БИОЛОГИ-
ЧЕСКИХ РЕСУРСОВ 70

Топчиев Михаил Сергеевич

ТИПОЛОГИЯ КАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА: ВАРИАНТЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ 72

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гаврилина Лариса Михайловна

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПОВОРОТОВ В СОВРЕМЕННОМ СО-
ЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ 75

Зыкина Е.Б., Пыжова О.В.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВО-
ВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕН-
ТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ 79

Шарова Марина Александровна

ФИЛОСОФСКО – АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНО – АКАДЕ-
МИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА И СТА-
НОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ 82

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.

АТРИБУТЫ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В ОБРАЗАХ
ГЕТЕРОТОПНОГО ЧУЖОГО 85

Жульков Михаил Вячеславович

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ПУТИ СА-
МОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ 88

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Даньшин Александр Владимирович

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-
ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ 91

Гладкова Юлия Павловна

ПОЛОЖЕНИЕ МЕКСИКАНСКИХ МИГРАНТОВ НА ТЕР-
РИТОРИИ США 94

Христенко Дмитрий Николаевич

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» США: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНО-
ВЕНИЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬ-
НОСТИ 95

Соенов В.И., Трифанова С.В.

ПОГРЕБЕНИЕ С ПУПАРИЯМИ МЯСНЫХ МУХ (вторая
половина III – первая половина IV в. н.э.,
некрополь Степушка-2, Алтай 99

Стручкова Н.А., Яковлева К.М.

ЕССЕЙСКИЕ ЯКУТЫ В НАЧАЛЕ XXI века 102

КУЛЬТОРОЛОГИЯ

Булмистре Яна Эгилсовна

О ВЛИЯНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕЛИКО-
БРИТАНИИ НА РАЗВИТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВО-
ЕННО-МОРСКОГО ДЕЛА В XVIII ВЕКЕ 106

Родионова Екатерина Борисовна

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ ДОШКОЛЬНИ-
КОВ В РАЗНЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ПЕРИОДЫ 108

Романова Анна Петровна

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРОН-
ТИРНОЙ ТЕОРИИ111

Шубина М.М., Трифонова А.В.

ПРОБЛЕМА НРАВСТВЕННОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА В
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ КЛАССИКИ113

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Щепачева Инна Владимировна

АБСУРД КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ПЕРСИВАЛЯ ЭВЕ-
РЕТТА «АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ» 115

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Фяллко Олеся Владимировна

НПСЧД ДЖОНА КЕЙДЖА: НЕТРАДИЦИОННЫЙ ОПЫТ
С ТРАДИЦИОННЫМ ИНСТРУМЕНТОМ 118

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Артёмова Лидия Александровна

СОПОСТАВЛЕНИЕ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ КИТАЙСКИМ СТУДЕНТАМ

аспирант, старший преподаватель РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург

COMPARISON OF THE RUSSIAN AND CHINESE
LANGUAGES FOR TEACHING CHINESE STUDENTS
RUSSIAN ADJECTIVES

Artemova Lidia

Postgraduate student, senior lecturer of The Herzen
State Pedagogical University of Russia, Saint
Petersburg, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – показать необходимость и результативность сравнения родного языка студентов (китайского) и изучаемого языка (русского) в целях преподавания русских прилагательных китайской аудитории. Сравнительно-сопоставительный метод помогает увидеть разницу в явлениях двух языков и предупредить потенциальные ошибки, которые могут совершить студенты, на этапе представления материала в аудиторию. Владение родным языком студентов помогает преподавателю отобрать материал, который требует особого внимания при усвоении, а также показать студентам существенные различия двух языков.

ABSTRACT

The purpose of this article is to show the necessity and effectiveness of the comparison of the native language of students (Chinese) and the target language (Russian) for the purpose of teaching Chinese audience Russian adjectives. Comparative method helps to see the difference in the phenomenon of the two languages and to prevent potential errors that can be made by students on the stage of presentation of the material in the audience. The proficiency of the student's native language helps teacher to select the material that requires special attention in the assimilation, as well as to shows the students the essential differences between the two languages.

Ключевые слова: сопоставление языков, преподавание русского языка как иностранного, русские прилагательные, китайская аудитория.

Keywords: comparison of the languages, teaching Russian as a foreign language, Russian adjectives, Chinese audience.

Любой язык познается в сопоставлении, сравнении со своим родным языком. Сравнительным методом регулярно пользуются не только в языкознании, но и литературоведении, искусствоведении, культурологии и других науках. [1, с. 3] Любой человек, начиная изучать иностранный язык, на бессознательном уровне проводит параллели, перенося явления родного языка на явления изучаемого. Поэтому для студента важно постепенно познавать законы изучаемого языка и осознавать существенную разницу между различной сочетаемостью в родном и изучаемом языках и других языковых явлениях.

В практике преподавания русского языка как иностранного неоценимую помощь преподавателю оказывает владение родным языком студентов. Многие исследователи подчеркивали важность сопоставительного подхода как в практике перевода, так и в преподавании русского языка как иностранного. Как пишет Малых Л. М., "при сопоставительном подходе к языку удастся глубже понять сущность языковой структуры, ее особенности в отдельных языках, типы языковых структур или их частей. Отчетливей становятся структурные варианты грамматических категорий, фонетических и лексических систем и др. Неоценимо значение исследований, выполненных на основе сопоставительного метода, для практики обучения иностранным языкам, для теории и практики перевода». [2, с. 33]

При изучении русского языка китайские студенты испытывают трудности за счет того, что русский и китайский языки являются далекими в генеалогической классификации языков. Многие ошибки, которые совершают китайские студенты, происходят под влиянием родного языка учащихся. Особенно сильно влияние родного языка проявляется на начальном этапе изучения, когда учащийся ещё мыслит категориями родного языка. Исследователь Ахметзянова Ф. С. пишет, что «чем больше различия между языками, тем теоретически больше потенциальных возможностей для интерференции, но в родственных языках она менее заметна самому говорящему». [3, с. 35] Различия в сочетаемости лексем в разных языках, особенно таких, как русский и китайский, создают возможность появления ошибок, которые спровоцированы этими различающимися явлениями.

Стоит отметить существенную разницу в русском и китайском языках. Русский язык – флективный язык синтетического типа. Особенность русского языка в том, что это язык максимальной экспликации смыслов и максимального семантического согласования. На русском языке одного наименования недостаточно, необходимо еще маркировать имя формально.

Китайский язык – изолирующий язык аналитического типа. В нем отсутствует словоизменение. Категории китайского языка по своей сути являются понятийными, а не грамматическими. Слова в китайском языке представлены отдельными иероглифами (однослоги) и сочетаниями двух и более иероглифов (двуслоги и многослоги). Главное отличие китайского слова от русского состоит в том, что в китайском слове отсутствуют флексии, и это ведет к важным последствиям для всей стратегии и тактики построения китайской речи. Второе важное отличие китайского языка состоит в его слоговом характере. Китайский слог – это строго фиксированная композиция звуков, закрепления интонацией (тоном). Слог (иероглиф) – это звуковое, смысловое, интонационное, графическое единство. Если носители русского языка при восприятии слова фокусируют свое внимание в равной степени и на вещественной (содержательной), и на формальной (грамматической) сторонах слова, то носители китайского языка оперируют прежде всего содержанием, семантикой слова. Функция слова в китайском языке становится понятной не на основании формы слова, а благодаря его связи с другими словами. Китайское слово включается в предложение не напрямую, как русское слово, а посредством группы слов – смыслового единства [4, с. 45]

Что касается словообразования, то оно строится по разным моделям в двух языках. В таком языке, как китайский, существуют следующие способы словообразования: сложение, аффиксация, аббревиация, заимствования из других языков. Аффиксация не так распространена, как остальные способы. Там, где в русском языке используются аффиксы, в китайском используется сложение значимых морфем. [5, с. 38]

В китайском языке предметно-логическое (номинативное) значение слова играет первостепенную роль. Оно неизменно доминирует над формально-грамматическими признаками лексической единицы. При этом нужно заметить, что китайское сложное слово в подавляющем большинстве случаев отличается ясностью внутренней формы, определенностью смысловой структуры. [6, с. 16]

Разница в эквивалентах одного и того же слова в русском и китайском языках особенно существенна, если речь идет о многозначных словах. Эквивалентом следует считать постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста. Эквиваленты являются своего рода катализаторами в процессе перевода. Именно эти единицы перевода, имеющие постоянное соответствие в родном языке, прежде всего проясняются в сознании переводчика и помогают ему понять значение окружающего контекста и всего высказывания в целом, даже содержащего незнакомые ему слова. [7, с. 11] При обучении китайских студентов русским прилагательным следует учитывать то, что учащиеся могут переносить правила сочетаемости эквивалентов в родном языке на изучаемый (русский) язык. Обучение прилагательным подразумевает не только заучивание лексем, но и обращение к лексической сочетаемости, изучения наполненности лексемы и связи ее с другими лексемами. При подаче материала следует показывать студентам, что сочетаемость русских прилагательных и их китайских эквивалентов разнится. Для примера возьмем прилагательное «верный». Первое значение этого прилагательного – «соответствующий истине, правильный, точный». Второе значение – «несомненный, неизбежный». Третье – «надежный, прочный, стойкий, преданный». В переводном словаре оно дано как «正确的». Этот китайский эквивалент не имеет тех же значений (второго и третьего) у русского, вследствие этих расхождений студенты могут совершить ошибку в сочетаемости прилагательного. В китайском языке значения «несомненный, неизбежный» и «надежный, прочный, стойкий, преданный» выражаются не

прилагательным «正确的», а уже другими прилагательными.

Также приведём в качестве примера русское прилагательное «глухой». Оно имеет шесть значений: 1-лишенный слуха, способности слышать; 2-неотзывчивый, безразличный, 3-невнятный по звуку, незвонкий; 4-смутный, затаенный, скрытый; 5-тихий, без проявления жизни; 6-сплошной, без просветов. Китайский эквивалент - «耳聋的» совпадает с русским только в первом значении, чему следует уделить внимание при подаче материала в аудиторию.

Как мы видим из примеров, русским многозначными прилагательными не совпадают во всех значениях с китайскими эквивалентами. Во избежание того, что студенты могут переносить сочетаемость слов родного языка на сочетаемость слов в изучаемом, необходимо строить процесс обучения так, чтобы учащиеся осознавали разницу в языковых явлениях и не совершали ошибки, строя словосочетания и предложения на изучаемом языке.

Многие значения русских прилагательных не совпадают с их эквивалентами в китайском языке. В процессе преподавания русских прилагательных китайским студентам стоит делать акцент на лексической сочетаемости, показывать разницу в значениях слов. Большинство многозначных прилагательных в русском и китайском языках не совпадают по значениям, в разных языках одно и то же явление действительности имеет различное оформление. Сопоставительный метод является эффективным в практике преподавания русского языка как иностранного или какого-либо другого языка.

Список литературы:

1. Цзян Сипин. Безэквивалентная лексика и фразеология в русском и китайском языках. – М.: Компания Спутник+, 2002. – 164 с.
2. Малых Л. М. Введение в мультилингвальное обучение. Принципы сравнения языков: учеб. пособие / науч. ред. Т. И. Зеленина; Удм. гос. ун-т. - М.: ФЛИНТА : Наука, 2011. - 112 с. - (Типология языков и лингвокультур).
3. Ахметзянова Ф. С. Интерференция родного и русского языков при контакте с немецким в условиях национально-русского двуязычия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 10. 02. 02. Тобольский государственный педагогический институт им. Д.И. Менделеева. Тобольск, 2005, 170 с.
4. Кочерегин И. В. Очерки лингводидактики китайского языка / И. В. Кочерегин.- 3-е изд., перераб. - М.: Восточная книга, 2012.- 184.
5. Семенас А. Л. Лексика китайского языка. 汉语词汇 М.: ИД "Муравей", 2000. - 320 с.
6. Горелов В. И. Лексикология китайского языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 "Иностр. яз.". - М.: Просвещение, 1984. - 216 с.
7. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика, М., «Международ. отношения», 1974. 216 с.

Бурая Юлия Вячеславовна

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Слушатель 3 курса Академии ФСБ России, г. Москва

*THE PILOT STUDY OF THE LEVEL OF TOLERANCE
IN THE MODERN RUSSIAN YOUTH ENVIRONMENT
Buraya Juliya Vyacheslavovna
Student of the 3^d year of the FSB Academy of Russia,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Цель: определение уровня толерантности современной молодежи в возрасте от 18 до 21 года.

Методы исследования: социологический опрос, ассоциативный эксперимент.

Результат: ассоциативный эксперимент помогает выявить истинное положение дел, опровергая тем самым результаты социального опроса, согласно которому с перевесом в 5 человек (9,09%) доминирует позиция, поддерживающая иммигрантов.

Вывод: на государственном уровне принимаются определенные меры, создаются целевые программы повышения уровня толерантности социума, од-

нако, этого явно не достаточно, и проблема отсутствия должной толерантности у современной российской молодежи остается нерешенной.

ABSTRACT

Background: determination of the level of tolerance of modern youth aged from 18 till 21 years.

Methods: sociological questionnaires, associative experiment.

Result: the associative experiment helps to reveal a true situation, disproving the results of social poll according to which with overweight in 5 people (9,09%) dominates the position, that supports immigrants.

Conclusion: at the state level certain measures are taken, target programs of increase of the level of tolerance of society are creating, however, there is not enough, and the problem of lack of due tolerance at modern Russian youth remains not resolved.

Ключевые слова: толерантность; интолерантность; ассоциативный эксперимент; социологический опрос; ассоциативные семантические универсалии; слово-стимул; частотная ассоциация.

Keywords: tolerance; intolerance; associative experiment; sociological questionnaires; associative semantic universals; word incentive; frequency association.

Введение

Реальное положение в стране, ответственность за будущее и особенности социального положения молодого поколения делают проблему формирования и развития умений и навыков толерантного поведения остро **актуальной**, хотя и чрезвычайно сложной, особенно в связи с предъявлением высоких требований к способам и уровням её решения.

Целью данной работы является определение уровня толерантности современной молодежи в возрасте от 18 до 21 года. Поставленная цель предполагает решение ряда **задач**:

- выявление научного контекста проблемы и определение основных аспектов ее исследования: социального, психологического, лингвистического;
- формирование совокупности интерпретирующих терминов, на базе которых будет осуществляться анализ материала исследования;
- методологическое приспособление социологических и психологических понятий к задачам лингвистического исследования;
- подготовка, проведение и взаимная верификация данных психолингвистических экспери-

ментов с целью установления уровня толерантности современной молодежи и основных причин интолерантности;

- сопоставление социологических данных по проблеме толерантности с данными психолингвистических экспериментов.

Основная часть

Для экспериментального исследования уровня толерантности в современной российской молодежной среде в данной работе использовались такие методы исследования, как ассоциативный эксперимент и социологический опрос.

Выбор методов исследования обусловлен, во-первых, возможностью максимально приблизиться посредством ассоциативного эксперимента к ментальному лексикону, вербальной памяти, культурным стереотипам респондента.

Целью проведения ассоциативного эксперимента ставится формирование широкой (т.е. содержащий достаточное количество пар стимул-реакция) и глубокой (т.е. включающей определенное количество ассоциаций на каждый стимул) базы данных, на основе которой возможно:

- понимание ассоциативного ряда «усредненного» респондента;
- построение ассоциативных полей слов и анализ ассоциативных взаимосвязей между словами, поиск закономерностей ассоциирования;

Эффективность его использования в различных областях обеспечивается следующим:

- автоматическим характером ассоциаций;
- сопряженностью процесса ассоциативного эксперимента с физиологическими реакциями человека;
- низким уровнем способности управления людьми.

Во-вторых, выбор социологического опроса как метода исследования определяет возможность выявления контрастности выражаемых испытуемыми мнений, позволяет выделить истинные реакции аудитории, скрываемые по разным причинам.

Согласно условиям валидности экспериментального исследования, опрашиваемая аудитория составляла 55 человек в возрасте от 18 до 21 года, имеющих полное среднее образование, среди которых 15 молодых людей и 40 девушек. Время проведения эксперимента 10.50 утра, 22.04.2014г.

По условиям проведения социального опроса респондентам нужно было в утвердительной или отрицательной форме ответить на вопрос: «Нужны ли России иммигранты?», и обосновать свой ответ.

30 человек (54,5%), среди которых 7 юношей и 23 девушки, ответили утвердительно, указав следующие причины:

- «Не бывает по-другому, потому что наша нация ленива»
- «Повод для развития национального самосознания граждан РФ»
- «Экономика нашей страны держится только на иммигрантах»
- «Наличие дешёвой рабочей силы»
- «Приобретение Россией новых кадров в сфере науки и спорта»

Показательно, что большинство опрошенных включали в аргументацию своей позиции предложения по улучшению ситуации с мигрантами: «Въезд иммигрантов должен быть легальным, а их количество сокращено».

25 человек (45,5%), среди которых 8 юношей и 17 девушек, ответили отрицательно, указав следующие причины:

- «Провокация конфликтов на национальной почве»
- «Отсутствие толерантности со стороны иммигрантов(неуважение культуры, языка страны пребывания)»
- «Повышение уровня преступности»
- «Лишение коренного населения рабочих мест»

По условиям проведения ассоциативного эксперимента респондентам необходимо было за ограниченное время(5 мин.) дать реакции на слова-стимулы, оформленные в виде списка вперемешку со словами-дистракторами. В качестве слов-стимулов были выбраны часто употребляемые номинации иммигрантов в молодежной среде: *таджик, хач, чурка, моджахед, черножопый, равшан и джамшут, чурбан, чернота, нерусь, маймун, черномазый, гастарбайтер, иммигрант*.

Согласно ранжировке реакций по частоте встречаемости, ассоциативные семантические универсалии (набор неслучайных ассоциаций на определенное слово-стимул) для данной группы опрошенных составляют[2, Гл. 4, с. 70]:

ТАДЖИК: рабочий-8, уборка-3, дворник-3, чурка-2, строитель-2, черный-2, грязь-2, подметать-2, мигрант-2, нерусский-2; Общее количество ассоциаций-37 (Включая единичные ассоциации: хач, стройка, гастарбайтер, рынок, труд, лопата, двор, Азия, оранжевый, жилетка).

ХАЧ: чурка-4, нерусский-3, черный-3, таджик-2, грязь-2, оскорбление-2; Общее количество ассоциаций-32 (Включая единичные: рабочий, ругательство, дворник, водитель, кавказец, неуважение, Москва, плохой, враг, грубость, брюки, крест, нерусский, бородач, приезжий, наглый).

ЧУРКА: полено-6, хач-4, нерусский-3, рабочий-2, таджик-2, узбек-2, рынок-2; Общее количество ассоциаций-30 (Включая единичные: уборщик, иностранец, чурка, подъезд, грубость, дворник, негатив, узкоглазый, приезжий).

МОДЖАХЕД: террорист-10, взрыв-5, страх-2, паранджа-2, басурманин-2; Общее количество ассоциаций-32 (Включая единичные: Аллах Акбар, религия, шахид, нерусский, чурка, убийство, мусульманин, враг, тратил, теракт, боевик).

ЧЕРНОЖОПЫЙ: негр-25, хач-3, чурка-2; Общее количество ассоциаций-40 (Включая единичные: козел, глупо, рынок, дагестанец, вульгарно, очень плохой, враг, ругательство, чужой, отвращение).

РАВШАН И ДЖАМШУТ: «Наша Russia»-5, таджик-5, гастарбайтер-4, ТНТ-3, имя-3; Общее количество ассоциаций-31 (Включая единичные: работники, телевизор, чурка).

ЧУРБАН: неотесанный-4, чурка-4; Общее количество ассоциаций-25 (Включая единичные: Иван, шапка, отвращение, болван, головной убор, дурак, нерусский, свинопас, неумеха, необразованный, кореец, хач, ругательство, черный, бородастый, негатив, дебил).

ЧЕРНОТА: ночь-5, грязь-3, тьма-3, цвет-2; Общее количество ассоциаций-19 (Включая единичные: страх, темнота, после сумерек, мрак, сажа, чурка).

НЕРУСЬ: чурка-4, черный-3, нерусский-2, хач-2; Общее количество ассоциаций-26 (Включая единичные: монголы, обзывательство, таджик, не знает русского языка, чужие, невежда, приезжий, враги, непросвещенный, татары, рабочий, гастарбайтер, безграмотный, иностранный, мусор).

МАЙМУН: обезьяна-3; Общее количество ассоциаций-10 (Включая единичные: мужчина, даймун, монгол, Китай, хайтун, имя, не наш).

ЧЕРНОМАЗЫЙ: негр-4, чурка-3, черный-2, хач-2; Общее количество ассоциаций-24 (Включая единичные: плохой, приезжий, грубо, рынок, дагестанец, эмигрант, нерусский, грязный, уборка, чужой, таджик, зона, грузчик).

ГАСТАРБАЙТЕР: рабочий-15, таджик-4, чурка-3, стройка-2, нелегал-2; Общее количество ассоциаций-38 (Включая единичные: нерусский, водитель, Равшан, эмигрант, дворник, Москва, оранжевый, грязь, нелегальный рабочий, оранжевые штаны, ремонт, чернорабочий).

ИММИГРАНТ: приезжий-7, рабочий-5, чурка-2, иностранец-2, чужой-2; Общее количество ассоциаций-30 (Включая единичные: из СНГ, китаец, вокзал, виза, узбек, нерусский, дворник, Турция, труд, опасность, Россия, азерб.).

Подчеркнем, что частотность выбора испытуемыми определенной ассоциации неслучайна. Если ассоциация при описании какого-либо стимула использована тремя или большим количеством участников эксперимента, то ее можно считать частотной и относить к семантической универсалии стимула для данной группы.

Качественный анализ всего набора ассоциаций позволяет проследить первичные (ассоциативные) представления опрашиваемых в отношении слов-стимулов.

Частота использованных в группе ассоциаций позволяет построить условную групповую «меру» выраженности обычно неизмеряемого параметра описания. Для этого все неслучайные описания нормируются (приводятся к общему знаменателю) на основе общего числа ассоциаций (учитываем только частотные ассоциации):

ТАДЖИК: рабочий-8/37(0,2); уборка, дворник-3/37(0,08)

ХАЧ: чурка-4/32(0,125); нерусский, черный-3/32(0,09)

ЧУРКА: полено-6/30(0,2); хач-4/30(0,13); нерусский-3/30(0,1)

МОДЖАХЕД: террорист-10/32(0,31); взрыв-5/32(0,16)

ЧЕРНОЖОПЫЙ: негр-25/40(0,625); хач-3/40(0,075)

РАВШАН И ДЖАМШУТ: «Наша Russia», таджик-5/31(0,16); гастарбайтер-4/31(0,12); ТНТ, имя-3/31(0,09)

ЧУРБАН: неотесанный, чурка-4/25(0,16)

ЧЕРНОТА: ночь-5/19(0,26); грязь, тьма-3/19(0,15)

НЕРУСЬ: чурка-4/26(0,15); черный-3/26(0,11)

МАЙМУН: обезьяна-3/10(0,3)

ЧЕРНОМАЗЫЙ: негр-4/24(0,16); чурка-3/24(0,125)

ГАСТАРБАЙТЕР: рабочий-15/38(0,39); таджик-4/38(0,1); чурка-3/38(0,07)

ИММИГРАНТ: приезжий-7/30(0,2); рабочий-5/30(0,16)

На основе нормированной оценки можно сравнивать представленность в описаниях группы той или иной характеристики.

Исходя из результатов ассоциативного эксперимента, видно, что уровень толерантности среди испытуемых низкий. Среди ассоциатов доминируют негативно окрашенные лексемы, которые частично обусловлены незнанием молодыми людьми этимологии употребляемых дефиниций, частично – той социокультурной средой, в которой находятся испытуемые. (Пример[3, сайт]: этимология слова «хач» -1 версия: От имени Хачатур → Хачик → хач. 2 версия: от армянск. խաչ «крест»). А частотность

реакций типа «неуважение», «оскорбление», «ругательство» и т.д. единична. Также о низком уровне толерантности свидетельствует частая повторяемость ассоциаций типа «чурка», «хач», «черный» и т.д. См. значения этих слов по словарям. Все это ведет к образованию у молодого поколения определенного рода стереотипов, которые впоследствии могут вылиться в экстремистские действия со стороны агрессивно настроенной молодежи.

Итак, результаты ассоциативного эксперимента помогают выявить истинное положение дел, опровергая тем самым результаты социального опроса, согласно которому с перевесом в 5 человек(9,09%) доминирует позиция, поддерживающая иммигрантов.

И хотя на государственном уровне принимаются определенные меры, создаются целевые программы повышения уровня толерантности социума, этого явно не достаточно, и проблема отсутствия должной толерантности у современной российской молодежи остается неразрешенной.

Заключение

Перечисленные выше негативные тенденции усугубляются отсутствием современной инфраструктуры по работе с молодежью, что выражается в ряде системных проблем. Предоставляемые государственные услуги не представляют интереса для современной молодежи, что приводит к низкому спросу на них. Одним из ключевых инструментов решения проблемы должно стать широкомасштабное внедрение современных информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют установить взаимодействие со всеми представителями целевой группы с минимальными издержками[1, сайт].

Дальнейшие задачи, направленные на развитие и углубление исследования:

1. Верификация полученных результатов с помощью других экспериментальных методов.
2. Увеличение количества участников исследования и их социальных характеристик.
3. Сравнение результатов, полученных от разных социальных групп.
4. Наблюдение за развитием ситуаций этнической напряженности, возможные прогнозы.

Список литературы

1. <http://www.newparlament.ru/docs/view/312> (Молодежное Парламентское Движение России)
2. Серкин В. Методы Психосемантики http://www.syntone.ru/library/books/content/5674.html?current_book_page=6
3. <http://ru.wiktionary.org> (Викисловарь)

Дробинина Юлия Сергеевна

ФОРМЫ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В ЯЗЫКЕ

Московский Государственный Гуманитарный Университет им. М.А. Шолохова, г. Москва

METHODS OF THE EXPRESSION OF DIFFERENT TYPES OF QUANTITY IN THE LANGUAGE

Drobinina Yulia

Sholokhov Moscow State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

Аннотация

В настоящей статье исследуется категория количества как одна из наиболее сложных универсальных категорий, представленная широким диапазоном значений. Целью анализа является выделение признаков, форм и способов приблизительной номинации количества на материале английского языка.

Abstract

In the paper the category of quantity as one of the most complex categories represented by a great number of meanings is analysed. The aim of the analysis is to distinguish the features, forms and ways of quantitative approximation in the English language stock.

Ключевые слова: количество, приблизительная номинация количества

Key words: quantity, quantitative approximation

Одной из важнейших особенностей языка является то, что с его помощью можно именовать практически любые предметы. Отсутствие точной номинации в языке компенсируется использованием приблизительной номинации, что обуславливает разнообразие представления количества в различных языках.

Таким образом, приблизительная номинация связана с обозначением отдельных элементов ситуации, т.е. приблизительно именуются любые элементы действительности: предметы (*something like ...*), качества (*a little bit*), процессы (*to be about to*), количества (*about ...*).

Приблизительная номинация признаков количества тесно связана с категорией интенсивности (*a bit, very much, quite, a little*), а также с переносной номинацией (метафора – *You won't believe what an abyss of ignorance my mind is* (from "Daddy Long-Legs" by Jean Webster), образное сравнение: *like, as*

if). Используются также существительные, обозначающие объекты большого объема: *heaps (of), a whole lot (of)*; крупные единицы измерения: *kilometres, millennium*; существительные, примыкающие к квантификаторам: *hordes (of), infinite*. Неопределенно малое количество выражается при помощи неопределенных местоимений *anything, some*; наречий *seldom, a little*; прилагательных *not much of* «не имеющие большого значения».

Таким образом, уверенность говорящего в истинности признака свидетельствует в пользу интенсивности, неуверенность – в пользу приблизительности. Однако эта граница весьма размыта, поскольку меняется в зависимости от контекста. Так, например, если в предложении "*Kitty wondered whether Mrs. Townsend thought her a little common*" ("The painted veil" by W.S. Maugham) фраза *a little common* означает приблизительность, то *This place is quite far from her. You'd better take a taxi* выступает в качестве аргумента убеждения собеседника (т.е. интенсивность). При этом, в большинстве случаев границу между явлениями установить невозможно, поэтому необходимо говорить о переходной зоне, где интенсивность сочетается с приблизительностью.

Семантика и функционирование неопределенного количества находятся в значительной зависимости от характера самого количества, или множества. Так, например, собирательные числительные могут приобретать значения приблизительности: *dozen, hundred*. В данном случае возникает противостояние «большое количество – малое количество», которое накладывает ограничение на приблизительное именование малых множеств. При сравнении двух предложений *About a hundred people attended the meeting* и *About three people attended the meeting* становится очевидно, что использование второго варианта является абсолютно недопустимым. Таким образом, неопределенно большое количество передается с помощью разнообразных, разноуровневых средств выражения. Ими могут являться местоимения, например, *many, few*; наречия *often, generally*; количественные существительные, выражающие понятие времени *months, years*; существительные,

передающие неопределенное количество a number of, a great deal и др.[3]

Говоря о количестве, необходимо упомянуть его первую особенность – предметоколичество, что представляет собой счет предметов и их частей. Второй особенностью категории количества является то, что оно может быть как внутренним, так и внешним, т.е. внешнее и внутреннее количество качества образует единство, раскрывая еще одну грань принципа внешне–внутренней обусловленности качества и соответственно его моментов (считаться могут отдельные части одной и той единицы). Данное свойство количества было выделено А.А. Холодовичем, который противопоставлял множественное число существительных тем словообразовательным единицам, которые обозначают совокупность предметов, продукт, вещество, обычно возникшие в результате действия, названного глаголами, от которых соответствующие имена существительные образованы (*pluralia tantum*), например: *scissors, trousers, bagpipes, genitals, pants*. Оппозиция внутреннего и внешнего количества представляется в употреблении существительных *family, group, class* и др., обозначающих группы людей.

Кроме того, количественные отношения в языке могут быть определенными (6 students, 3 days) и неопределенными (some water, a few minutes, several pupils). В предложении *Who would have thought then that within three months they would be on such terms?* было использовано числительное как часть речи для обозначения конкретно (определенного) количества, тогда как в другом предложении *All through the afternoon she thought of what Charlie had said about Walter* служебная часть речи *all through* является комбинаторной характеристикой слова и носит конкретный характер, не называя конкретного количества. Ср.: *Most people, as far as I can*

see, when they're in love with someone and the love isn't returned feel that they have a grievance (все – “The painted veil” by W.S. Maugham) – здесь языковые средства обозначения неопределенного количества (*most people*) не только передают количественные отношения, но и содержат оценочный компонент [4. С.9].

Мы рассмотрели различные способы выражения неопределенного количества в английском языке. Описанные выше свойства этой категории должны способствовать изучению числительных и их эквивалентов, наречий меры и степени, а также иных лексико-грамматических и грамматических средств, связанных с выражением количества. Учитывая универсальный характер категории количества, ее структуру и многообразие разноуровневых средств выражения, представляется очевидным, что дальнейшие исследования могут внести дополнения в предложенный набор признаков.

Список использованной литературы

1. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова. – М.: Советская энциклопедия, 1986.
2. Холодович, А.А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества в языке / А.А. Холодович // Уч. Зап. ЛГУ, Сер. Филол. Наук. – 1946. - №69. – Вып. 10 С. 15-36
3. Чеснокова, Л.Д. Категория количества и синтаксические структуры / Л.Д. Чеснокова // Вопросы языкознания. – 1985. - №4. – 158 с.
4. Швачко, С.Я. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках / С.А. Швачко. – Киев: Вища школа, 1982. – 143 с.

Фу Сяо

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОВОРЯЩИХ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

канд. фил. наук, Хэбэйского Объединенного университета, г. Таньшань, КНР

Социальные роли обнаруживаются в форме общественного поведения, обусловленного их положением в социальной структуре и в ситуации общения. Под ролью понимается ожидаемое поведение, которое мы ассоциируем с определенным статусом. Они могут быть обусловлены рядом характеристик

человека: его социальным положением, т.е. социальным статусом, возрастом, полом, степенью образования, положением в семье, а также различными ситуациями общения. Очевидно, что люди различаются как набором социальных ролей, так и способом их исполнения в тех или иных социальных группах.

Многообразные социальные роли в их соотношении, т.е. в парах, могут быть сведены к трем типам (символы R_g и R_a обозначают роли говорящего и адресата, а знаки “=”, “>” и “<” показывают соотношения этих ролей: 1) $R_g > R_a$ (роль говорящего выше роли адресата); 2) $R_g < R_a$ (роль говорящего ниже роли адресата); 3) $R_g = R_a$ (равные отношения).

Различия использования форм речи отражают деление всех речевых ситуаций на асимметричные и симметричные. Асимметричны такие ситуации, взаимодействующие участники которых характеризуются ролевым неравенством по признакам социального статуса, возраста и др. Напротив, симметричность ситуации показывает ролевое равенство партнеров. Характер ситуации может быть определен не только известными социальными свойствами говорящих, но и позицией в данной ситуации. Так, в ситуации просьбы, приказа, разрешения, жалобы и т.п. между коммуникантами устанавливаются асимметричные отношения. Причем в отношениях просящий – дающий (или разрешающий), следующий приказу – приказывающий и др. первые роли считаются “нижними” в данном случае. В ситуации совета, предложения ролевые отношения в значительной степени равны.

Изменение направленности асимметрии $R_g > R_a \rightarrow R_g < R_a$ или $R_g < R_a \rightarrow R_g > R_a$, превращение асимметричной ситуации в симметричную, или наоборот, меняют поведение участников коммуникативного акта и «явным образом сказываются на их речи» [1, С. 50]. Подтверждением этому является, например, изменение речевого поведения волка и медведя в русской народной сказке «Кот и лиса»: *Лиса отправилась в лес добывать припасы и встретила с волком. Он начал с ней заигрывать: – Где ты, кума, пропадала? Мы все норы обыскали, а тебя не видали. – Пусти, дурак! Что заигрываешь? Я прежде была лисица-девица, а теперь замужняя жена. – За кого же ты вышла, Лизавета Ивановна?* – *Разве ты не слыхал, что к нам из сибирских лесов прислан бурмистр Котофей Иванович? Я теперь бурмистрова жена. – Нет, не слыхал, Лизавета Ивановна. Как бы на него посмотреть?*

Контекст дает основание предполагать, что прежде между собеседниками были дружеские отношения. В начале встречи с лисой волк в качестве обращения к лисе использует просторечие *кума*, демонстрируя тем самым почти родственную близость. Затем, узнав об изменении социального статуса и социальной роли лисы (*прежде – лисица-девица, теперь – замужняя жена, бурмистрова жена*), обращаются к ней уважительно, по имени-

отчеству. Именно изменение статуса позволяет лисе назвать волка дураком.

Переключение социальных ролей происходит не только в случае, когда социальное положение говорящего повысилось, но и в случае, когда говорящий взаимодействует с разными адресатами. *Кот Васька и собака Журка пришли в тридесятое царство, в мышье государство. В том государстве не видать ни души человеческой; зато столько мышей, что и сосчитать нельзя. Говорит Журка коту Ваське: «Ну-ка, брат, принимайся за охоту, начинай этих мышей душить-давить, а я стану загребать да в кучу складывать». Васька к той охоте привычен; как пошел расправляться с мышами по своему: что ни цапнет – то и дух вон! На все царство налегла кручина великая; видит мышинный царь, что в народе его недочет оказывается, что много подданных злой смерти предано; вылез из норы и взмолился перед Журкою и Ваською: «Бью челом вам, сильномогучие богатыри! Сжальтесь над моим народишком, не губите до конца; лучше скажите, что вам надобно? Что смогу, все для вас сделаю». Отвечает ему Журка: «Стоит в твоём государстве дворец, в том дворце живет прекрасная королева; унесла она у нашего хозяина чудодейное колечко. Если ты не добудешь нам того колечка, то и сам пропадешь, и царство твоё сгинет: все как есть запустошим!» – «Постойте, – говорит мышинный царь, – я соберу своих подданных и спрошу у них». Тотчас собрал он мышей, и больших и малых, и стал выпрашивать: не возьмётся ли кто из них пробраться во дворец к королеве и достать чудодейное кольцо? Вызвался один мышенок: «Я, – говорит, – в том дворце часто бываю; днем королева носит кольцо на мизинном пальце, а на ночь, когда спать ложится, кладет его в рот». – «Ну-ка постарайся добыть его. Коли сослужишь эту службу, награжу тебя по-царски» (ВКО).*

В примере обнаруживается следующее: собака и кот физически сильнее мышей, и они погубили много мышей. В горе мышинный царь подходит к ним с выражением *бью челом вам*, определенному как “почтительная просьба”, просит *сжалиться*, в своей мольбе (*взмолился*) использует почтительное, подчеркивающее силу и приоритетное положение обращение (*сильномогучие богатыри*), и уничижительное слово *народишко* в отношении к жителям мышинного государства. Затем мышинный царь пытается узнать, что им угодно, и обещает им помочь. Тем не менее, он царь мышинного государства, его социальная роль выше остальных подданных. Узнав, что собаке и коту нужно чудодейное кольцо, мыш-

ный царь *тотчас* собрал всех мышей от мала до велика, *приказал* мышонку кольцо добыть, *обещал* наградить его *по-царски*, если он его принесет.

Социальные роли говорящих имеют специальное лексическое обозначение в языке. Хорошее знание и свободное владение теми или иными единицами этикетных формул позволяют при построении высказываний выбирать уместные слова или сочетания слов с нужным стилистическим значением. Многие слова русского языка в своей семантической структуре содержат семы, указывающие на социальную роль коммуникантов, и компоненты, указывающие на различие ролевых отношений участников в данной ситуации. Значения слов, называющих асимметричные ситуации, характеризуются как социально ориентированные, а слова симметричных ситуаций – социально неориентированные.

Таков, например, глагол *заставлять-заставить*. В лексико-семантических описаниях исполнение действия оказывается необходимым, вынужденным. При этом высшая роль говорящего очевидна и лексически маркирована: *Жил-был барин, у него была жена добрая, а дочь красавица – звали ее Машей. Только жена-то померла, а он на другой женился – на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Всячески они угнетали бедную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было – заставляли ее сидеть у печки да выгребать золу (Чернушка)*. Приведенные контексты демонстрируют, что действие выполняется в интересах говорящего. Лексическими маркерами часто становятся местоимение (*работать*) на себя.

Близкое значение имеет глагол *послать*, в семантике которого содержится значение приказа. Следовательно, социальная роль посылающего выше роли посланного: *Купец надумался на пользу всего люда православного построить длинный мост через топи-болота непроходимые. Много купец казны издержал, а мост построил, и как работы окончились, посылает он своего приказчика Федора: «Поди-ка, сядь под мост да послушай, что будут люди про меня сказывать: будут ли благословлять или корить станут» (СД)*. Данный глагол также используется при просьбе. Ср.: *Захотелось Мартынке жениться, пристал он к матери, посылает ее за свахой: «Ступай, – говорит, – к самому королю, высватай за меня прекрасную королевну» (ВКО)*.

Глагол *гневаться (разгневаться)* определяется как синоним к глаголу *сердиться (рассердиться)*. Обращает на себя внимание тот факт, что толкованиями слова не отмечена иерархия отноше-

ний участников ситуации «гневаться». Однако анализ употребления данного глагола в текстах русских народных сказок указывает на асимметрию социальных ролей участников ситуации ($P_g > P_a$). При этом в качестве субъекта действия *гневаться* может выступать лицо «почитаемое, обладающее в данной социальной структуре большим авторитетом, весом» [2, С. 81]. В русских народных сказках этот глагол чаще применяется по отношению к царю, отцу: *Выкупил купец своего сына, и пустились домой; плывут по синю морю, а над ними летит стая гусей и так-то громко гогочут. «Что говорят гуси?» – спрашивает отец. «Не знаю», – отвечает сын. Купец разгневался: столько учился, а ничего не знает. Столкнул его с досады в море и поплыл дальше (ХН)*. Следовательно, использование данного глагола в противоположной ситуации ($P_g < P_a$) в рамках отраженных в сказках стереотипов поведения по смыслу аномально. Нельзя сказать или написать: сын разгневался на отца, супруга разгневалась на царя и т.п.

Другим словом, обозначающим такую же асимметрию ролей ситуации ($P_g > P_a$), является глагол *благословить*. Благословляет не только высший в социальной иерархии, старший по возрасту, но и женщина, девица, сестрица и т.п. *Мать подумала, что и в самом деле у купцов жизнь привольнее, благословила сына и отдала его Асону с рук на руки. Асон привез мальчика в свой дом и велел идти на кухню (ВС)*. Примеры свидетельствуют о том, что благословение обычно производится на основании определенных причин, которые должны быть учтены в описании текстов сказок. Конструкция «*благослови (-те) что-то делать*» при обращении к родителям, старшим родственникам, уважаемым лицам и лицам, высшим по социальному положению, с просьбой разрешить что-нибудь сделать или дать доброжелательное напутствие, согласие на задуманное дело [3, С. 51].

Многозначный глагол *принимать* – *принять* в одном из своих значений определяется как «предоставить должность, допустить к участию в чем-н». Данное значение фигурирует в качестве примера в русских народных сказках: *Живо уселись все (молодцы) на ковер-самолет и полетели в царство Елены Прекрасной, прилетели к ее стольному городу, опустились у заставы и пошли разыскивать царевича. Приходят на его двор. «Что вам надобно?» – спросил царевич. «Возьми нас, добрых молодцев, к себе на службу; будем тебе радовать и добра желать от чистого сердца». Царевич принял их на свою службу и распределил кого в повара,*

кого в конюхи, кого куда (ВС). Указанный пример представляют собой ситуации, в которых говорящий (принимающий) оказывается в роли хозяина, а те, кого он принимает (работник), находятся в зависимости от него. Другими словами, глагол *принимать-принять* употребляется в случаях, когда социальная роль говорящего выше роли адресата, или, по крайней мере, их роли равны.

Таким образом, изучение ролевых отношений позволяет понять и усвоить принципы устройств, закодированных во всем богатстве языка. Представления о различных социальных ролях партнеров заключаются в стереотипах, составляющих неотъемлемую часть манеры речи и поведения. В ситуациях, где роли участников асимметричны, проявляются следующие закономерности языка. В речи говорящего с типом ролевых отношений $R_g < R_a$ следует использовать уважительные, почтительные формы. В ролевых взаимодействиях типа $R_g > R_a$ или $R_g = R_a$

говорящий может употреблять эмоциональные, ласковые формы, показывающие теплое, дружеское, шутливое и др. отношение к адресату. В коммуникации актуальна проблема достижения эффективности общения, которая, в свою очередь, во многом зависит от владения участниками конкретными речевыми жанрами и от их внутрижанрового поведения, от учета особенностей личности говорящих.

Список литературы:

1. Крысин Л.П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. - М.: Наука, 1976. - С. 42-52.
2. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. - М.: Наука, 1989. - 188 с.
3. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. - Новокузнецк, 2002. - 228 с.

Голайденко Лариса Николаевна

РАЗВЁРНУТЫЕ МЕТАФОРЫ СО СЛОВАМИ ЛСП КИНЕМАТОГРАФА КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ РЕЧИ

канд.филол.наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы, г. Уфа

EXPANDED METAPHOR WITH THE WORDS LSP CINEMA AS A MEANS OF EXPRESSION OF THE SEMANTIC OF RECOLLECTION AND IMAGINATION IN ARTISTIC PROSE SPEECH

Golaydenko Larisa

Candidate of Science, Assistant professor

The Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla

Ufa, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Категория представления квалифицируется как структурно-семантическая категория в современном русском языке. В качестве средства выражения семантики воспоминания / воображения в художественной прозе рассматриваются развёрнутые метафоры со словами ЛСП кинематографа, отражающие специфику представления, которое осуществляет переход от восприятия к понятию и совмещает в себе свойства чувственных и абстрактных форм познания действительности.

ABSTRACT

The category of the imagination and recollection is qualified as a structural semantic category in the modern Russian language. Expanded metaphors with the words LSP cinema are considered as a means of expression of the semantics of recollection / imagination in prose, reflecting the specific of recollection and imagination, which transforms from the perception to the concept and combines the features of sensory and abstract forms of understanding reality.

Ключевые слова: представление, структурно-семантическая категория представления в современной русистике, метафора со значением представления, выражение семантики представления посредством развёрнутых метафор со словами ЛСП кинематографа в художественной прозе.

Key words: performance, structural and semantic category of imagination and recollection in contemporary Russian Studies, the metaphor with the meaning of imagination and recollection, expression of

the semantics by means of expanded metaphors with the words LSP cinema in prose.

Чувственное и абстрактное познание действительности – процессы, диалектически взаимосвязанные, когнитивно обусловленные, постоянно взаимодействующие и «взаимоперетекающие» в рамках единого, целостного процесса мышления. Переходным звеном от чувственных форм отражения мира к абстрактным является представление, промежуточное положение которого между восприятием и понятием определяет его уникальный характер как философско-психологической категории.

Под представлением классически понимается наглядно-чувственный образ, возникающий в сознании человека в результате воспоминания или воображения. Прежний чувственный опыт либо непосредственно воспроизводится в памяти, либо становится основой для конструирования новых наглядно-чувственных картин: фантазий, мечтаний, снов и т. п.

При этом проявляется внутренняя двуплановость представления. С одной стороны, оно, безусловно, имеет чувственную природу, которая особенно актуализируется, когда наглядный образ возникает в памяти и относится к плану прошлого, тяготея к восприятию. С другой стороны, представление явно сближается с понятием благодаря большей отвлечённости от непосредственно данных объектов действительности, когда образ является продуктом деятельности воображения и маркирует план будущего.

Представления очень важны для человека, потому что именно на фоне наглядно-чувственных образов воспоминания / воображения разворачивается его внутренняя жизнь. Этим объясняется актуальность, значимость семантики представления для носителей русского языка, который располагает широким набором разноуровневых средств её выражения, что в свою очередь позволяет нам рассматривать представление как структурно-семантическую категорию в современном русском языке [1].

Основным носителем семантики воспоминания / воображения является лексика [2], функционирование которой в русской художественной речи вызывает большой интерес.

Слова со значением представления, обладая неисчерпаемым текстообразующим потенциалом, способны формировать образные, метафорические выражения, которые используются автором для поэтического, эмоционально-оценочного описания наглядно-чувственных образов, возникающих в со-

знании персонажей. Причём многие из таких сочетаний носят окказиональный («Случайный, единичный» [5, с. 447]) характер, то есть употребляются в художественных произведениях отдельных писателей.

Однако метафоры с семантикой представления могут и не содержать слова со значением воспоминания / воображения, базируясь при этом на словах и сочетаниях слов, которые не имеют в языке ни прямого, ни переносного значения представления, но в художественном контексте начинают функционировать в значении воспоминания / воображения. Мало того, в некоторых метафорических выражениях устойчиво употребляются слова одного ЛСП, выступающие в качестве носителей специфической характеристики, оценки той наглядно-чувственной картины, которая рисуется в рамках метафоры.

В связи с этим особого внимания заслуживают метафорические описания представлений, включающие в свой состав слова с семантикой кинематографа. Из 15560 фрагментов, иллюстрирующих различные средства выражения семантики воспоминания / воображения и выбранных нами из 830 художественных прозаических произведений 110 писателей 19–21 веков, мы выделили всего 6 метафор (0,04 %) с компонентами, называемыми «атрибуты» кинематографа. Но именно мизерное количество данных метафорических выражений и подчёркивает их особую выразительность и художественную значимость в прозаических текстах.

Слова с семантикой кинематографа используются в метафорических описаниях воспоминаний литературных героев. Например:

Тихо положив трубку на рычаг, Мария Петровна как бы перевела часы назад и стала пересматривать свою внутреннюю видеоплётку дня. Вот они едут на машине, разворачиваются у Склифа, Серёжа-шофёр показывает на морг <...>, а за углом жмётся к стене Елена (Г. Щербакова. Женщины в игре без правил).

Метафорическое содержание данного описания складывается на основе взаимодействия нескольких компонентов: *перевела*¹ (*перевести*¹ – “2. Переместить из одного места в другое, с одного места на другое. *П. стрелки часов*” [5, с. 498]), *часы*¹ (“Прибор, отсчитывающий время в пределах суток” [5, с. 875]), *назад* (“1. В обратном направлении. Оглянуться назад (также перен.: вспомнить то, что было)” [5, с. 379]), *стала пересматривать* (*пересмотреть* – “2. Рассмотреть заново” [5, с. 508]), *внутреннюю* (*внутренний* – “1. Находящийся внутри, помещаемый внутрь” [5, с. 92]), *видеоплётку*

(видеоплёнка: видео – “Первая часть сложных слов со знач.: “2. Относящийся к видеозаписи” – (“(спец.) Запись (см. *записать* во 2 знач. – “Нанести (голос, музыку, а также изображение) на плёнку при помощи специального аппарата” [5, с. 218]) – изображения, визуальной информации” [5, с. 86], то есть “Плёнка для видеозаписи”) и *дня* (*день* – “1. Часть суток от восхода до захода Солнца, между утром и вечером” [5, с. 163])).

Безусловно, семантика воспоминания в приведённом художественном фрагменте прежде всего задаётся сложным словосочетанием *как бы перевела часы назад*, которое относит описание к плану прошлого, и глаголом *пересматривать*, в значении которого сема “Заново” также указывает на то, что с особым вниманием и тщательностью повторяется действие, уже выполнявшееся в прошлом.

Вместе с тем глагол *пересматривать* прогнозирует появление существительного *видеоплёнку*, характеризующего воспоминание как чёткий «след» памяти и н а г л я д н о-чувственный образ: неслучайно данное существительное включает в свой состав компонент *видео* с семой “Изображение, визуальная информация”. Прилагательное *внутреннюю* и притяжательное местоимение *свою* подчёркивают субъективный, глубоко личностный характер воспоминания, его проявление и значимость во внутренней жизни героини, а также актуализируют переносный смысл всего высказывания.

Существительное *дня* называет предмет воспоминания и «высвечивает» сложную, многокомпонентную структуру представления, его «картинность», динамичность, линейность развёртывания, временную «привязанность».

Содержание рассмотренного отрывка понятно каждому: Мария Петровна стала вспоминать события своего дня. Однако метафорически описанное воспоминание усиливает экспрессивность изображаемого автором процесса представления, отражает специфику данного наглядно-чувственного образа.

В следующем примере слово ЛСП кинематографа формирует сравнение, которое характеризует воспоминания героини как совокупность образов людей и событий, последовательно разворачивающихся во времени и зрительно воспринимаемых в её сознании, то есть просматриваемых внутренним зрением:

Затем, под звуки музыки, она стала разбирать рюкзаки и чемоданы со старой одеждой. Вся жизнь прокрутилась перед ней, как кинохроника. Любимые тени ожили и окружили её <...> (Л. Петрушевская. В доме кто-то есть).

Ключевым в приведённом описании воспоминания является предложение *Вся жизнь прокрутилась перед ней, как кинохроника*.

Существительное *кинохроника*, которое доминирует в данном метафорическом выражении, образовано соединением двух компонентов: *кино* – “Первая часть сложных слов со знач. “Относящийся к кинематографии, к кино” [5, с. 274] + *хроника* – “2. Литературное произведение, содержащее историю политических, общественных, семейных событий, а также вообще рассказ о таких событиях” [5, с. 55], то есть “Фильм-история чего-н.”.

Употребление данного существительного вводит в художественную ткань повествования время – прошлое, актуализирует зримость, наглядность воспоминаний героини и в связи с этим их воспринимаемость как бы непосредственно, «вживую», на уровне реальных ощущений. Неслучайно образы любимых людей *ожили* (*оживить* – “1. Возвратить к жизни, сделать снова живым. Оживить воспоминание (перен.)” [5, с. 445], то есть вернулись к жизни в памяти героини, а это самая долгая жизнь.

Именно *жизнь* (“3. Время такого (“2. Физиологическое существование человека, животного, всего живого”) существования от его возникновения до конца, а также в какой-н. его период” [5, с. 197]) является предметом воспоминания героини. Определяющее эту жизнь местоимение-интенсификатор *вся* усиливает эффект наглядности вспоминаемых героиней картин. С одной стороны, это местоимение делает описание представления максимально обобщённым, нерасчленённым. С другой стороны, воспоминания, будучи благодаря местоимению *вся* элементами «единого множества», «представляются как однородные – имеющие общие признаки» [4, с. 16].

Поэтому не люди, не лица окружили героиню, а *тени* (*тень* – “3. Неотчётливое очертание фигуры, силуэт (во 2 знач. – “перен. Очертания чего-н., виднеющиеся в темноте, тумане” [5, с. 715])” [5, с. 792]), и все они *любимые*.

Композиционно «цементирует» метафору глагол *прокрутилась* (*прокрутить* – “1. Приведя в круговое движение, дать (какому-н. устройству) произвести определённое количество оборотов. *П. пластинку, фильм* (пропустить через специальный аппарат для прослушивания, просмотра; прост.)” [5, с. 612]): употреблённый в переносном смысле, он формирует семантику всего описания как воспоминания благодаря семе “Специальный аппарат для прослушивания, просмотра”, под которым подразумевается человеческая память.

В ряду метафорических описаний с семантикой представления, включающих слова ЛСП кинематографа, преобладают метафоры, рисующие воображаемые картины. Это объясняется спецификой воображения как творческой способности человека, в основе которой лежит процесс конструирования в сознании новых образов на базе имеющегося опыта, то есть с помощью вспоминаемых явлений, событий и т. д. Воображение всегда устремлено в будущее, поэтому описания воображаемых картин позволяют автору наглядно для читателя спрогнозировать судьбы персонажей. Например:

Не раз и не два сорокаградусные гриппы закричат, застучат в уши, забьют в красные барабаны, обступят с восьми сторон и, бешено крутя, покажут кинофильм бреда, всегда один и тот же: деревянные соты заполняются трёхзначными цифрами; числа больше, грохот громче, барабаны торопливей <...> (Т. Толстая. Любишь – не любишь).

В приведённом фрагменте из художественного произведения семантику воображения задают глаголы-сказуемые *закричат, застучат, забьют, обступят, покажут* в форме будущего времени (воображение соотносено именно с планом будущего), детерминант *не раз и не два* со значением повторяемости событий и существительное *бреда* (*бред* – “1. Симптом психического заболевания – расстройство мыслительной деятельности (спец.). 2. Бессвязная речь больного, находящегося в бессознательном состоянии. 3. *перен.* Нечто бессмысленное, вздорное, несвязное (разг.).” [5, с. 64]).

На наш взгляд, существительное *бред* в рассматриваемом примере аккумулирует в себе смыслы всех трёх значений: “Расстройство мыслительной деятельности”, “Бессознательное состояние” и “Бессмыслица”. Бред – это работа больного, расстроенного воображения, когда «следы» памяти бессознательно, произвольно, неуправляемо искажаются, смешиваются, комбинируются в бессмысленные и страшные картины.

Эти картины ужасны, они наплывают молниеносно, хаотично, они неподвластны сознанию, раздражают, переворачивают всё внутри, требуют огромного душевного напряжения и забирают много сил. Неслучайно в описании бреда используются наречие *бешено* (от *бешеный* – “1. Большой бешенством (в 1 знач.) (“1. Вирусное заболевание, поражающее нервную систему”). 2. Необузданный, крайне раздражительный. 3. Большой силы, напряжения, яростный” [5, с. 53] и деепричастие *крутя* (от *крутить* – “1. Вертеть, вращать кругообразно” [5, с. 310]).

Данные картины образуют *кинофильм* – “То же, что *фильм* (во 2 знач.)” [5, с. 275] – “2. Такая лента со снимками, объединёнными единым сюжетом или задачей информации, предназначенная для проекции на экран, для показа в кино, по телевидению; произведение кино- или телеискусства [5, с. 850]”. С одной стороны, употребление данного существительного подчёркивает, что в приведённом отрывке метафорически описываются зрительные представления: персонаж видит то, что показывает (*показать* – “3. Дать увидеть с целью просмотра, обозрения, ознакомления” [5, с. 547]) ему большое воображение. С другой стороны, сема “Снимки, объединённые единым сюжетом или задачей информации” актуализирует навязчивый характер воображаемых картин: *деревянные соты заполняются трёхзначными цифрами; числа больше, грохот громче, барабаны торопливей <...>*. И поскольку эти воображаемые картины навязчивы, то описываются в художественном произведении неслучайно: они значимы для раскрытия и понимания внутренней жизни литературного героя.

Следующий пример метафорического выражения с семантикой воображения формируется с помощью слова ЛСП представления:

Когда он приходил во сне, черты его были яснее, и та часть сна, в которой он являлся, была как вставка цветного куска в чёрно-белом фильме (Л. Улицкая. Медея и её дети).

Существительное *сон* употребляется в данном прозаическом фрагменте в значении “2. То, что снится, грезится спящему, сновидение” [5, с. 745] – “(книжн.) Образы, картины, возникающие во время сна, во сне, сон (во 2 знач.)” [5, с. 737].

Сновидение – результат деятельности непроизвольного воображения, что сближает его с бредовыми образами. В психологии сон понимается как “Периодическое функциональное состояние иррадиации торможения в коре головного мозга, проявляющееся в угнетении осознанной психической активности” [3, с. 415]. Но сновидение не плод больного, расстроенного воображения, это результат работы человеческого подсознания, которое «высвечивает» то, что человек сознательно скрывает от других и самого себя. “3. Фрейд установил, что реальные сюжеты сновидений связаны с вытесненными из сознания индивида желаниями и стремлениями” [3, с. 415]. В связи с этим заметим, что описания снов в художественных произведениях – эстетически обусловленное явление, весьма эффективный приём раскрытия «диалектики» души литературных героев.

Он приходил (прийти – “1. Идя, достигнуть чего-н., явиться куда-н.” [5, с. 590]) во сне, являлся (явиться – “1. Возникнуть, начаться, начать существовать” [5, с. 912]) героине в сновидении и «расцвечивал» свой приход в чёрно-белом фильме скучных, привычных, обыденных образов этой, старой жизни.

Употребление существительного фильм (так же, как и кинофильм) актуализирует зрительный характер представления, а словосочетание вставка цветного куса подчёркивает превращение значимого для героини «следа» памяти в яркий, желанный, приукрашенный («сконструированный» мечтой) образ любимого человека – образ другой, новой жизни.

В следующем метафорическом описании воображаемой картины используется слово, имеющее непосредственное отношение к производству кинофильмов:

Никто не ответил, и в голове моей, несмотря на моё сопротивление, быстро перелистали ужасные сценарии, начиная с верёвки на люстре, кончая валяющимся на полу бурым лезвием «Нева» (И. Фролов. Конец света на Юпитере).

Существительное сценарии (сценарий – “1. Литературно-драматическое произведение с подробным описанием действия, являющееся основой для создания кино- или телефильма” [5, с. 781]) благодаря семе “Подробное описание действия” характеризует представление как образ действия, ситуации, «высвечивает» его чувственную природу: верёвка на люстре и бурое лезвие «Нева», имплицитно, но угадываемо «экранирующие» [6; 7] соответствующие процессы, воспринимаются внутренним зрением и составляют многокомпонентную, мозаичную воображаемую картину. Форма множественного числа существительного сценарии указывает на большое количество последовательно представляемых действий, которые быстро перелистали (перелистать – “Листая, перебрать (страницы, листы чего-н.). Перелистать книгу, брошюру (также перен.: бегло прочитать, пробежать)” [5, с. 504]) в сознании персонажа.

Существительное сценарии, на наш взгляд, очень точно отражает синкретизм представления, совмещающего в себе чувственное и абстрактное. С одной стороны, сценарий предназначен для создания кино- и телефильма – наглядно-чувственный образ тяготеет к восприятию. С другой стороны, сценарий – это “Литературно-драматическое произведение”, в котором действия придуманы и описаны, вербализованы, – представление, именно воображение, тяготеет к понятию. Последовательность действий в сценарии сближает его со схемой (схема –

“2. Изложение, описание, изображение чего-н. в главных чертах” [5, с. 781]), планом (план – “3. Предположение, предусматривающее ход, осуществление чего-н.” [5, с. 519]), проектом (проект – “3. Замысел, план” [5, с. 608]), что также подчёркивает высокую (но не абсолютную) отвлечённость воображаемой картины от непосредственной данности объектов действительности.

Последнее метафорическое выражение с семантикой воображения содержит два слова ЛСП кинематографа: кино (“2. То же, что фильм (во 2 знач.) (прост.)” [5, с. 274]) и кадр’ (“Отдельный снимок, изображение на киноплёнке, на телеэкране” [5, с. 260]):

Борттехник закрывал глаза, и кино продолжалось с крайнего кадра, – ему показывали бледные колени, щиколотки и пальцы, чертящие по полу <...> (И. Фролов. Портрет с гранатом).

Существительное кино и глагол показывали актуализируют чувственную основу описываемого в данном фрагменте представления. Неслучайно в контексте употребляется существительное глаза (глаз – “1. Орган зрения, а также само зрение” [5, с. 135]) – “Одно из внешних чувств человека и животного, органом которого является глаз; способность видеть” [5, с. 236]. Существительное кино подчёркивает также линейное развёртывание воображаемых картин.

Будучи стилистически окрашенным – просторечным (просторечие – “Речь малообразованных носителей языка (преимущ. горожан); черты произношения, слова и выражения, грамматические формы и конструкции, свойственные нелитературному разговорному употреблению” [5, с. 620]), оно придаёт описанию представления оттенок разговорности, непринуждённости, незамысловатости, а самого героя, воюющего в Афганистане, характеризует как человека городского, предпочитающего разговорный стиль общения, далёкого от соблюдения литературных норм русского языка – одним словом, «простого», но при этом профессионала в своём деле, опытного борттехника.

Особый интерес вызывает использование существительного кадр’, которое указывает, с одной стороны, на мозаичность воображаемой картины, её составной и при этом связный характер, а с другой – на возможность временно остановить процесс воображения (мечтания) и потом его возобновить. Это говорит о силе эротической фантазии борттехника о девушке-афганке, которую он встретил в одном из кишлаков. Война не может вытравить из сердца героя потребность мечтать о земной любви: «предвку-

шение ещё не сбывшейся мечты об обладании женщиной, взаимном чувстве заставляет» его «забыть о военных буднях» [7, с. 143]. Борттехник не хочет, чтобы фантазия оборвалась навсегда, поэтому у слова *кадр*¹ определение *крайний*, а не *последний*, что отражает профессиональное суеверие всех причастных к лётному делу людей, связанное со стремлением всегда возвращаться на землю – живыми.

Интересно, что в двух последних примерах в составе сложных синтаксических конструкций, грамматически оформляющих развёрнутые метафоры с семантикой воображения, употребляются односоставные неопределённо-личные предложения: <...> *в голове моей, несмотря на моё сопротивление, быстро перелистали ужасные сценарии, начиная с верёвки на люстре, кончая валяющимися на полу бурым лезвием «Нева»* и <...> *ему показывали бледные колени, щиколотки и пальцы, чертящие по полу* <...>.

На наш взгляд, неопределённость лица, «демонстрирующего» герою *сценарии* будущих «кинофильмов» или самоё *кино с крайнего кадра*, создаёт эффект произвольности воображаемых картин, погружённости героев-«кинозрителей» в бессознательный процесс конструирования эмоционально окрашенных наглядно-чувственных образов – ужасных, отталкивающих или прекрасных, вожделенных.

Заметим, что из шести метафор с семантикой представления, включающих слова ЛСП кинематографа, две рождаются в произведениях одного писателя – уфимского прозаика Игоря Фролова. Думается, объяснение этого факта кроется в художественном подходе писателя к изображению действительности: «Истории И. Фролова – это небольшие этюды, зарисовки с натуры, в которых автор выступает как наблюдатель, хроникёр событий» [7, с. 133]. Зрительные образы фиксируются на «киноплёнке» памяти и воспроизводятся в новых, необычных комбинациях в воображении.

Также подчеркнём, что четыре метафоры из шести рассмотренных нами принадлежат писателям-женщинам: Татьяне Толстой, Людмиле Петрушевской, Людмиле Улицкой и Галине Щербаковой – признанным мэтрам «женской прозы», которая «не боится быть откровенной, чувствительной и чувственной» [6, с. 137], что определяет поиск авторами-женщинами новых, ярких, по-женски воспринимаемых и трактуемых образов и не менее ярких,

индивидуальных, по-женски выразительных языковых (речевых) средств создания этих образов в художественной прозе.

Итак, употребление в метафорических описаниях воспоминаний / воображаемых картин слов ЛСП кинематографа (*видеоплёнка, кинохроника, кинофильм, фильм, кино, сценарий, кадр*¹) актуализирует чувственную природу представления, характеризует его во всех рассмотренных контекстах как зрительный образ и тем самым усиливает наглядный эффект и художественную значимость метафор – очень интересных, часто окказиональных и потому необыкновенных по силе эстетического воздействия средств выражения семантики воспоминания / воображения в художественной прозаической речи.

Список литературы:

1. Голайденко Л.Н. Категория представления как структурно-семантическая (на материале художественной прозы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск: ТГПУ, 2013. – № 3 (131). – С. 140–145.
2. Голайденко Л.Н. Лексика со значением представления в современном русском языке (на материале художественной прозы): Монография. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2013. – 142 с.
3. Еникеев М.И. Психологический энциклопедический словарь. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 560 с.
4. Матвейкина Ю.И. Местоимения в языке современной прозы: функциональный аспект (на материале произведений В.О. Пелевина и С.Д. Довлатова): Автореферат диссертации ... канд. филол. наук. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 18 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1991. – 917 с.
6. Прокофьева И.О. Женское Евангелие от С. Чураевой (на материале рассказа «Чудеса не святой Магдалины») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (26), ч. 1. – С. 135–138.
7. Прокофьева И.О. Тема Афганской войны в прозе уфимского писателя И. Фролова (на материале цикла рассказов «Бортжурнал № 57-22-10») // Художественный текст: варианты интерпретации: Материалы 27 Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2013. – С. 133–150.

Гуслякова Алла Викторовна

МЕТОД ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПЕЧАТНЫХ И ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Канд. фил. наук, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва

METHOD OF LINGUISTIC MODELLING AND ITS USE WITHIN THE CONTEXT OF MODERN PRINT AND ONLINE MASS MEDIA (THEORITICAL APPROACH)

Guslyakova Alla Victorovna, Candidate of Philology,
assistant professor of
Moscow state pedagogical university, Moscow, Russian
Federation

АННОТАЦИЯ

В статье представлен метод лингвистического моделирования, который позволяет исследовать поверхностные и глубинные структуры медиатекста и медиадискурса. Выделены три ключевых медиа уровня: уровень автора в системе СМИ, уровень медиажанра и мультимедийный уровень, благодаря которым возможно построение разнообразных лингвокогнитивных моделей, отражающих представление информации в современном медиапространстве.

ABSTRACT

The article represents the method of linguistic modeling which is able to research the surface and deep structures of the media text and the media discourse. Three key media levels are introduced: the author's level in the media, the media genre level and the multimedia level. Due to their interaction the construction of various linguistic and cognitive models of the information representation is possible in the modern media space.

Ключевые слова: лингвистическое моделирование, медиатекст, медиадискурс, автор, медиажанр, мультимедийный компонент.

Key words: linguistic modeling, media text, media discourse, the author, a media genre, the multimedia

Общеизвестно, что язык средств массовой информации непосредственно воздействует на массовое сознание, неся в себе положительный или отрицательный заряд в зависимости от целевой установки. Традиционно принято считать, что главенствующая функция СМИ — это функция управления поведением огромных масс людей. Безусловно,

с этим нельзя не согласиться. Однако с появлением Интернета и непрекращающимся ростом и увеличением цифровых технологий взаимоотношения СМИ и общества меняются. Американские исследователи роли СМИ в современном мире Давид Крото (David Croteau) и Уильям Хойнес (William Hoynes) утверждают, что помимо контроля над массовым сознанием СМИ — это неотъемлемая часть общественной жизни человека и социальных условий его существования. («...media are part of our social lives, and we engage with media in social settings») [5, p.263]. Каждый человек взаимодействует со средствами массовой информации индивидуально, в мини-группах или в большом сообществе. Чтение, прослушивание и просмотр последних новостных событий в стране и за рубежом в социальных сетях, по телевидению, радио с их последующим обсуждением с семьей, друзьями, коллегами — все это является яркими примерами взаимодействия человека и медиамира. Следовательно, язык современных СМИ — это не только язык власти и идеологии, но это также возможность лингвистической интерпретации множественной реальности существования человека XXI века. В зависимости от выбора языковых средств можно выстраивать разнообразные лингвистические модели представления информации в медиaproстранстве, которые будут передавать многочисленные конфигурации взаимоотношений между медиа системой и обществом.

Лингвистическое моделирование, а еще точнее, лингвокогнитивное моделирование, как нельзя лучше способно отражать глубокий комплексный анализ традиционных и электронных СМИ. Эту же точку зрения разделяет российский исследователь Л.О. Бутакова, разработавшая процедуру когнитивного моделирования авторского сознания по тексту. Исследователь полагает, что научный потенциал метода лингвокогнитивного моделирования заключается «в переходе от констатации концептуального состава к выявлению более глубинных сущностных свойств, определяемых когнитивно-ментальным устройством самого человеческого сознания» [1, с.

61]. Иерархическая сущность модельных отношений, существующая в сознании индивида, позволяет выявить многоаспектную связь между СМИ и национальной культурой народа. Это объясняется тем, что многие принципы и понятия метода моделирования как средства создания моделей вербального поведения берут начало в области трансформационной грамматики, один из главных принципов которой гласит: доступные наблюдению поведенческие проявления, обороты речи и реакции есть поверхностные структуры, которые являются результатом воплощения в реальности глубинных структур [4]. Следовательно, принцип трансформационной грамматики подразумевает существование в строении и организации любой кодирующей системы множества уровней, на которых расположены структуры различной глубины. Применительно к моделированию в контексте СМИ это означает, что для создания качественных моделей деятельности традиционных и Интернет-СМИ необходимо исследовать различные уровни глубинных структур, лежащих в основе функционирования медиа системы. Более того, различные поверхностные структуры могут быть отражениями одних и тех же глубинных структур. Для эффективного моделирования часто бывает важно изучить многочисленные примеры поверхностных уровней, чтобы лучше понять или идентифицировать продуцирующие их глубинные структуры. Иными словами, в зависимости от цели моделирования для достижения желаемого результата может понадобиться информация нескольких различных уровней.

С целью глубокого осмысления функционирования традиционных и электронных СМИ в рамках данного исследования предлагается выделить три важных медиа уровня: автор в системе СМИ, использование разнообразных медиа жанров и мультимедийные характеристики в современном медиапространстве.

На первом медиа уровне – уровне автора в системе СМИ – основная цель исследования заключается в анализе роли автора (группы авторов) в медиа контексте; в выделении ряда лингвистических моделей автора в современных масс медиа. Ключевыми характеристиками (паттернами) авторской модели выступают гендер, возраст, образование, страна рождения, страна проживания, социальный статус, сфера интересов и место работы. Отдельно необходимо выделить последний паттерн – место работы. Дело в том, что не всегда автор в медиа среде является дипломированным журналистом. В современном мире действует новая тенденция, при которой все больше людей самых разнообразных

профессий и квалификаций становятся авторами медиа публикаций и видео репортажей. Подобную группу людей характеризуют как «активная аудитория» (active audience) [5, р. 261] Согласно теории «активной аудитории» (active audience theory) эти люди способны самостоятельно и независимо интерпретировать получаемую информацию в медиапространстве и умеют противостоять внешнему психологическому воздействию, исходящему со стороны СМИ [там же].

На втором медиа уровне – уровне медиа жанра – рассматриваются многочисленные жанры, используемые в контексте современных печатных и электронных медиа-изданий (например, аналитическое интервью, аналитический пресс-релиз, беседа, комментариев, рецензия, статья, журналистское расследование и т.д.). К этому многочисленному списку необходимо отнести появившиеся в недавнем прошлом благодаря научно-техническому прогрессу новые медиа жанры (блоги, социальные сети и читательские комментарии). Выбор некоторого жанра автором медиатекста и медиадискурса всегда задает определенную модельную траекторию подачи информации в медиапространстве.

На третьем медиа уровне – уровне мультимедийности – лингвистическое моделирование медиадискурса задействует экстралингвистические характеристики современных средств массовой информации. Наиболее популярными экстралингвистическими свойствами СМИ из них, на наш взгляд, являются такие мультимедийные компоненты, как использование видеоряда, наличие интерактивных ссылок на другие материалы или статьи или социальные сети; наличие поисковой системы (search engine) и интерактивной обратной связи с медиа источником (interactive feedback). Все эти и другие мультимедийные средства позволяют выстраивать многообразные лингвистические модели подачи информации в СМИ.

В целом, подводя итог всему выше сказанному о роли и значимости лингвистического моделирования в системе СМИ, отметим следующее. Обращение к процедуре лингвистического моделирования – это выбор подходящего, адекватного способа вербального и аудиовизуального воздействия на личность в конкретной коммуникативной ситуации [2]. Лингвистическое моделирование позволяет правильно сочетать различные тактики (например, подборка определенного медиа жанра с подходящими мультимедийными характеристиками) для достижения наибольшего эффекта. Метод лингвистического моделирования, содержащий в себе когнитивно-прагматические характеристики, позволяет

устанавливать связи между непосредственно наблюдаемыми лингвистическими и экстралингвистическими характеристиками медиадискурса и на их основании обнаруживать и объяснять механизмы представления информации и ее функционирование в современном медиaprостранстве.

Список литературы:

1. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: когнитивный аспект: дис.... д-ра. филол. наук. Омск, 2001, 459 с.
2. Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. Пособие. - М.: ФЛИНТА: Наука, 2013, С.21
3. Мишанкина Н.А. Лингвокогнитивное моделирование научного дискурса: дис.... д-ра. филол.наук. Томск, 2010, 409 с.
4. Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике.-М., 1962.- В. II.- С.412-527.
5. Croteau D., Hoynes W. Media/society: industries, images, and audiences. Fifth Edition. Sage Publications, Inc., 2014, 402 p.

Иванова Д.С., Сомова М.В., Южакова Ю.А.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

¹канд. пед. наук, доцент Рязанского государственного университета, г.Рязань

²канд. филол. наук, доцент Рязанского государственного университета, г.Рязань

³канд. филол. наук, доцент Рязанского государственного университета, г.Рязань

ANALYSIS OF THE CONDITION OF SPEECH CULTURE SOCIAL GROUPS OF THE RUSSIAN SOCIETY

Ivanova Darya, Candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Ryazan state university, Ryazan, Russian Federatin

Somova Marina, Candidate of philological sciences, associate professor of the Ryazan state university, Ryazan, Russian Federatin

Yazhakova Yalia, Candidate of philological sciences, associate professor of the Ryazan state university, Ryazan, Russian Federatin

АННОТАЦИЯ

Цель работы – проанализировать состояние современной культуры речи. Методы - тестирование, опрос, математическая статистика. Выявлены основные факторы развития речевой культуры социальных групп. Разработана программа повышения уровня речевой культуры населения Рязани.

Ключевые слова: речевая культура; факторный анализ.

ABSTRACT

The work purpose – to analyse a condition of the modern standard of speech. Methods - testing, poll, mathematical statistics. Major factors of development of speech culture of social groups are revealed. The

program of increase of level of speech culture of the population of Ryazan is developed.

Keywords: speech culture; factorial analysis.

Актуальность проблемы и научная значимость ее решения определяется тем, что речевая культура – часть общечеловеческой культуры, зачастую показатель последней, своеобразная «лакмусовая бумажка» уровня образованности, эрудированности и воспитанности конкретного человека. Владение речевой культурой – необходимое условие эффективной коммуникации, залог взаимопонимания, нахождения удачных решений различных проблем и в индивидуальной деятельности, и особенно в коллективной. Без речевой культуры невозможно себе представить успешное ведение различных переговоров, поиски выхода из спорных ситуаций, разрешение конфликтов, без речевой культуры сегодня невозможно себе представить ни современного политического деятеля, ни бизнесмена, ни, тем более, деятеля культуры и искусства или представителя науки и образования. Речевая культура – показатель цивилизованности и гуманности общества в целом.

Однако всё чаще сейчас мы слышим разговоры о том, что в настоящее время уровень речевой культуры в нашем обществе очень низок и продолжает падать, что проявляется в неумении носителей языка ясно выражать свои мысли, в незнании ими

значений многих слов и правил их сочетаемости, в бедности и убогости речи, в постоянном нарушении речевых норм, в грубости и вульгарности речи. Но, в целом имея представление о «симптомах» этой «болезни» нашего языка, мы до сих пор до конца не выяснили, в чем же заключаются ее причины, а не зная причин болезни, невозможно с нею бороться.

Всестороннее исследование уровня речевой культуры школьников и студентов, учителей и преподавателей вузов, представителей госуправления, СМИ и сферы обслуживания позволит выяснить точные причины снижения её уровня в каждом конкретном случае и наметить пути решения данной проблемы. Ситуация в г. Рязани не отличается от общей ситуации в стране. Это образовательный и культурный центр европейской части России с отсталой промышленностью и развитой торговлей. В советские времена в Рязани было 9 вузов, а после перестройки их число возросло многократно.

Мы проводим исследования и оценку уровень речевой культуры россиян на базе пилотного региона – Рязанской области. Полученные данные могут быть с минимальными поправками применены во всех регионах страны.

В исследование входят следующие аспекты: дифференцированный анализ состояния речевой культуры различных социальных групп г. Рязани, выработка путей преодоления отрицательных тенденций в ее формировании, повышение уровня речевой культуры.

В процессе исследования различных социальных групп г. Рязани были определены факторы, влияющие на формирование речевой культуры.

Опросы и тестирование жителей города Рязани показали, что уровень речевой культуры не очень высок. Так как до настоящего времени не проводилось исследований языковой ситуации в регионе за основу исследования нами взяты труды, связанные с изучением современного состояния русского языка в государствах СНГ, государственные образовательные стандарты по дисциплине «Культура речи».

Для формирования и совершенствования уровня речевой культуры жителей Рязани создана научно-исследовательская лаборатория "Культура русской речи". Опубликована программа исследования речевой культуры "Программа изучения и повышения уровня речевой культуры различных слоев и профессиональных групп населения Рязани".

Статистическая обработка данных включила в себя следующие методы. Если экспериментальная гипотеза содержит предположение о том, что в результате проводимого исследования возрастут (или

уменьшатся) показатели какого-либо качества, то для сравнения до- и постэкспериментальных данных рекомендуется использовать критерий Стьюдента или χ^2 -критерий. К последнему обращаются в том случае, если первичные экспериментальные данные относительны и выражены, например, в процентах.

Если экспериментально проверяемая гипотеза включает в себя утверждение о причинно-следственной зависимости между некоторыми переменными, то её целесообразно проверять, обращаясь к коэффициентам линейной или ранговой корреляции.

Иногда гипотеза включает предположение о том, что в результате эксперимента возрастут или уменьшатся индивидуальные различия между испытуемыми. Такое предположение хорошо проверяется с помощью критерия Фишера, позволяющего сравнить дисперсии до и после эксперимента.

Факторный анализ уровня речевой культуры студентов, школьных учителей и преподавателей вузов, региональных СМИ (печатных, Интернет изданий, радио, телевидение), госслужащих, представителей власти различных уровней представителей СКС показал, что существует четкое разделение групп по уровню дохода, социальной сферы работы, направленности профессиональной деятельности.

Материалом для факторного анализа служат корреляционные связи результатов тестирования и опросов жителей города.

Использование факторного анализа в этом случае основано на широко принятом допущении, согласно которому наблюдаемые и доступные для прямого измерения показатели являются лишь косвенными и/или частными внешними проявлениями более общих характеристик. Эти характеристики, в отличие от первых, являются скрытыми, так называемыми латентными переменными, поскольку они представляют собой понятия или конструкты, которые не доступны для прямого измерения. Однако они могут быть установлены путем факторизации корреляционных связей между наблюдаемыми чертами и выделением факторов, которые (при условии хорошей структуры) можно интерпретировать как статистическое выражение искомой латентной переменной.

Хотя факторы имеют чисто математический характер, предполагается, что они репрезентируют скрытые переменные (теоретически постулируемые конструкты или понятия), поэтому названия факторов нередко отражают сущность изучаемого гипотетического конструкта.

Факторный анализ мы использовали также для стандартизации тестовых методик, которая проводится на репрезентативной выборке испытуемых.

Список литература:

1. Благуш П. Факторный анализ с обобщениями. М.: Финансы и статистика, 1989.
2. Ермолаев А.Ю. Математическая статистика для психологов. - М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003.336с.
3. Иберла К. Факторный анализ. М.: Статистика, 1980.
4. Ким Дж.О., Мьюллер Ч.У. Факторный анализ: статистические методы и практические вопросы // Факторный, дискриминационный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1989.
5. Корнилова Т.В. Введение в психологический эксперимент. Учебник для ВУЗов. М.: Изд-во ЧеРо, 2001
6. Научная статья: Южакова Ю.А. , О необходимости введения русского языка в качестве обязательной составной части в образовательные программы подготовки и переподготовки квалифицированных кадров, Совершенствование общеобразовательной и профессиональной подготовки специалистов в свете модернизации системы образования: Материалы 1 Всероссийской научно-практической конференции. Рязань: МИЭМП, 2009. – С.44-50, 2009
7. Научная статья: Южакова Ю.А. , Состояние речевой культуры в Рязанской области (попытка ситуационного анализа), Молодежь, семья, общество: материалы междунаучно-практич. конференции, апрель 2010 г., г. Рязань – Рязань, 2010. – С.377-384, 2009
8. Немов Р.С. Психология. Кн.3: Психодиагностика. Введение в научное психологическое исследование с элементами математической статистики. - М.: ВЛАДОС, 1998. – 632 с.
9. Окунь Я. Факторный анализ. М.: Статистика, 1974.
10. Сомова М.В. , Южакова Ю.А. , Программа изучения и повышения уровня речевой культуры различных слоев и профессиональных групп населения Рязани, Молодежь. Семья. Общество: Материалы международной научно-практической конференции (23-24 ноября 2011). - Рязань: "Рязань. Мир", 2012. - С.492-495., 2012
11. Тезисы доклада/выступления: Южакова Ю.А., Русский язык сегодня, Русский язык в современном обществе: Проблемы и перспективы: Материалы научно-практической конференции. – Рязань, 2004. – С. 57-59, 2004- Русский
12. Тезисы доклада/выступления: Южакова Ю.А. , Формирование речевой культуры как основы корпоративной культуры , Корпоративная культура в социальной сфере: Материалы международной конференции. – М.: МПСИ, 2008.- С. 72-76, 2008
13. Харман Г. Современный факторный анализ. М.: Статистика, 1972.

Карсанова Елена Васильевна

О ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ КАК СРЕДСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

канд. фил. наук, доцент Северо-Осетинского государственного университета, г. Владикавказ

POETIC TRANSLATION AS A MEANS OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

Karsanova Elena, Candidate of Science (Philology), assistant professor of North-Ossetian

State University, Vladikavkaz, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются отдельные случаи вербальной реализации межкультурной комму-

никации. Материалом для анализа послужили поэтические оригиналы классиков на английском и русском языках и их переводы на осетинский язык. Проведенное исследование показало, что наличие межкультурной компетенции у переводчика является необходимым условием качественного перевода.

ABSTRACT

The article deals with certain cases of the verbal realization of intercultural communication. Classics' poetic originals in English and Russian and their translations into Ossetian served as the material under consideration. The research conducted showed that the translator's intercultural competence is the necessary criterion for high-quality translation.

Ключевые слова: поэтический перевод, оригинал, межкультурная коммуникация, вербальная реализация, лексико-грамматические особенности.

Keywords: poetic translation, original, intercultural communication, verbal realization, lexical and grammar peculiarities.

Поэтический перевод является одной из наиболее тонких и сложных форм межкультурной коммуникации. Задача оригинальных поэтических текстов заключается в обеспечении духовного общения между автором и его соотечественниками, пусть даже разделенными большим временным промежутком. Переводные поэтические тексты существуют для того, чтобы, по точному определению Гончаренко С.Ф., «... осуществить еще более сложный коммуникативный процесс: духовное общение

между автором и такими его читателями, которые воспитаны в лоне другого (не авторского) языка и другой культуры» [1].

Перед переводчиком стоит двойная задача: он должен передать как форму (интонацию, ритм и метр), так и содержание исходного произведения, сохранив настроение автора и национально-культурную специфику его родного языка. При этом эстетика поэтического перевода не должна ощущаться неким инородным телом и для принимающей стороны. Последнее условие подразумевает определенное совпадение переведенного материала с культурной спецификой народа – носителя языка, на который осуществляется перевод. Наличие перечисленных факторов является залогом успешного процесса межкультурной коммуникации.

В рамках данной работы мы отметим некоторые моменты вербальной реализации межкультурной коммуникации на материале поэтических оригиналов В. Шекспира и А.С. Пушкина и их переводов на осетинский язык, выполненных Т. Кокайты, Е. Карсановой, М. Дзасоховым, Н. Джусойты и А. Кодзати.

Рассмотрим третью строку из знаменитого «Сонета 130» В. Шекспира.

Оригинал В. Шекспира	Перевод на русский С.Я. Маршака	Перевод на осетинский Т. Кокайты	Перевод на осетинский Е. Карсановой
(3) If snow be white, why then her breasts are dun; [6, с. 283]	(3) Не белоснежна плеч открытых кожа, [6, с. 284]	(3) Йё дёллагхъуыр дёр айрох веййы митей, [6, с. 285]	(3) Йё хъуыр тёмёнтё, урс митау, нё калы, [3, с. 99]

Примечательно, что оба осетиноязычных переводчика заменили английское «breasts» («груди») более целомудренными вариантами: «дёллагхъуыр» («нижняя часть шеи») и «хъуыр» («шея»). На наш взгляд, это вполне оправданно, так как то, что звучало и воспринималось естественно для носителей европейской и русской культур вследствие определенной откровенности женских нарядов, подразумевающих глубокое декольте и открытые плечи, для осетин считалось бы не совсем приличным ввиду

более скромного и закрытого фасона женского платья. Человек с истинно осетинской психологией автоматически английское «breasts» переводит как «шея», потому что цвет груди осетинки никто не мог видеть. Это не есть искажение, скорее, уподобление этическим нормам принимающей культуры, не деформирующее смысл оригинала. Хотя данная замена не является законом, которому надо строго следовать.

Проанализируем перевод следующих строк того же сонета:

Оригинал В. Шекспира	Перевод на русский С.Я. Маршака	Перевод на осетинский Т. Кокайты	Перевод на осетинский Е. Карсановой
(9) I love to hear her speak, yet well I know	(9) Ты не найдешь в ней совершенных ли- ний,	(9) Хёрзаив ыл нё ныуагъта йё фёд дёр,	(9) Йё ныхасмё йын цингёнгё фёхъусын,
(10) That music hath a far more pleasing sound;	(10) Особенного света на челе,	(10) Нёу удён адджын йе сныхас, йё дзырд.	(10) Зёгъон ёргом: йё хъёлёс нёу зёрин.

(11) I grant I never saw a goddess go;	(11) Не знаю я, как шествуют богини,	(11) Нё зонын ёз, куыд рацёйцёуынд зёдтё,	(11) Йё фезмёлд дёр уёззаугомау – нё усён,
(12) My mistress, when she walks, treads on the ground. [6, с. 283]	(12) Но милая ступает по земле. [6, с. 284]	(12) Фёлэ – уёззау мё уарзонён йё цыд. [6, с. 285]	(12) Сёгуытау рог нё фёхёссы йё син. [3, с. 99]

Перевод Т. Кокайты 9-ой и 10-ой строк семантически и лексически более приближен к русскому переводу, нежели к оригиналу. По всей видимости, это объясняется тем, что переводчик опирался при работе на русский материал. Однако это не помешало ему передать идею несовершенства внешности (любимой) женщины. В оригинале (строки 11-12) походка возлюбленной противопоставляется поступи богини («goddess»). В осетинском языке нет традиции сравнения женской красоты, в общем, и походки, в частности, с богиней, как нет и самого понятия «богиня» в осетинской мифологии. По-

этому Т. Кокайты, сохранив идею «небожителства», отдал предпочтение варианту «рацёйцёуынд зёдтё» («идут ангелы»).

Е. Карсанова при переводе тех же строк сравнила походку женщины с косулей («сёгуыт»), так как у осетин грация и легкость девичьей походки часто ассоциировалась с косулей, серной, ланью, т.е. с быстроногими, изящными и благородными представителями горной фауны.

Зависимость перевода от лексико-грамматических особенностей двух задействованных языков мы наблюдаем в переводе на осетинский язык стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил: любовь еще, быть может...»:

<i>Оригинал А.С. Пушкина</i>	<i>Перевод на осетинский М. Дзасохова</i>	<i>Перевод на осетинский Н. Джусойты</i>
(1) Я вас любил: любовь еще, быть может,	(1) Ёз уарзтон дёу; уарзт, чи зоны, мё риуы	(1) Ёз уарзтон дёу: уый, чи зоны, нырма дёр
(2) В душе моей угасла не совсем; [4, с. 176]	(2) Нёма ахуыссыд абон дёр бынтон, [4, с. 179]	(2) Мё сусёг уарзт мё удрёбын тёлфы, [4, с. 177]

В осетинском языке нет обращения на «вы» к одному человеку (единственному числу), независимо от возраста и социального статуса этого человека и личного отношения обращающегося лица к нему. Соответственно, оба переводчика посчитали

целесообразным и в цитируемых строках, и далее в тексте переводить «вас», «вам» как «дёу» («тебя»), «дёумё» («тебе»).

Обратим внимание также на стихотворение «Телега жизни» А.С. Пушкина.

<i>Оригинал А.С. Пушкина</i>	<i>Перевод на осетинский А. Кодзати</i>	<i>Перевод на осетинский Н. Джусойты</i>
(5) С утра садимся мы в телегу;	(5) Сёумёйё уёрдоны ысбадём;	(5) Ысбадём уёрдоны мах райсом,
(6) Мы рады голову сломать	(6) Нё зонём тас, нёдёр сёрфад.	(6) Нё цин – тёхгё, кём ис фёллад!
(7) И, презирая лень и негу,	(7) Нё тёрсём зивёгёй, фёлладёй,	(7) Нё арм нё удёнцаймё райсём,
(8) Кричим: Пошел!.. [4, с. 68]	(8) Хьёр сисём: гьёйтт, уёдё, дёмад!.. [4, с. 69]	(8) Нё хьёр: тёргё!.. [5, с. 32]

Оба переводчика мастерски передали не только содержание оригинала, но и настроение произведения: удаль, смелость, нетерпение, азарт, так свойственные молодости; при этом в переводе 8-ой строки Н. Джусойты сохранил ту же недосказанность, что и автор стихотворения, а А. Кодзати «закончил» идею.

Во всех рассмотренных нами произведениях переводчики в той или иной степени демонстрируют наличие такого необходимого для языкового специалиста качества, как межкультурная компетенция, – способности, «... которая позволяет языковой личности выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур,

не утрачивая собственной культурной идентичности» [2]. Межкультурная компетенция, в свою очередь, предполагает наличие знаний, охватывающих различные сферы общества: повседневную жизнь и межличностные отношения, систему ценностей и убеждений, а также правила этикета, традиций и ритуалов.

Литература

1. Гончаренко С.Ф. Художественный перевод как межкультурная коммуникация. – [электронный ресурс]: <http://sch-yuri.ru/transltn/tetradl.htm>
2. Зиновьева А.Ф. Перевод как вербальная реализация межкультурной коммуникации. – [электронный ресурс]: <http://www.russisches-haus.de/artikelansicht.php?aid=4i&lang=de>

3. Карсанова Е. Из Шекспира (Перевод на осет. яз. «Сонета 130») // Мах дуг: Ежемес. литер.-худож. и обществ.-полит. журн. / Гл. ред. А. Кодзати. – Владикавказ, 2012. – № 8. – С. 99.
4. Пушкин А. Стихи (Пер. на осет. яз.) // Сост. М. Дзасохов. – Владикавказ: Ир, 1999. – 244 с.
5. Пушкин А.С. Да здравствует солнце, да скроется тьма! // Перев., авт. вступит. ст. Н.Г. Джусойты. – Цхинвал: Южная Осетия, 2009. – 113 с.
6. Шекспир У. Сонеты (На англ. языке с параллельными осетинским и русским переводами) // Пер. и сост. Т.А. Кокайты. – Владикавказ: Ир, 2001. – 336 с.

Щукина Кира Александровна

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В «ПИРОЖКАХ» – НОВОМ ЖАНРЕ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

канд. фил. наук, ст. преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета,
г. Санкт-Петербург

PRECEDENT PHENOMENA IN THE NEW GENRE OF
CONTEMPORARY INTERNET POETRY –
“PIROZHOK”

Shchukina Kira, Candidate of Science, senior instructor
of St. Petersburg State University, St. Petersburg,
Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются прецедентные феномены в новом жанре современной интернет-поэзии – «пирожок», а также дается основная информация о происхождении этого жанра и его близости к фольклору. Анализируется ряд примеров, содержащих прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации. Выявлены случаи функционирования нескольких разнородных прецедентных феноменов в одном тексте.

ABSTRACT

The purpose of the article is to give the reader some information about precedent phenomena in the new genre of contemporary internet poetry "pirozhok". Basic information about the origins of the genre and its proximity to the folklore is provided. The article

considers a number of examples containing precedent texts, precedent utterances, precedent names and precedent situations. The author analyzes the cases of functioning of various kinds of precedent phenomena in the text.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация, «пирожок», интернет-поэзия, фольклор.

Keywords: precedential phenomena, precedent text, precedent utterance, precedent name, precedent situation, "pirozhok", internet poetry, folklore.

«Пирожок» — это очень популярное последние десять лет явление, возникшее в Интернете: «четверостишие без рифмы, цифр, знаков препинания и дефисов, написанное четырехстопным ямбом и строчными русскими буквами», которое называется пирожком, «если помимо формата в нём присутствует неуловимый пирожковый дух (...) Пирожок должен волновать читателя и не быть банальным» [13].

*бог создал труд и обезьяну
чтоб получился человек
а вот пингвина он не трогал
тот сразу вышел хорошо*

Первый пирожок написал Владислав Валентинович Кунгуров в конце 2003 года на сайте www.stih.ru, ответвлении сайта www.hokku.ru. Сейчас количество пирожков в сети зашкаливает за сотни тысяч.

С одной стороны, пирожки близки к хокку, от которых произошли — если принять во внимание тот факт, что первые пирожки ответвились от интернет-портала, посвященного хокку. С другой стороны, они близки к частушкам, если учитывать форму — четверостишие, в отличие от трехстишия хокку. Сближает с пирожки с частушками и широта охвата тематики: любовно-бытовые, общественно-политические, злободневные и т.д. Можно сказать, что пирожки в настоящее время функционируют как промежуточный жанр: полулитературный, полуфольклорный.

Изначально у любого пирожка есть автор. Например, автором вышеприведенного пирожка указан the аху, но, по сути, это не имя, а никнейм, сетевое имя — псевдоним, используемый пользователем в Интернете. Настоящее имя автора остается читателю неизвестным. А далее утрата имени автора становится еще более полной: поскольку пирожковая поэзия активно распространяется через социальные сети, большинство четверостиший утратили авторство, стали безавторскими, то есть фольклорными. Существует также подход, в котором тексты сетевых коммуникаций рассматриваются как так называемый «интернетлор», обладающий «многими свойствами фольклора (воспроизведение в изменяемых копиях, использование определенного набора клише, часто — анонимность и пр.). (...) Здесь культура как бы возвращается к своей предыдущей фазе, к пластичности форм, к безавторству и т.п.» [13]

Таким образом, учитывая популярность пирожков, мы имеем дело с еще одним жанром городского фольклора. А городской фольклор, в отличие от традиционного фольклора, «связан с письменными формами, с авторским началом. Более того, для городского жителя он идеологически маргинален: свои идеологические потребности городской человек удовлетворяет иначе, с использованием других продуктов — главным образом, относящихся к масс-медиа и массовой культуре» [12]. И с этой точки зрения можно сказать, что мы наблюдаем еще

одно явление массовой культуры, распространяющееся через интернет-коммуникации.

Возвращаясь к теме статьи, отметим, что кроме «неуловимого пирожкового духа», в «пирожках» часто встречаются прецедентные феномены, как, например, в приведенном выше пирожке — реминисценция на статью Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека».

В современной сетевой поэзии, такой, как пирожки, «обновляются формы взаимодействия между текстами, становятся все более разнообразными приемы акцентирования определенных смыслов, языковой игры, проявления интертекстуальности. Среди приемов смыслового акцентирования значительное место отводится языковым играм с прецедентными феноменами (именами, ситуациями, высказываниями и текстами), что, несомненно, влияет на появление у читателей определенных ассоциаций» [1, с. 62]. Прецедентные феномены также «несут за собой» культурные и аксиологические ассоциации из прежних контекстов, создавая тем самым дополнительные приращения смысла в создаваемом заново тексте. За прецедентным феноменом всегда стоит инвариант его восприятия, который делает все апелляции к нему коннотативно окрашенными, экспрессивными. [15, с. 33].

Источники и способы введения (дословное цитирование или трансформированное цитирование) прецедентных феноменов в текст пирожков могут быть разными. Чаще всего оригинальный текст подвергается разнообразным деформациям, и цитирование имеет место в измененной форме. Но независимо от того, является ли цитирование дословным или деформированным, любая цитата приобретает новый смысл, так как в любом случае меняется вербальный и ситуативный контекст, сопровождающий прецедентный феномен [10, с. 336].

Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении различных видов прецедентных феноменов, но отметим, что вслед за И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым и Д.В. Багаевой [6] разграничиваем следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Подробная характеристика каждого из феноменов дана в работах [4, 9].

Итак, в текстах «пирожков» встречаются прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации. Иногда они сталкиваются в одном и том же тексте,

в пределах четырех строчек, что мы и покажем дальше.

Прецедентные тексты

Чаще всего в качестве прецедентных текстов в «пирожках» используются сказки.

Например, всем известная сказка про «Репку»:

*спят дедка бабка внучка жучка
и кошка с мышкой тоже спят
а репка из земли вылезит
идёт на цыпочках с ножом
supposedly-me*

В тексте «пирожка» использована языковая игра (как в известном анекдоте): репка из неодушевленного предмета превращается в живое существо, по всей вероятности, в человека. Происходит деформированное, или трансформированное, цитирование, меняется вербальный и ситуативный контекст. За счет правил оформления пирожков – без использования заглавных букв – игра становится неочевидной и не совсем понятной читателю, достигается эффект устной речи (отметим также использование просторечного «вылезит»). Можно сказать, что таким образом еще раз подчеркивается близость «пирожков» к фольклору.

«Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина наиболее популярна как прецедентный текст среди создателей «пирожков»:

*зухра мороженую рыбу
купила и несёт домой
а та оттаяла и молвит
проси что хочешь у меня
vogon
чего ты снова хочешь старче
с упрёком произносит рыбе
и дед смутясь желание шепчет
показывая на себе*

Покемон

Интересны трансформации текста – каждый из авторов видит ситуацию по-своему, но тем не менее источник прецедентности безошибочно угадывается читателем. В последнем «пирожке» используется несколько искаженное прецедентное высказывание «чего ты снова хочешь старче», отсылающее к тексту А.С. Пушкина за счет использования обращения «старче»: «Чего тебе надобно, старче?»

Как прецедентные тексты в «пирожках» используются не только сказки:

*годами вверх ползла улитка
но вот вершина что теперь*

*и умирать ей рановато
и больше некуда ползти*

Шурин О. К.

Источником прецедентности здесь служит известное хокку Кобаяси Исса:

*Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!
(перевод В.Марковой)*

Это хокку известно в русской лингвокультуре благодаря использованию в качестве эпиграфа к произведению А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне». В «пирожке» данный текст переосмыслен и предложен к развитию: улитка доползла до вершины, что же делать дальше?

Следует отметить, что читатель, не знакомый с изначальным текстом, вряд ли поймет глубинный смысл этого «пирожка». Таким образом, можно сказать, что чтение и понимание такого рода текстов требует определенного уровня лингвокультурной компетенции.

Как прецедентный текст в «пирожках» может быть использовано и литературное произведение:

*блоха пришла к левше под утро
глаза больные вся дрожит
и не подкованы копыцца
и спинка в язвах от седла
александра*

Источником прецедентности служит повесть Н.С. Лескова «Левша». Как и в примерах, приведенных выше, текст развернут, трансформирован и доведен до абсурда: блоха не только подкована, но и оседлана. Задача читателя здесь не так проста – нужно не только опознать текст, послуживший источником прецедентности, но и на протяжении 4 строчек понять, что же собственно хотел выразить автор «пирожка».

Прецедентные высказывания

И.В. Захаренко отмечает, что использование в речи прецедентного высказывания, как правило, предполагает отсылку или к прецедентному тексту, или к прецедентной ситуации в том смысле, что без нее либо не будет понят смысл высказывания, либо не прочитаются связанные с прецедентным феноменом коннотации [5, с. 50]. Нам представляется, что это становится особенно очевидным в случае «пирожков».

*бог создал труд и обезьяну
чтоб получился человек*

*а вот пингвина он не трогал
тот сразу вышел хорошо
the аху*

Источником создания прецедентности служит статья Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а еще точнее – бытующее в обиходе прецедентное высказывание «Труд сделал из обезьяны человека». В тексте оригинала существует только три компонента – «труд», «обезьяна» и «человек», в тексте же «пирожка» добавляется четвертый компонент – «бог», который, разумеется, противоречит материалистической концепции исходного прецедентного высказывания. Таким образом, текст пирожка содержит высказывание, противоположное по смыслу по отношению к прецедентному, и благодаря этому автору удастся добиться комического эффекта.

Понятно и закономерное обращение к текстам А.С. Пушкина, хорошо известным из школьной программы:

*сегодня ночью вьюга злилась
луна как бледное пятно
сквозь дым светила мне на кухню
я был в трусах и ел пирог
al cogol*

Из прецедентного высказывания (стихотворение «Зимнее утро») удалена одна строка:

*Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела..,*

но в остальном высказывание не претерпевает изменений и легко опознается читателем. Завершение же текста создает эффект «обманутого ожидания» и служит источником комического.

Аналогичный прием используется и в других «пирожках»:

*онегин добрый мой приятель
родился на берегах невы
его маман была чудачкой
ещё б в неву пошла рожать*

В качестве источника прецедентности использована легко узнаваемая цитата из «Евгения Онегина» А.С. Пушкина, но продолжение этой цитаты, предлагаемое автором пирожка, снова обманывает ожидания читателя и вызывает у него смех.

Прецедентные ситуации

Рассматривая прецедентные ситуации, Д.Б. Гудков дает следующее определение: «Прецедентной ситуацией мы называем некоторую реальную

единичную ситуацию, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества». [3, с. 41]. Далее Д.Б. Гудков отмечает, что актуализация прецедентной ситуации происходит при ее сопоставлении с той или иной ситуацией речи, а актуализатором прецедентной ситуации является прецедентное высказывание [там же]. Рассмотрим, как это реализуется в «пирожках»:

*в пустую старую квартиру
письмо приносит почтальон
дед забираи меня с продленки
и увези меня к себе*

Д.М.

Актуализатором прецедентной ситуации выступает прецедентное высказывание из рассказа А.П. Чехова «Ванька»: «Милый дедушка, сделай божечку милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Клянюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...» Прецедентная ситуация переработана и «осовременена», но вполне опознаваема читателем с определенным уровнем лингвокультурной компетенции.

Соединение нескольких прецедентных феноменов в одном тексте.

«Пирожки» как тексты примечательны тем, что иногда в пределах одного «пирожка» сталкиваются несколько прецедентных феноменов – два и более. Совмещение такого количества прецедентных феноменов в четырех строчках создает насыщенный смыслами текст. Подобная концентрация прецедентности вряд ли может возникнуть в текстах иного рода, и именно поэтому «пирожки» так привлекательны как материал для исследования прецедентности.

*исус спросил что там за крики
и шум за масличной горой
а это иоанн ответил
нас арестовывать идут
supposedly-me*

Соединение трех прецедентных феноменов: прецедентной ситуации из Библии – на Масличной (Елеонской) горе молился перед арестом Иисус Христос (Лк. 22), прецедентных имен – Иисуса и Иоанна, и прецедентного высказывания из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «–А что это за шаги такие на лестнице? – спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе. –А это нас

арестовывать идут, - ответил Азazelло и выпил стопочку коньяку».

Следующий текст предлагает внимательному читателю соединение прецедентных имен и прецедентного высказывания:

*а где тут руль спросил гагарин
деревня буркнул королёв
ещё спроси а где тут вожжи
ещё поехали скажи
garwuf*

В «пирожке» обыгрывается происхождение Ю.А. Гагарина и его известное высказывание, ставшее прецедентным, - «Поехали!», кроме того, использованы прецедентные имена Ю.А. Гагарина и С.П. Королёва. Все вместе создает комический эффект для читателя с соответствующей лингвокультурной компетенцией.

Интересно обращение к прецедентному тексту сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»:

*ты не рассказывай мне сказки
о детских комплексах и зле
что знаешь ты о трудном детстве
воды не пивший из копытц
the axu*

Здесь автор «пирожка» обращается не только к тексту сказки и прецедентному высказыванию «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!», но и к прецедентному высказыванию из психоанализа З. Фрейда — «детские комплексы», а также к устойчивым выражениям «рассказывать сказки» и «трудное детство». Все вместе дает интересное смысловое наполнение, заставляющее читателя задуматься над текстом.

Таким образом, интенсивное использование прецедентных феноменов в речи, наблюдающееся в последнее время, происходит и в «пирожках». Причем зачастую в рамках одного стихотворения используются разнопорядковые или, порой, несовместимые понятия. Отсылка к другому тексту в значительной степени расширяет смысловое и коннотативное поле «пирожка». В каждом конкретном тексте отражается ментально-вербальная языковая личность автора, который пытается учесть лингвокультурные факторы восприятия данного произведения адресатом. Нередко на прецедентных феноменах, использованных в «пирожках», держится весь смысл данного произведения. Но если читателю не хватает лингвокультурной компетенции, и он не знает, к какому тексту/имени/высказыванию/ситуации апеллировать, то весь смысл «пирожка» теряется, и декодирование его читателем становится невозможным.

Литература

1. Бирюкова Н.С. О типах прецедентных феноменов // Известия УрГПУ. Лингвистика/ Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 60-66.
2. Гришаева Л.И., Попова М.К., Титов В.Т. Феномен прецедентности и преемственность культур. – Воронеж : ВГУ, 2004
3. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. . М.: Диалог-МГУ, 2000. . Вып. 11. . 140 с.
4. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с. .
5. Захаренко И.В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. . М.: Диалог-МГУ, 2000. . Вып. 12. . 148 с.
6. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
8. Красных В.В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А. И. Изотов. - М.: «Филология», 1997. Вып. 2. - 124 с.
9. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.8,
10. Куликова Е.В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2010, № 6, с. 334–340
11. Куликова Е.В. Рекламный текст: лингвистические приемы выразительности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. 2009 . № 6. Ч. 2. С. 276–282.].
12. Неклюдов С.Ю. Фольклор после фольклора. Знание-Сила. 2010, №7.
13. Неклюдов С.Ю. "ПостНаука" <http://postnauka.ru/faq/11073>
14. Пирожковая. Правила. <http://www.perashki.ru/info/Rules>
15. Сорокин Ю.А., Гудков Д.Б., Красных В.В., Вольская Н.П. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация. 1998. Вып.4. С.15.

Сур Виктория Александровна

ПАРЕМИИ КАК НОСИТЕЛИ ПРИЗНАКОВ АНГЛИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

ассистент Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, г. Москва

PAREMIAS AS A MIRROR OF ENGLISH MENTALITY
Sur Victoria, Assistant teacher of M.A. Sholokhov
Moscow State University for the Humanities, Moscow,
Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Паремии являются ярким языковым средством, отражающим концепты культуры. Их изучение может способствовать лучшему пониманию отдельных культур, что особенно ценно для укрепления, урегулирования и развития межнациональных связей в современном интегрированном мировом сообществе.

ABSTRACT

Premias are a powerful means of cultural concepts transmitting. Studying these can contribute to better understanding of a nation, which is especially valuable for maintenance and development of international ties in modern integrated global community.

Ключевые слова: паремии, концепты культуры, английский менталитет.

Keywords: paremias, concepts of culture, English mentality.

Природа паремий большинством исследователей определяется как знак этнической «традиционной» культуры, выполняющих роль «архива» народной мудрости [1; с. 10]. Обладая статусом знаков языка и культуры, паремии содержат в себе различные виды оценок стереотипных ситуаций, нормативные предписания и руководства, направленные на формулирование основных принципов выживания, способа жизни в конкретных условиях. Иными словами, паремиологический фонд отдельного языка обеспечивает набор моделей ситуаций и отношений, возникающих в сообществе его носителей, а также содержит оценку данных моделей [7, с. 497].

Это делает обоснованной нашу попытку определить общие черты английской ментальности, анализируя паремиологический фонд английского языка. Для данной цели нами было рассмотрены особенности отражения концептов «толерантность», «ум», «богатство» и «труд» в английских паремиях.

Сопоставление списка паремий фразеологизмов английского, немецкого и русского языков, от-

ражающих толерантность, позволило В.А. Воропаевой определить в количественном отношении состав их фразеосемантических полей. Так, в английском языке в большей мере паремии выражают желание понять другого человека, проявить компромисс, стойкость, согласие и смирение: *A bad compromise is better than a good law-suit; The longest day must (or will) have an end.* В английском языке большое количество примеров выражает толерантность пониманием создавшихся обстоятельств: *Accidents will happen in the best-related families* [3; с. 17-18].

В результате анализа паремий и фразеологизмов английского языка, исследователь приводит следующие показатели, отражающие особенности проявления толерантности в английском социуме: проявление понимания – 46,9%; сдержанности – 44,9%; терпении – 6,9% [3; с. 20].

Е.О. Тарасенко отмечает, что для английского языка частотным является смысловой компонент «речь / язык как средство предъявления интеллектуальных способностей человека»: качественные характеристики высказанного слова или его отсутствие становятся показателем уровня интеллектуального развития: *Who knows most, speaks least, Talking should be an exercise of the brain not of the tongue, He is wise who says nothing when he has nothing to say* [6]. Вместе с тем в английском языке связь мысли и речи приобретает этикетную, окраску, что отражается в нарочитом следовании всем правилам речевого и поведенческого этикета: *A clever man can always tell a woman's age – a wise one never does, A wise woman is one who has a great deal to say, and remains silent* и пр.

В английском языке частотными являются поговорки о соотношении разума и чувства, эмоции вытесняют разумное: *When a man grows angry, his reason rides out, When wrath speaks, wisdom veils her.*

Широко представлены выражения со смысловым компонентом «ум / разум как жизненный / бытовой опыт»: *Experience is the mother of wisdom, Adversity is a good schoolmaster.*

Смысловой компонент «полезность и абстрактность знаний (отсутствие физического бремени как позитивный признак)» актуален в английском языковом сознании: *Knowledge is no burden.*

В английских паремиях обнаруживается наличие сословных характеристик: *There is no royal road to learning*.

Английские выражения о соотношении ума и богатства акцентируют внимание на бережливости умного и его способности к рациональным тратам: *A fool and his money are soon parted*. Это, вероятно, является общеевропейской нравственной ценностью, в отличие от присущей русским и поощряемой в русском обществе расточительности, называемой щедростью [6].

М.В. Бец отмечает, что материальная сторона жизни и денежное благополучие для англоговорящего этноса является одной из наиболее важных. Именно материальная «тяжесть» облегчает жизнь в целом [2; с. 12]. Это доказывает наличие в английском языке антонимичных по своему смыслу пословиц: *A light purse is a heavy curse; A light purse makes a heavy heart – A heavy purse makes a light heart*.

Большое обладание материальными благами не воспринимается как нечто отрицательное, разрушающее, от чего стоило бы избавиться, например: *Plenty is no plague; Never too much of a good thing*. Таким образом, для англоговорящего сообщества богатства никогда не бывает много. Более того, богатство воспринимается как дело угодное Богу, что способствует формированию отрицательного отношения к бедности: *Poverty is not a sin, but worse twice, Set a beggar and he'll ride to the devil on horseback* [4; с. 92.].

Однако в английском языке существуют паремии, обладающие противоположным смыслом: *A great fortune is a great slavery*. То есть, богатство подчиняет человека, лишает его свободы, накладывает определённые рамки, мешающие совершать те или иные действия. Причём, чем больше богатство, тем больше зависимость от него и подчинённость. Это доказывает лексема «great».

Примечательным является и то, в каких отношениях находятся общепризнанные человеческие ценности и богатство. Например: *He that has a full purse never wanted a friend*. Данная пословица подчёркивает, что богатство способно заменить человеку дружбу, то есть, обретая материальную независимость, индивид отделяется от социума в целом.

Необходимо отметить, что в тех случаях, когда речь идёт не о социальной реализации, а о личностных характеристиках человека, богатство начинает играть второстепенную роль: *Good health is above wealth; Better be born lucky than rich*. Таким образом, счастье, как и здоровье, невозможно обрести при помощи богатства, и они являются независимыми величинами.

Интересным представляется тот факт, что большинство паремий, содержащих синоним лексем «wealth» – «money», носят негативные коннотации: *The love of money is the root of all evil; Money often unmakes the men who make it*. Следовательно, когда деньги становятся не средством существования, а его целью, они начинают носить разрушающий характер.

С.Б. Куцый также отмечает, что отношение к богатству в английской ментальности очень практическое, приземленное, оно в значительной мере зависит от человека, его стремлений и настойчивости, хотя среди путей достижения высокого благосостояния много и неблагоприятных [5; с. 20].

Концепт «труд», по утверждению А.К. Жукова, является одним из центральных компонентов языковой культуры западноевропейского лингвообщества [4; с. 88], поскольку отражение данного концепта в парамилогическом массиве английского языка является наиболее частотным.

Среди пословиц о труде самой многочисленной группой являются пословицы, отражающие положительное отношение к работе, где, прежде всего, актуализируется идея необходимости приложения усилий для достижения результата: *He that would eat the fruit must climb the tree; He who would search for pearls must dive for them; He that will eat the kernel must crack the nut*. По данным пословицам можно сделать и вывод о том, что для английского народа высокий результат ассоциируется с высококачественным трудом.

В паремиях говорится также о необходимости ответственного отношения к любой трудовой деятельности и доведение дела до конца: *If a job is worth doing it is worth doing well; Never do things by halves*.

Для того, чтобы выполнить свою работу хорошо и качественно, нельзя перекладывать её на других людей, но следует рассчитывать лишь на свои силы: *If you want a thing well done, do it yourself; Self done is well done*.

Большое внимание уделяется также состоянию орудий труда, которые являются показателем отношения человека к работе: *A bad workman always blames his tools; A bad shearer never had a good sickle*. Данные примеры демонстрируют негативное отношение к людям, которые винят в плохой работе не себя, а свои орудия труда.

В английских пословицах подчёркивается важности системности трудового процесса: *Feather by feather a goose is plucked; If at first you don't succeed, try, try, and try again; Diligence is the mother of success (good luck)*. Данные примеры указывают на то, что при выполнении работы нужно трудиться тщательно, и выполнять работу постепенно, систематично. Необходимый результат достигается не

сразу, а путём долгой и кропотливой работы: *An oak is not felled at one stroke*.

Также немаловажным является преимущество своевременного выполнения работы: *Make hay while the sun shines; Make provision for a rainy day beforehand (in good time)*.

Пословица *Place for everything and everything in its place* подчёркивает важность и первенствующее место труда в жизни. Однако обращается внимание также и на то, что работа не может и не должна заполнять всё время человека – это может привести к ограниченности взглядов и хронической усталости: *All work and no play makes Jack a dull boy*.

В большей степени для пословиц английского языка характерно выражение зависимости результата от профессионализма мастера. По работе можно судить о способностях человека, его отношении к собственному труду: *So is the workman, so is the work; The work shows the workman; He works best who knows his trade*.

В английском языке многочисленной является группа пословиц, порицающих лень в работе. Подчёркивается, что человек не занятый делом уязвим и может попасть под дурное влияние: *An idle brain is the devils workshop*; или сам совершить дурной поступок: *Idleness is the mother of all evil*. Анализируя данные пословицы, можно прийти к выводу, что у английского народа бездельник был самым презренным человеком.

Поспешность в работе также рассматривается как нежелательное явление, не способствующее её качественному выполнению: *Nothing to be done hastily but killing of fleas; Haste make waste; Make haste slowly*. Это в очередной раз показывает важность для английского народа тщательности в выполнении работы.

Однако следующие пословицы представляют совершенно иной взгляд на труд: *All lay load on the willing horse; Only fools and horses work*; Данным пословицы свидетельствуют о наличии небескорыстного отношения к работе. Ей всегда должна следовать достойная награда на вложенный труд.

Во многих пословицах осуждают болтунов, например: *Great talkers are little doers; Actions speak louder than words*. Особую экспрессивность пословицам этой группы придают использование сравнения и параллелизмов, например: *A man of words and not of deeds is like a garden full of weeds; Doing is better than saying; Good words without deeds are rushes and reeds*. Эти примеры показывают, что человека, прежде всего, оценивают по его действиям, а люди, предпочитающие делу слова, порицаются.

Малую группу пословиц английского языка составляют паремии с отрицательным отношением к труду. Англичане подчёркивают тяжесть работы, но не демонстрируют пренебрежительного отношения к ней: *A woman's work is never done*. При этом

речь не идёт о бесполезности данной работы, но об её необходимости и трудоёмкости.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что английские паремии характеризуют англичан как трудолюбивый народ, уважающий ум, высоко ценящий мастеров и уверенный в том, что прилежное выполнение своей работы ведёт к богатству и благополучию. Богатство воспринимается ими как благо, однако подчёркивается, что накопительство и деньги сами по себе не должны становиться исключительной целью человеческой жизни. Англичане порицают глупость и лень и в тоже время всегда стремятся к компромиссу и сглаживанию углов, анализу ситуации с точки зрения другого. Что в свою очередь спровоцировано не столько человеколюбием и искренней толерантностью, сколько желанием сохранить стабильность в обществе и способствовать его процветанию.

Список литературы

1. Аникин, В.П. Русское устное народное творчество [Текст] / В.П. Аникин. – М.: Высшая школа, 2001. – 726 с.
2. Бец, М.В. Концепт «богатство» в немецких и английских пословицах [Текст] / М.В. Бец // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 16. – С. 109-114.
3. Воропаева, В.А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность [Текст]: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / В.А. Воропаева. – М., 2007. – 24 с.
4. Жуков, К.А. Концепт «труд» как один из центральных фрагментов пословичной картины мира [Текст] / К.А. Жуков // Вестник новгородского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 88-92.
5. Куций, С.Б. Лингвокультурная специфика концептов «богатство» и «бедность»: На материале русского и английского языков [Текст]: автореферат дис. ... канд. филолог. наук / С.Б. Куций. – Ставрополь, 2003. – 25 с.
6. Тарасенко, Е.О. Репрезентация концепта «ум» на материале паремий как отражение русской, английской и французской языковых картин. – www.do2.gendocs.ru. – <18.08.14>
7. Хахалова, С.А. Семиметрия ценности в сравнительном лингво-культурологическом аспекте анализа [Текст] / С.А. Хахалова, С.В. Туманова // Этносемиметрия ценностных смыслов: коллективная монография. Руководитель проекта доктор филол. наук, проф. Е.Ф. Серебrenникова. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – С. 492-521.
8. The Oxford Dictionary of Proverbs [Text] / J. Speake. – Oxford University Press, 2008. – 400 p.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аматова Нина Евгеньевна

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОНВЕРГЕНТНЫХ НАУК НА ПРИМЕРЕ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹

аспирант кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», г. Белгород

INSTITUTIONALIZATION OF CONVERGENT
SCIENCE ON THE EXAMPLE OF DEVELOPMENT
OF INFORMATION TECHNOLOGIES

Amatova Nina

postgraduate student of the Department of social
technologies,

Belgorod National Research University,
Belgorod, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье даётся краткий исторический обзор развития научной и технологической конвергенции. На примере информационной технологии прослеживается многоэтапная логика институционализации, проводится анализ влияния институциональных факторов на процесс внедрения NBIC-технологий.

ABSTRACT

The article gives a brief historical overview of the development of scientific and technological convergence. For example, information technology can be traced multistage logic of institutionalization, also analyzed the impact of institutional factors on the process of implementation of NBIC-technologies.

Ключевые слова: конвергентные науки, NBIC-технологии, информационные технологии, институционализация, информационное общество.

Keywords: convergent science, NBIC-technologies, information technologies, institutionalization, information society.

Начало XXI в. ознаменовалось активизацией процесса развития «прорывных», «инновационных» направлений науки, способных обеспечить создание принципиально новой социокультурной среды, оказывающей влияние как на общественное бытие, так и на общественное сознание людей. Главным маркером перехода в постиндустриальное общество стали научно-технологические инновации в лице конвергентных наук и технологий. Говоря о конвергенции,

мы имеем в виду технологическую конвергенцию, основанную на синергетическом взаимодействии так называемых NBIC-технологий, названных по первым буквам (N – нано, B – био, I – инфо и C – когнито), соответствующих приставок.

Почему сегодня тема конвергенции наук и технологий стала чрезвычайно актуальной, и какие этапы проходит процесс их институционализации, попробуем разобраться на примере развития информационных технологий.

История развития научной мысли свидетельствует о том, что вплоть до XVII в. натурфилософы изучали природу как целостную и неделимую систему. По мере роста знаний человека об окружающем мире, развития исследовательского инструментария учёные начали искусственно дифференцировать природный процесс, представлявший до этого единым, на отдельные сегменты для более лёгкого их понимания и изучения. Таким образом, на смену натурфилософии в скором времени пришли: физика, химия, биология и другие естественнонаучные дисциплины. Сформировалась узкоспециализированная система науки и образования, которая успешно функционирует по сегодняшний день. Такой принцип устройства науки способствовал, в том числе, формированию отраслевого принципа организации промышленности, углубляя тем самым разделение труда [1].

Параллельно с процессом дифференциации в науке непрерывно наблюдался диалектически неотделимый от него процесс интеграции отдельных научных направлений. В промышленности постепенно возникали комбинации разноотраслевых предприятий, связывающих производство единой технологической цепью. Уже в XX веке появились сложные межотраслевые технологии, позволяющие создавать самолёты, космические корабли, высокопроизводительную сельскохозяйственную технику

и многое другое. Однако все эти технологии возникли при сохранении отраслевого принципа построения индустрии, то есть взаимопроникновения технологий не происходило, имелось лишь адаптивное сложение достижений отдельных технологических отраслей, интегрируемых в межотраслевой комплекс. Научный взгляд на технологическое развитие изменился несколько десятилетий назад, с появлением информационных технологий (ИТ), которые изначально рассматривались в прежней отраслевой парадигме: как еще одна отрасль или новая технология. Позднее в различных публикациях стало всё чаще отмечаться, что в лице информационных технологий впервые возникла технология, имеющая надотраслевой характер.

Чтобы получить распространение и стать нормой в использовании технологическая инновация должна обрести соответствующую социальную базу, то есть пройти определённые этапы институционализации. В нашем исследовании под институционализацией конвергентных отраслей науки и технологий, мы будем понимать социальный процесс, который складывается в обществе по мере их развития и внедрения, выражаясь как в различных формах и уровнях общественного сознания, так и в формировании новых ценностей, идеалов и потребностей, закрепляющихся в форме образцов общественного поведения индивидов.

Поскольку процесс институционализации вполне универсален [См., например, С.С. Фролов, 1994], то ниже проследим, как он осуществлялся в случае с информационными технологиями.

1. *Возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий.* Рождению и становлению новой технологии неизбежно предшествует экспериментальная работа исследователей-одиночек или небольших неформальных групп. Так в 1832 г. российский учёный С.Н. Корсаков сконструировал ряд «интеллектуальных машин», механических устройств, функционирующих на основе перфорированных таблиц, которые помогали решать задачи информационного поиска и классификации при работе с большими объёмами данных. Устройства Корсакова позволяли по набору симптомов заболевания «без малейшего напряжения ума» ставить диагноз и подбирать необходимое лекарство. Хотя по современным меркам эти устройства выглядят достаточно примитивными, идеи Корсакова намного опережали существующий в то время технологический уклад [3].

В 1941 г. немецкий инженер К. Зюсс создал цифровой программный компьютер, который позволял осуществлять математические расчёты. Идея

компьютера как мощной счётной машины с большим объёмом памяти была воспринята положительно, быстро получила распространение и просуществовала несколько десятков лет, пребывая в состоянии непрерывного развития – от механических арифмометров до настольных микрокалькуляторов с программным обеспечением.

2. *Формирование общих целей.* Зарождение же информационных технологий в их современном понимании произошло уже ближе к середине XX века с разработкой теории алгоритмов и появлением электронных вычислительных машин. В период 50-х – 80-х гг. прошлого века ИТ активно развивались и прошли путь от громадных ЭВМ, доступных только профессионалам, до тотального распространения персональных компьютеров. С 1980-х годов парадигма развития компьютеров стала смещаться сначала в сторону сбора, обобщения и анализа информации, а с 1990-х годов – в сторону слияния информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). В результате «произошёл процесс технологической конвергенции: с компьютером постепенно совместились коммуникационные и медийные технологии. Можно сказать, что это был первый, ещё «эмбриональный» этап конвергенции высоких технологий» [4, с. 25]. Однако он способствовал широкомасштабному внедрению ИТ, повлекшему за собой начало построения «информационной экономики» и «информационного общества».

Сегодня не вызывает сомнений то обстоятельство, что достижение прогресса в развитии любой отрасли неразрывно связано с использованием ИТ. Компьютерные технологии хорошо интегрируются с другими технологиями, и сегодня процесс конвергенции продолжает активное развитие. Уже созданы и успешно функционируют: Интернет, мобильная телефония, электронная почта, спутниковые системы, глобальные электронные системы (биржевая, банковская и многие другие), электронные библиотеки – вот далеко не полный список информационно-коммуникационных технологий, повседневно применяемых современным человечеством. Информационные технологии позволили качественно улучшить жизнь человека, сделать её более комфортной. В конечном итоге, это и есть одна из ключевых задач научно-технического прогресса. Разумеется, всё это было бы невозможным без совместных организованных действий огромного количества людей во имя достижения общих целей. Таким образом, первые два этапа институционализации ИТ были успешно пройдены.

3. *Создание общественных норм и правил* предполагает государственную поддержку и законодательное закрепление приоритетов. В случае с ИТ наиболее наглядно их отражает эволюция сети Интернет. На начальном этапе своего становления сеть Интернет не регулировалась специальными законами. В частности не существовало никаких ограничений на распространение вредоносного кода, нецензурного или непристойного контента. Впервые правила, регулирующие доступ пользователей к ресурсам с подобным содержанием, сформировались по инициативе компаний, предоставляющих услуги веб-поиска и производителей антивирусного программного обеспечения. Предоставление же владельцами ресурсов сомнительных или недостоверных данных вообще, практически, не регулировалось. Только когда масштаб проблемы достиг уровня социальной озабоченности, был принят ряд законов, регламентирующих общественные отношения, которые возникают при использовании информационных технологий. В частности, в России были приняты Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. N 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Впоследствии редакция законов менялась, например, Федеральный закон № 139-ФЗ, принятый Государственной Думой 28 июля 2012 года, предусматривал внесение изменений в другие нормативные акты и предполагал фильтрацию веб-сайтов по системе «чёрного списка», а также блокирование запрещённых ресурсов. В число таких законодательных актов входит и Федеральный закон № 97-ФЗ от 5 мая 2014 года, также известный как «Закон о блогерах».

4. *Появление и практическое применение норм и стандартных функций.* На этом этапе ключевыми факторами успеха любой технологии, а значит и информационной, становится её репутация, которая во многом зависит от своевременности и качества законодательных актов, регламентирующих использование норм и связанных с ними функций. Большую роль в этом процессе играет наличие системы санкций для поддержания норм и правил поведения пользователей.

5. *Создание системы статусов и ролей для всех членов института.* Постепенно с развитием процесса институционализации ИТ формировались и чётко установленные социальные статусы и роли. В социальной структуре общества образовались такие ячейки, как интернет-пользователь, блогер, администратор сайта и т.д. Эти статусы связаны между собой набором социальных ролей, свойственных только этому конкретному институту.

Масштаб применения любой технологии определяется тем, сколько людей обеспечивают и используют её виды деятельности. Интернет, в этом смысле предложил богатейший набор функций, статусов и ролей, моделей и норм поведения, которые оказались широко востребованными.

Институционализация сети Интернет подразумевает не только вышеперечисленные этапы, но и наличие определенных признаков, свойственных всем социальным институтам. Во всемирной паутине действуют вполне определённые установки и образцы поведения (невежливо писать заглавными буквами, администрация сайта может ограничить доступ пользователя к ресурсу и т.д.), символические культурные признаки (количество «лайков» за фотографию, аватарки и пр.), утилитарные культурные черты (специализированные тематические форумы, поисковики и пр.), устный и письменный кодекс (правила пользования Сетью, условия вступления в группу на разных форумах и т.д.), а также идеология (свобода выражать своё мнение, доступ к любой информации в любой части света и т.д.).

Подводя итог, можно сказать, что институционализация информационных технологий в целом состоялась. Аналогичным образом происходит процесс институционализации и других областей конвергентных наук и технологий. Этот процесс должен повлечь за собой создание инновационно-технологической цивилизации XXI века, основу которой составят NBIC-технологии. Человечество выходит на новый, радикально отличающийся от предыдущих, виток своего развития. Перед учёными всего мира стоят задачи осмысления не только научно-технологического пути этого развития, но и интеллектуально-духовных и этических последствий NBIC-революции. В этом осмыслении важно, не умаляя эвристической роли институциональной теории, добиться интеграции технологического и институционального потенциалов.

Список литературы

1. Ковальчук, М.В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее / М.В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. – 2011. – № 1-2. – С.13-23.
2. Корсаков, С.Н. Начертание нового способа исследования при помощи машин, сравнивающих идеи / С.Н. Корсаков; Пер. с франц. под ред. А.С. Михайлова. – М.: МИФИ, 2009. – 44 с.
3. Казанцев А.К. NBIC-технологии. Инновационная цивилизация XXI века / А.К. Казанцев, В. Н. Киселев, Д. А. Рубальтер, О. В. Руденский. – М.: Инфра-М, 2014. – 384 с.

Хагур Фатима Рашидовна

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ТРУДОМ: ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЁ СТЕПЕНЬ

канд. соц. наук, доцент Филиала ФГБОУ ВПО «Майкопский государственный
технологический университет, пос. Яблоновский

ON SATISFACTION: FACTORS DETERMINING ITS DEGREE

Hagur Fatima Rashidovna, Kida. SOC. Sciences,
associate Professor Branch FGBOU VPO "Maikop
state technological University named Yablonovsky

АННОТАЦИЯ

Цель исследования - исследование удовлетво-
ренности трудом как категории социологии труда;
определение факторов, определяющих её уровень.
Для достижения указанной цели необходимо ре-
шить следующие задачи: рассмотреть социальную
сущность удовлетворенности трудом; выявить
факторы, оказывающие влияние на уровень удовле-
творенности трудом.

ABSTRACT

The purpose of the study the study of job
satisfaction as a category of sociology of work, and
identification of factors that determine its level. To
achieve this goal it is necessary to solve the following
tasks: to consider the social nature of job satisfaction;
to identify the factors influencing the level of job
satisfaction.

Ключевые слова: удовлетворенность трудом,
мотивы трудовой деятельности, мотивация
труда, трудовые ценности, факторы удовлетво-
ренности трудом.

Key words: job satisfaction, motives employment,
labor motivation, labor values, the factors of job
satisfaction.

Удовольствие, получаемое от труда, в кото-
ром реализуются и развиваются личные способно-
сти, очень важно для человека, оно определяет всю
его жизнь. Поэтому, решая вопрос о том, какую ра-
боту предпочесть, нужно серьезно поразмыслить:
стоит ли жертвовать им ради, скажем, большего за-
работка или какого-либо другого дополнительного
«удобства»? Нередко место работы и даже профес-
сия выбираются по одним внешним критериям,
например, исходя из социального престижа профес-
сии. Это часто приводит к личным драмам с тяже-
лыми последствиями: студент тратит попусту силы
на приобретение профессии, для которой у него нет

соответствующих данных; инженер помимо того,
что он неудовлетворен своим трудом, переживает
еще неприятности из-за качества труда, которое в
такой ситуации неизбежно оказывается ниже воз-
можного. Все исследования показали, что професси-
ональная некомпетентность (а она возникает из-за
несоответствия личных способностей характеру ра-
боты) порождает немало трудностей для самого ра-
ботника и его коллег. Она постоянный источник
напряженных отношений в коллективе [1, с.60].

В.Д. Патрушев и Н.А. Калмакан в своей книге
«Удовлетворенность трудом: социально-экономи-
ческие аспекты» считают, что в качестве «фактора»
может выступать все то, что в той или иной степени
воздействует на степень удовлетворенности трудом
[2, с.23]. Выявление этих факторов необходимо, с
одной стороны, для более глубокого понимания
сущности удовлетворенности трудом, определения
прошлых и будущих тенденций изменения ее сте-
пени и содержания. С другой стороны, это необхо-
димо для сугубо практических целей: выработки
научно – обоснованных критериев общественной
оценки уровня удовлетворенности трудом той или
иной социальной группы, коллектива, всех трудя-
щихся, определения средств и степени воздействия
тех или иных факторов на этот уровень, использова-
ния в практике экономического и социального пла-
нирования и прогнозирования и др.

В.А. Ядовым приведена схема взаимосвязи
факторов, определяющих степень удовлетво-
ренности трудовой деятельностью. На рис. 1 показано, что
степень удовлетворенности трудом выявляется в ре-
зультате сопоставления индивидом своих интере-
сов, связанных с трудовой деятельностью, с возмоз-
можностями их реализации в конкретных условиях. В
связи с этим анализируются следующие основные
факторы: содержание труда и заработная плата, объ-
ективные результаты работы, жизненный и произ-
водственный опыт рабочего (стаж по специаль-
ности, общий стаж работы, квалификация, возраст),
уровень образования, пол, доход на члена семьи, ор-
ганизация и условия труда и др.

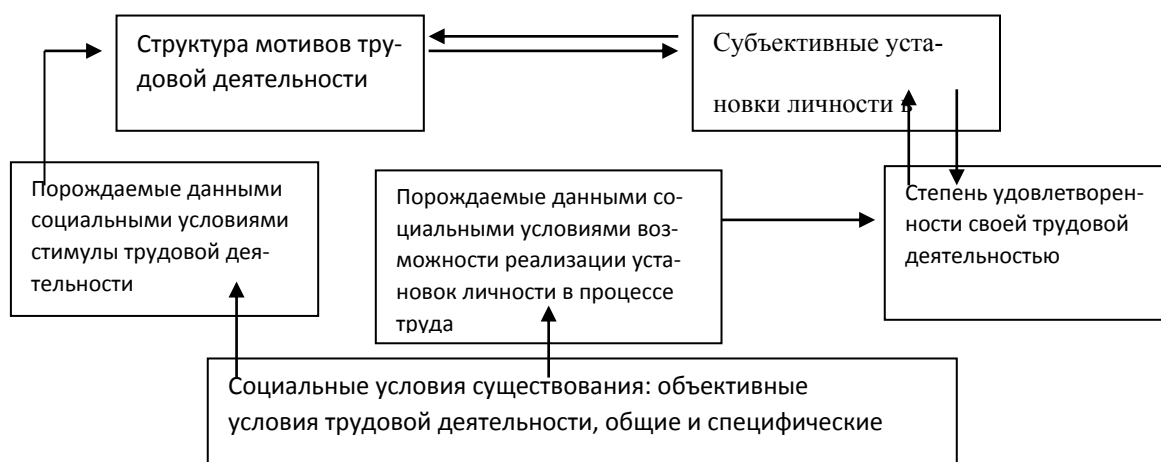

Рисунок 1. Схема взаимосвязи факторов, определяющих степень удовлетворенности трудовой деятельностью (по В.А. Ядову)

Несколько иную схему дает Р. Штольберг (см. рис. 2), рассматривающий удовлетворенность трудом не как социально–психологическую, а как социально–экономическую категорию [3, с.32]. Её субъект не индивид, а социальная группа, степень удовлетворенности трудом, которой определяется создаваемым обществом содержанием и условиями труда и потребностями работников. В качестве основных факторов, влияющих на удовлетворенность трудом, он приводит шесть (ранжировав их по степени значимости на основе анализа материалов своих исследований): 1. Содержание трудовой деятельности. 2. Условия труда, правила внутреннего

распорядка, организация труда, руководство. 3. Возможность повышения квалификации, возможность участия в обсуждении принимаемых решений, отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, признание производственных успехов. 4. Понимание общественной значимости труда, знание производственных перспектив. 5. Виды и способы передвижения на работу, продолжительность передвижения на работу и обратно. 6. Тяжесть и длительность домашнего труда, величина и рациональность использования свободного времени.

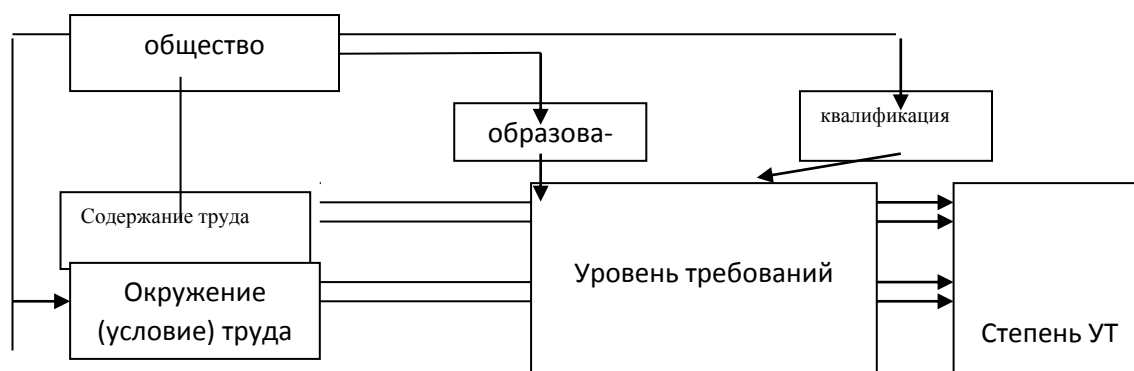

Рисунок 2. Схема факторов, определяющих степень удовлетворенности трудом (по Р. Штольбергу)

В начале XX века роль денежного вознаграждения признавалась ведущей в стимуляции работающего, в связи с чем возникла концепция «экономического человека». Другие мотиваторы, усиливающие трудовую деятельность, либо вообще не признавались, либо их влияние считалось незначительным. Была введена «побудительная» система заработной платы: величина заработка возрастала в соответствии с ростом производительности труда. Однако, если материальное вознаграждение остается

на одном и том же уровне, оно снижает со временем свой мотивационный потенциал; чтобы этот стимул сохранял свою эффективность, необходим рост величины вознаграждения. Оно более эффективно там, где результаты работы трудно выразить в точных показателях. Кроме того, имеет значение, как часто человек получает вознаграждение – через короткие или длинные промежутки времени; во втором случае мотивационный потенциал вознаграждения снижается. Очевидно, неслучайно в царской

России рабочим заработная плата выдавалась еженедельно [4, с.124].

Если предоставить людям возможность хотя бы частично влиять на принципы вознаграждения их работы и достижений, можно прийти к хорошему результату. Если работники знают, что получают свою долю увеличившейся прибыли, а в трудные времена оплата труда будет сокращаться в последнюю очередь, их мотивация будет устойчивой.

Трудовой коллектив осуществляет много функций. Во-первых, он определяет отношения между работниками в процессе труда, активно воздействует на них. С этой точки зрения он может влиять на них положительно и тем самым стимулировать своих членов в труде или, наоборот, может выступать как безразличный или даже отрицательный фактор. Потребности в человеческих контактах, участии, уважении и помощи, когда она необходима, весьма важны в жизни каждого из нас. Во-вторых, коллектив организует сам труд. Труд осуществляется путем общественной кооперации. Практически не бывает, чтобы те или иные работники были абсолютны независимыми друг от друга, чтобы между ними не осуществляли обмен информацией, не координировались их усилия.

Практически все перечисленные факторы является управляемыми, и существуют реальные социальные технологии, позволяющие регулировать удовлетворенность трудом.

В социальной структуре процесса труда по своим функциям выделяются два компонента – цель и удовлетворенность трудом.

Удовлетворенность – эмоционально окрашенное состояние сбалансированности между претензиями (запросами, потребностями) и оценкой степени их реализации. Чем выше претензии, тем сложнее их удовлетворить. Неудовлетворенность может быть либо временной (ситуационной) – неприятности на работе, понижение в должности и т.д., либо постоянной (неситуационной). Ситуационная удовлетворенность поддается управленческому воздействию в гораздо большей степени, нежели неситуационная. Если человек разочаровался в социальной справедливости данной системы, в политическом устройстве общества, то никакое стимулирование не поможет. У него резко меняется вся структура отношения к труду, оно способно стать сознательно циничным, негативистским.

Ситуационную неудовлетворенность вызывают микрофакторы производственной среды – условия, содержание, оплата или организация труда

– либо стимулирование и мотивация. Неситуационную глобалистскую неудовлетворенность определяет невозможность реализовать самое главное в жизни – ценности. Она устойчива, длится очень долго и носит, как правило, скрытый характер [5, с.234].

Рабочее удовлетворение может быть узким, односторонним, каким является, например, удовлетворенность, возникающая только от материальных результатов труда. Такое удовлетворение не является полным и социально включенным, оно быстро насыщается и истощается, личностно не развивает субъекта труда и не обязательно будет оказывать положительное влияние на эффективность труда.

Работник будет всегда пассивным участником трудового процесса, если не будет вовлечен в управление делами производства, в творческий поиск, в поиск резервов и их осознанное использование. Однако, путь к реальному участию людей в управлении производства оказался долгим и тернистым. Тем более, что на первом этапе использования человеческого фактора на производстве этот резерв отрицали даже самые передовые из его поборников. Так, Ф. Тейлор считал, что работник должен оставаться за воротами завода свои религиозные, политические и нравственные ценности. Однако жизнь показала, что участие в общественной деятельности, несмотря на издержки различных её форм, влияет на стабильность и результативность производственной деятельности работников [6, с.38].

В исследовании В.А. Ядова и А.Г. Здравомыслова также показано изменение роли мотивационных факторов при увеличении стажа у рабочих. Для молодого рабочего (до 30 лет) самыми важными факторами, определявшими степень удовлетворенности работой, являлись возможность продвижения по работе и разнообразие труда. У рабочих старше 30 лет эти два мотиватора также занимают первое место, но они поменялись местами. С возрастом повышается роль санитарно-гигиенических условий труда, человек становится более чувствительным к недостатку комфорта. В то же время взаимоотношения с администрацией становятся для рабочих старше 30 лет менее значимыми, что можно объяснить повышением их престижа как профессионалов.

Показано, что для мужчин более важны содержание и общественная значимость работы, ее разнообразие, творческие возможности, какая выпускается продукция; они в большей степени осознают социальную значимость своего труда. Для женщин важнее взаимоотношения в коллективе, условия труда, размер заработка [4, с.275].

Социологические исследования выявили тот факт, что возможность проявить творчество, творческое отношение к труду особо высоко оценивается молодежью: по школе предпочтений она стоит выше, чем заработная плата на непривлекательные, утилитарные виды труда. Долгое время социальные резервы возможностей человека принимались в расчет по-разному; чаще стихийно, чем сознательно. На их реализацию накладывали отпечаток господствующие социально-экономические условия, предопределяющие, в чьих интересах используются эти резервы, заложенные в творческой природе человека.

Практически на любом предприятии есть непрестижные, малоквалифицированные и неквалифицированные виды труда. А творческих видов труда мало. И задача состоит не столько в том, чтобы увеличить их количество, сколько в том, чтобы в каждой конкретной работе человек стремился проявить творчество, заинтересованно и естественно относился к ней.

Творческое отношение к труду всегда связано с удовлетворенностью трудом. Когда человек удовлетворен своей работой, профессией, он лучше и производительнее трудиться. Но это общая формула, а на деле ситуация не так ясна, как кажется на первый взгляд. Кроме того, эта концепция, зафиксированная во многих научных и практических работах, подвергается сомнению.

Задача социологов состоит в том, чтобы помочь человеку найти себя как можно раньше. Вопрос о рациональном распределении и подборе профессиональных кадров приобретает особое значение еще и по следующим двум причинам. Наша

промышленность в настоящее время должна развиваться интенсивным путем, чтобы при внедрении новой техники производственные задания выполнялись те же самые, но при уменьшенном числе работающих. Вторая причина — это высокий общеобразовательный уровень нашей молодежи. Практическое большинство людей может работать в самых разнообразных сферах деятельности. И если человек идет работать там, где совпадают его личные интересы с интересами общественными, то эффект будет наилучший. Статистика показывает, что если человек задерживается на работе три года, то, он уже почти не меняет профессию.

Литература:

1. Замфир К. Удовлетворенность трудом: Мнение социолога, Пер. с рум. — М.: Политиздат, 1983.-142 с., схем.- С.60.
2. Патрушев В.Д., Калмакан Н.А. Удовлетворенность трудом: социально — экономические аспекты. — М.: Наука, 1993 — 112 с. С.23
3. Штольберг Р. Социология труда. М.: 1982.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы — СПб: Издательство «Питер», 2000. (Серия «Мастера психологи»). - С.272,303
5. Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И. Дряхлова, А.И. Кравченко, В.В. Щербины.- М.: Изд-во Моск. ун — та, 1993.- 368 с.
6. Тощенко Ж.П. Социальные резервы труда: Актуальные вопросы социологии труда. — М. : Политиздат, 1989. — 287 с.

Кириллова Екатерина Александровна

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ДОШКОЛЬНИКОВ С ТЯЖЕЛЫМИ НАРУШЕНИЯМИ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Казанский Федеральный Университет, Институт психологии и образования, г. Казань

SOCIAL ADAPTATION OF CHILDREN WITH SEVERE SPEECH DISORDERS IN CONDITIONS OF INCLUSIVE EDUCATION

*Kirillova Ekaterina Aleksandrovna,
Kazan Federal University, The Institute of psychology and education, Kazan*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы социальной адаптации дошкольников с тяжелыми нарушениями речи в условиях инклюзивного образования. Автор обосновывает необходимость инклюзивного образования для данной группы детей, разрабатывает и описывает этапы их социальной адаптации.

ABSTRACT

The article considers the issues of social adaptation of children with severe speech disorders in terms of inclusive education. The author substantiates the necessity of inclusive education for this group of children, develops and describes the stages of their social adaptation.

Ключевые слова: социальная адаптация; инклюзивное образование; дети с тяжелыми нарушениями речи.

Keywords: social adaptation; inclusive education; children with severe speech disorders.

Одним из приоритетов инклюзивного образования является социальная адаптация детей с особыми возможностями здоровья (ОВЗ). Социальная адаптация (от лат. *adapto* - приспособляю и *socium* - общество) - активное приспособление к условиям социальной среды путем усвоения и принятия целей, ценностей, норм и стилей поведения, существующих в обществе. [4] Обучение и воспитание в условиях образовательной инклюзии позволяет не только максимально сохранить привычное социальное окружение, но и помогает лучше адаптироваться в обществе. [2, с. 28]

В Федеральном законе «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ от 29.12.12, Ст. 2 дается определение понятию обучающегося с ограниченными возможностями здоровья – это «физическое лицо, имеющее недостатки в физическом и (или) психологическом развитии, подтвержденные психолого-медико-педагогической комиссией и препятствующие получению образования без создания специальных условий». [8]

К таким обучающимся относятся дети с тяжелыми нарушениями речи (ТНР). К тяжелым нарушениям речи принято относить речевые расстройства с грубо выраженным общим недоразвитием речи на фоне алалии, афазии, ринолалии, дизартрии. Кроме того, сюда можно отнести речевые дефекты со значительными нарушениями в мелодико-интонационной и темпо-ритмической сторонах речи (заикание, ринолалия, ринофония, фонастения, дисфония, афония). [6 с. 10]

Дети с тяжёлыми нарушениями речи – это особая категория детей с отклонениями в развитии, у которых сохранен слух, первично не нарушен интеллект, но есть значительные речевые дефекты, влияющие на становление психики.

Речевая недостаточность у дошкольников с ТНР может варьироваться от полного отсутствия у них общеупотребительной речи до наличия фразо-

вой речи с ярко выраженными нарушениями звукопроизношения, слоговой структуры, лексического и грамматического строя. [9, с. 6]

Особенности речевой деятельности детей с ТНР оказывают влияние на развитие психических функций, формирование эмоционально-волевой сферы и личности. Для дошкольников с ТНР характерны неуверенность в себе, обидчивость, негативизм, агрессивность, раздражительность, страхи, сниженная мотивация, трудности в общении и налаживании контактов с другими детьми и взрослыми, низкая саморегуляция и самоконтроль. Все это в совокупности затрудняет их вхождение в социальную среду.

Достаточно длительное время дети с ТНР, как и другие дети с особыми образовательными потребностями, были изолированы от общества, обучаясь в специальных коррекционных учреждениях, что неблагоприятно сказывалось на их развитии. В нашей стране помощь детям дошкольного возраста с нарушениями речи оказывалась в: специальных дошкольных учреждениях и группах для детей с нарушениями речи (ТНР, заиканием); группах интегрированного воспитания и обучения детей с ТНР; группах для детей с нарушениями речи на пунктах коррекционно-педагогической помощи (при дошкольных учреждениях). [3, с. 4]

Пребывание детей с отклонениями в развитии в специальных учреждениях, несмотря на наличие в них ряда положительных условий для коррекции нарушений развития, ограничивает возможности контактов с нормально развивающимися сверстниками, отрывает детей от семьи, затрудняет формирование у них готовности к преодолению жизненных трудностей, умений планировать разные аспекты своей жизни, взаимодействовать с людьми.

В последние годы становятся более значимыми концепция и практика инклюзивного образования, имеющего наиболее благоприятный прогноз в отношении обучения и воспитания детей с особыми образовательными потребностями, в частности дошкольников с ТНР. [7, с.4] Во-первых, дошкольный возраст – возраст наиболее интенсивного развития речевой функции, которая развивается не только под действием обучения и воспитания, но и под влиянием правильной речевой среды. Поэтому очень важно, чтобы дети с ТНР получали возможность слышать образцовую речь не только от педагогов, но и от сверстников. Во-вторых, дошкольное учреждение – это не только первая ступень образования, это и первый самостоятельный социальный опыт, первые навыки общения с другими людьми (помимо семьи). Чем раньше произойдет включение детей с ТНР в социум, тем легче будут выстраиваться их дальнейшие отношения с окружающими.

В числе основных факторов, определяющих степень успешности вхождения ребенка в социальную среду, выступают особенности самого ребенка и особенности микросоциальной среды, в которую он включается. [1, с. 127] Большая роль в социальной адаптации дошкольников с ТНР в условиях инклюзивного образования отводится родителям, которые отвечают за формирование положительного настроя ребенка на обучение, и педагогическому составу, который отвечает за микроклимат в группе, в дошкольном образовательном учреждении. Родителям важно формировать правильные представления ребенка о самом себе, как о личности, адекватную самооценку и уровень притязаний. А педагогам – инклюзивную культуру у всех участников образовательного процесса.

Следующим основным фактором благоприятной адаптации дошкольников с ТНР в условиях инклюзивного образования является постепенность, последовательность включения их в новую социальную среду. Сроки адаптационного периода для дошкольников с ТНР значительно увеличены ввиду особенностей в их речевом, психическом и психологическом развитии. В соответствии с этим нами были выделены следующие этапы работы по адаптации ребенка с ТНР в условиях инклюзивного образования.

Первый этап – информативный (апрель, май). Начинается еще до начала посещения ребенком с ТНР дошкольного образовательного учреждения и заключается в налаживании контактов с родителями, в изучении индивидуальных особенностей ребенка, его предпочтений, вкусов, структуры имеющегося речевого нарушения, сборе анамнестических данных. Формы работы на данном этапе – анализ медицинской документации, анкетирование, индивидуальные беседы с родителями, собрания в группах с целью знакомства родителей с правилами, порядком, структурой дошкольного учреждения, консультации родителей со специалистами (логопед, психолог, дефектолог, социальный педагог, музыкальный руководитель). Цель данного этапа – получение информации: для педагогического коллектива ДОУ – о ребенке с ТНР, для родителей – об образовательно-воспитательном процессе.

Второй этап – ознакомительный (июнь, июль). Заключается в знакомстве ребенка с ДОУ. Ребенок вместе с родителями знакомится с воспитателями, педагогами, специалистами, рассматривают группу, музыкальный зал, живой уголок, детский участок. Мама может в течение нескольких недель приводить ребенка на детскую площадку в то время, когда на ней играют дети. То же самое можно сделать в группе, где ребенок познакомится с игрушками, обстановкой. Такие посещения должны быть регулярными. [5, с. 55] Цели данного этапа – познакомить ребенка с ДОУ, заинтересовать его новой си-

туацией, вызвать желание прийти еще раз, предупредить возникновение страха перед посторонними людьми и в незнакомой обстановке. Задача педагогов – установить контакт с ребенком.

Третий этап – инклюзивный (август). Предполагает включение ребенка с ТНР в различные виды деятельности коллектива, но при частичном присутствии родителей. Мама может немного поиграть с ребенком вместе с другими детьми и воспитателем, даже просто посидеть в уголке, подбадривая ребенка своим присутствием. Самое главное для воспитателя – завоевать доверие ребенка, показать, что его (ребенка) принимают таким, какой он есть.

Успех адаптации ребенка с ТНР во многом зависит от педагога, чуткость, доброта, такт которого способствуют благоприятной, дружелюбной атмосфере в группе, формированию здоровых межличностных отношений.

Четвертый этап – образовательный (сентябрь, октябрь). Предполагает участие ребенка в образовательно-воспитательном процессе без участия родителей. Дети посещают занятия, вливаются с помощью педагога в коллектив, привлекаются к трудовой и культурной деятельности группы (дежурство, участие в утреннике), получают сопровождения психолога, медицинского работника. Продолжается работа с родителями в виде консультаций, бесед.

Пятый этап – аналитический (ноябрь). Предполагает оценку первоначальной социальной адаптации и анализ данных о физическом и психологическом состоянии ребенка с ТНР за период пребывания его в ДОУ, характере сложившихся отношений в группе, общего микроклимата. На основании полученных данных делается вывод о качестве проведенной работы и о степени адаптации ребенка с ТНР (легкая, средняя, тяжелая).

На этом социальная адаптация дошкольников с ТНР не заканчивается, она продолжается на протяжении всего периода обучения и воспитания, она дополняется, расширяется, совершенствуется в различных ситуациях взаимодействия с обществом.

Список литературы

1. Акатов Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. - С.127
2. Алехина С. В., Семаго Н. Я., Фаина А. К. Инклюзивное образование. Выпуск1. – М.: Центр «Школьная книга», 2010. – 272 с. Под ред. Гусевой Т.Н.
3. Баль Н. Н. Логопедическая работа с детьми дошкольного возраста с тяжёлыми нарушениями речи : учеб.-метод. пособие для учителей-дефектологов дошк. учреждении / Н.

- Н. Баль, Н. В. Дроздова. - Минск, 2010. - 152 с.
4. Дефектология: Словарь-справочник / под ред. Б.П. Пузанова. - М.: Новая школа, 1996. - 80 с.
 5. Смирнова Е.О. Первые шаги. Программа воспитания и развития детей раннего возраста. - М., 1996, - с.48-60.
 6. Русский язык в школе для детей с тяжелыми нарушениями речи : учеб. пособие для студентов сред. спец. и высш. учеб. заведений, обучающихся по специальности «Логопедия» / под ред. А.А. Алмазовой, В.И. Селиверстова. -М. : Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2011. - 374 с.
 7. Руководящие принципы политики в области инклюзивного образования. ЮНЕСКО - 2009 г.
 8. Федеральный закон «Об образовании в РФ» № 273-ФЗ от 29.12.12, Ст. 2.
 9. Филичева Т. Б. Устранение общего недоразвития речи у детей дошкольного возраста: практ. Пособие / Т. Б. Филичева, Г. В. Чиркина. - 3-е изд. - М.: Айрисс-пресс, 2005. - 224 с.

Миронова Н.В.¹, Щелкова О.Ю.²

ЛИЧНОСТНЫЙ АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАЦИЕНТОВ С АЛКОГОЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТЬЮ НА РАЗНЫХ СРОКАХ РЕМИССИИ

¹ аспирант кафедры медицинской психологии и психофизиологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

² доктор психологических наук, профессор,
зав. кафедрой медицинской психологии и психофизиологии,
Санкт-Петербургский государственный университет

PERSONAL ADAPTATION POTENTIAL OF PATIENTS WITH ALCOHOL DEPENDENCE AT DIFFERENT PERIODS OF REMISSION

Mironova Nina Victorovna

Post-graduate, the department of medical psychology
and psychophysiology, Saint Petersburg State
University

Shchelkova Olga Yuryevna

Doctor of Psychology, Professor, chief of department of
medical psychology and psychophysiology, Saint
Petersburg State University

АННОТАЦИЯ

С помощью «Многоуровневого личностного опросника» (МЛО) «Адаптивность» (Маклаков А.Г., Чермянин С.В., 1993) был изучен «Личностный адаптационный потенциал» (ЛАП), проведен сравнительный анализ показателей ЛАП групп больных алкоголизмом, находящихся на разных сроках ремиссии, путем дисперсионного анализа с использованием *t*-критерия Стьюдента, а также частотного анализа встречаемости различных уровней ЛАП с использованием критерия Пирсона (χ^2). Сделан вывод о необходимости учета фактора длительности ремиссии при разработке программ психологической и социальной помощи больным.

Ключевые слова: зависимость от алкоголя;
ремиссия; адаптация; анозогнозия

ABSTRACT

With the help of "multi-level personality questionnaire" (IPC) and the use of Pearson (χ^2) it is concluded that the factor of remission duration in developing programs of psychological and social care for patients should be taken into consideration.

Key words: alcohol dependence; remission; adaptation; anosognosia

Актуальность. Алкоголизм на сегодняшний день является наиболее разрушительной и распространенной формой зависимого поведения. С позиций современной биопсихосоциальной парадигмы медицины особое значение в профилактике, лечении и реабилитации наркологических больных должно придаваться психологическим и социальным факторам, которые на разных этапах течения алкоголизма могут существенно отличаться. Особый интерес в этом плане представляет ремиссия как этап течения алкоголизма, очерченный во времени и имеющий ряд присущих ему специфических свойств. Проведенные ранее исследования и клинический опыт убеждают: чтобы перейти на новый ви-

ток трезвой жизни, нужно решить задачи предшествующего периода; при этом «... по мере углубления ремиссии биологические факторы теряют свое преобладающее значение в формировании ее устойчивости, уступая его личностным, а затем социальным факторам» [3]. Е.Р. Исаева утверждает, что копинг-механизмы в сочетании с личностными особенностями являются адаптационным потенциалом личности [4]. Наиболее дискуссионной проблемой в исследованиях алкоголизма является – «анозогнозия». Американский исследователь Е. Goetzke рассматривает анозогнозию в качестве необходимого средства поддержания психологического здоровья в моменты стресса [11]. Различные авторы рассматривают анозогнозию в качестве защитного механизма, чаще «отрицания» [1,2,8], или копинг-стратегии «дистанцирование» в отношении проявлений болезни [5]. Анозогнозия может выступать для пациентов, больных алкоголизмом, неким адаптивным ресурсом, позволяющим успешно функционировать в границах привычных представлений и ценностей. «В условиях болезни она способствует искажению «идеального субъективного мира» субъекта, создает иллюзорность, формирует неспособность замечать и критически оценивать очевидные факты. Требуется большие усилия, чтобы разрушить эти иллюзии, вернуть пациента к реальности для принятия им ответственного решения за свое здоровье и жизнь в целом» [9 с.1].

Цель исследования: провести сравнительный анализ «Личностного адаптационного потенциала» (ЛАП) групп пациентов, зависимых от алкоголя, находящихся на разных сроках ремиссии.

Методы исследования. «Личностный адаптационный потенциал» исследовался с помощью «Многоуровневого личностного опросника» (МЛО)

«Адаптивность» [10]. Испытуемым были предложены шкалы 3 и 4-го уровня. Шкалы 3-го уровня отражают характеристики личностного адаптационного потенциала: поведенческую регуляцию (ПР), коммуникативный потенциал (КП) и моральную нормативность (МН). Шкала 4-го уровня отражает непосредственно уровень личностного адаптационного потенциала (ЛАП) [10].

Математико-статистическая обработка включала сравнительный анализ показателей ЛАП в четырех клинических группах с помощью дисперсионного анализа по t-критерию Стьюдента, а также с помощью частотного анализа встречаемости различных уровней ЛАП больных алкоголизмом на разных сроках ремиссии, проведенного с использованием критерия Пирсона (χ^2).

Материал исследования: составили данные психологического исследования 93 мужчин с синдромом зависимости от алкоголя (F10.2, по МКБ-10) [6], проходивших лечение в наркологических учреждениях Санкт-Петербурга. Все пациенты дали добровольное информированное согласие на участие в психологическом исследовании.

В соответствии с целью исследования все пациенты были разделены на четыре группы в зависимости от срока ремиссии к моменту психологического исследования: 1 группа (А) – «воздержание в условиях больницы или диспансера» (F.10.210); 2 группа (В) – «ранняя ремиссия» (F.10.200); 3 группа (С) – «частичная ремиссия» (F. 10.201); 4 группа (D) – «полная ремиссия» (F. 10.202) [6].

Результаты исследования. В таблице 1 приведены результаты сравнительного исследования показателей личностного адаптационного потенциала в четырех группах больных алкоголизмом.

Таблица 1

Показатели личностного адаптационного потенциала больных алкоголизмом на разных сроках ремиссии

Клинические группы							
Воздержание n=26 (А)		Ранняя ремиссия n=16 (В)		Частичная ремиссия n=15 (С)		Полная ремиссия n=36 (D)	
М	δ	М	δ	М	δ	М	δ
Достоверность (D)							
2,8	1,6	3,3	2,8	3,3	2,4	2,7	1,8
Поведенческая регуляция (ПР): AD*							
3,1	2,0	3,3	1,6	3,7	1,8	4,3	1,6
Коммуникативный потенциал (КП)							
3,7	1,1	3,2	0,8	3,9	1,7	3,3	1,7
Моральная нормативность (МН)							
3,3	1,5	4,2	1,5	3,5	1,5	4,1	1,2
Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)							
1,9	1,3	2,1	1,2	2,3	1,9	2,8	1,4

Примечание: * - тенденция к статистически значимым различиям при $0,05 < p < 0,1$.

Как видно из таблицы 1, между группами «воздержание» и «полная ремиссия» по шкале «Поведенческая регуляция» выявлена тенденция к статистически значимым различиям. «Поведенческая регуляция» – это понятие, характеризующее способность человека регулировать свое взаимодействие с социальной средой. Основными элементами поведенческой регуляции являются: самооценка, уровень нервно-психической устойчивости, а также наличие социального одобрения [10]. Таким образом, названные характеристики поведенческой регуляции существенно преобладают у испытуемых,

находящихся на стадии полной ремиссии по сравнению с пациентами, находящимися в начальной стадии становления ремиссии (группа «воздержание»).

В соответствии с концепцией, положенной в основу многоуровневого личностного опросника «Адаптивность», показатель «Личностный адаптационный потенциал (ЛАП)» может соответствовать одному из четырех уровней в зависимости от уровня адаптационных способностей индивида [10]. В таблице 2 приведены результаты частотного анализа встречаемости различных уровней личностного адаптационного потенциала (ЛАП) больных алкоголизмом на разных сроках ремиссии, проведенного с использованием критерия Пирсона (χ^2).

Таблица 2.

Распределение больных алкоголизмом по уровням (группам) личностного адаптационного потенциала (ЛАП)

Уровни (группы ЛАП)	Воздержан- ние		Ранняя ремиссия		Частичная ремиссия		Полная ремиссия	
	Чел	%	Чел	%	Чел	%	Чел	%
1-2 группа	0	0	0	0	0	0	0	0
3 группа	5	5,4	1	1,1	2	2,2	11	11,8
4 группа	21	22,5	15	16,1	13	13,9	25	26,8
$\chi^2 = 11,17$ $0,05 < p < 0,1$								

Примечание: 1-2 группа – группа хороших адаптационных способностей; 3 группа – группа удовлетворительной адаптации; 4 группа – группа сниженной адаптации.

Как видно из таблицы 2, различия частот встречаемости различных уровней ЛАП в группах больных алкоголизмом, находящихся на разных сроках ремиссии, имеют тенденцию к статистической значимости. По результатам частотного анализа, все изученные больные относятся только к 3 (удовлетворительная адаптация) и 4 (сниженная адаптация) группам адаптационных способностей. Согласно авторам методики МЛО «Адаптивность», к 1-2 группе относятся лица, легко адаптирующиеся к новым условиям деятельности, быстро вырабатывающие стратегию своего поведения и социализации [10], однако таких пациентов ни в одной из клинических групп не встретилось. По результатам настоящего исследования, как в 3, так и в 4 группе адаптационных способностей преобладают пациенты, находящиеся на стадии «полной ремиссии». Также обращает на себя внимание тот факт, что на всех сроках ремиссии у изученных больных алкоголизмом, наибольший процент пациентов относится к 4 группе – группе сниженной адаптации, однако в группе «полной ремиссии» по сравнению с другими группами исследуемых пациентов резко преобладает процент лиц, которых можно отнести к 3 (удовлетворительному, т.е. более высокому) уровню выраженности ЛАП.

При анализе результатов, учитывалось, что личностный адаптационный потенциал (ЛАП) составляют шкалы: «Поведенческая регуляция (ПР)», «Коммуникативный потенциал (КП)», «Моральная нормативность (МН)» [10]. Исходя из содержания названных составляющих шкал, исследуемых пациентов, можно охарактеризовать, как лиц с низкой поведенческой регуляцией, низким уровнем коммуникативных способностей и склонностью к нарушению общепринятых норм и правил поведения, принятых в социуме.

Заключение. Проведенное психологическое исследование показывает, что для больных алкоголизмом, находящихся на стадии «воздержания» характерны: нервно-психическая неустойчивость, отсутствие адекватной самооценки и адекватного восприятия действительности, в то время, как у исследованных пациентов на стадии «полной ремиссии» повышается уровень нервно-психической устойчивости и поведенческой регуляции, самооценка и восприятие действительности приближаются к адекватным. Возможно, появление первых признаков сознательного контроля своего поведения, повышение самооценки у лиц, зависимых от алкоголя, находящихся на стадии «полной ремиссии», определило выявленный факт возрастания среди них процента лиц, относящихся к 3 группе адаптационных

способностей – группе удовлетворительной адаптации. В проведенном ранее исследовании было выявлено, что анозогнозия (отсутствие сознания болезни и патологической зависимости от алкоголя) более характерна для пациентов в период «воздержания» (42,3%) и в период «частичной ремиссии» (40%), а наиболее высокий процент лиц, имеющих сознание болезни (не имеющих анозогнозии) и активно, самостоятельно обращающихся за медицинской помощью – на стадиях «частичной» и «полной ремиссии» (68,8% и 75,0%) соответственно [7]. В связи с этим можно предположить, что у больных алкоголизмом на стадии «полной ремиссии» начинают формироваться новые паттерны психической деятельности и самосознания, способствующие успешной адаптации в социуме.

Литература:

1. Баранова О.В. Алкогольная анозогнозия и ее преодоление в процессе лечения больных алкоголизмом: автореф. дис. ... канд. мед. наук. – М., 2005. – 18 с.
2. Вассерман Л.И., Ерышев О.В., Клубова Е.Б. Отношение к болезни, алкогольная анозогнозия и механизмы психологической защиты у больных алкоголизмом // Обозрение психиатрии и мед. психологии им. В.М. Бехтерева. – 1993. – №3. – 13-22 с.
3. Ерышев О.Ф., Рыбакова Т.Г., Шабанов П.Д. Алкогольная зависимость: формирование, течение, противорецидивная терапия. – СПб.: ЭЛБИ-СПб, 2002. – 192 с.
4. Исаева Е.Р. Совладающее со стрессом и защитное поведение личности при расстрой-
- ствах психической адаптации различного генеза: автореф. дис. ... доктора псих. наук. – СПб., 2010. – 58 с.
5. Копинг-механизмы (механизмы совладания) // Психотерапевтическая энциклопедия / под. ред. Б.Д. Карвасарского. – СПб.: Питер, 2002. – 217-219 с.
6. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Т.1., Ч.1. / Пер. с англ. М.В. Максимова, С.К. Чемякина, А.Ю. Сафронова. – Женева: ВОЗ, 1995. – 698 с.
7. Миронова Н.В., Щелкова О.Ю. Психосоциальные характеристики пациентов с алкогольной зависимостью при разных сроках ремиссии заболевания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2014. – №2. – С. 54-60 с.
8. Трифонова Е.А. Яровинская А.В. актуальные вопросы изучения алкогольной анозогнозии // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – №8. – 375-379 с.
9. Узлов Н.Д. Анозогнозия как защитный механизм и способ совладания с болезнью [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2013. – №6 (23). – URL: <http://mprj.ru>
10. Чермянин С.В., Корзунин В.А., Юсупов В.В. Диагностика нервно-психической неустойчивости в клинической психологии. Методическое пособие. – СПб.: Речь, 2011. – 190 с.
11. Goetzke E. When your patient is in denial // Am. J. Nurs. – 1995. – Vol. 9. – 18-21 с.

УДК 316.811

Осипова Любовь Борисовна

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

кандидат социол. наук, доцент Тюменского государственного
архитектурно-строительного университета, г. Тюмень

THE EDUCATION SYSTEM AS AN
INSTITUTION SOCIALIZATION OF YOUTH

Osipova Lyubov Borisovna, PhD in Sociology,
Associate professor Tyumen State University of
Architecture and Civil Engineering

Аннотация: Данная статья посвящена одной из актуальных тем современности - социализации современной молодежи. Автором комплексно

раскрывается содержание категориальных понятий. Раскрываются специфические особенности процесса социализации молодежи. Особый акцент сделан на рассмотрении ресурсов социализации молодежи в образовательном процессе.

Abstract: This article focuses on one of the important themes of our time - the socialization of today's youth. The author comprehensively reveals the content of categorical concepts. Reveal the specific features of the process of socialization of young people. Special

emphasis is placed on the consideration of resources youth socialization in the educational process.

Ключевые слова: социальный институт, система образования, молодежь, социализация, профессиональная ориентация.

Keywords: social institution, the education system, youth, socialization, professional orientation.

В современных условиях существует влиятельный социальный институт, роль которого в процессе социализации молодежи за последние десятилетия существенно возросла – это система образования. Повышение качества образовательных услуг сегодня является стратегической составляющей образовательной политики государства. Роль системы образования в обществе заключается в формировании у подрастающего поколения социально-значимых качеств, прежде всего: общей культуры, умения адаптироваться к жизни в современном обществе, адекватной личным способностям профессиональной ориентации. Социализация молодежи является важным звеном в сохранении стабильности общества, и социализирующая роль образовательных институтов признается практически всеми исследователями. Социализация относится к тем процессам, посредством которых люди учатся эффективному взаимодействию в социальных группах и который продолжается на протяжении всей жизни человека [7]. Анализируя роль образования в социализации молодежи, необходимо, прежде всего, уточнить содержание самого понятия образование, которое имеет неоднозначный характер. В современной литературе трудно обнаружить сколько-нибудь удовлетворительные дефиниции данного понятия. Так, например, советский энциклопедический словарь предлагает следующее определение: «Образование – процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков; необходимое условие подготовки человека к жизни и труду» [6]. Разумеется, данное определение узко, вне исторично и не всегда отражает современных требований и ожиданий, предъявляемых к современной системе образования. Многие исследователи предлагают рассматривать образование в целом как «социализацию в специально организованной среде» [1].

Связь социализации с образованием была указана еще Э. Дюркгеймом. Дюркгейм Э. считал, «основная задача социализации - приобщение индивидов к идее «коллективного сознания» и подчинение их биологической природы общественным интересам и социальным потребностям» [3]. Новые поколения, по его мнению, не только осваивают и по-

вторяют социальный опыт, но и вводят новые образцы поведения, позже становящиеся традициями. К. Маркс увязывает развитие отдельного человека с развитием и воздействием окружающих его людей, а социальную среду считает и условием и результатом человеческой деятельности. В результате человек не просто пассивно приспосабливается к среде, но и формирует новые качества, тем самым, преобразуя себя.

Признаками успешной социализации являются приобретение социальной компетентности и идентичности, обеспечивающих осуществление статусных переходов, появление социальной активности, желания и возможностей для интеграции в социум. На основе опыта социального взаимодействия формируются основные регуляторы поведения: целевые и ценностные ориентации, нормы, представления, установки, самосознание, самооценки и т.д. Система образования – специфическая область социальной практики. Образование представляет собой единство двух различных процессов: социализации и индивидуализации личности. Как часть социализации образование зачастую рассматривают в качестве средства встраивания растущего человека в общее для всех жизненное пространство, освоения правовых норм, норм общения, принятых ценностей. Индивидуализирующий эффект образования обеспечивается путем создания средств для осознания человеком своих сильных и слабых сторон и выбора своего жизненного пути.

Одним из многочисленных измерений социализации является профессиональная социализация. При рассмотрении данного процесса, как правило, имеем дело с необходимостью приобретения молодыми людьми специфического ролевого знания и влиянием этого процесса на социальную жизнь города. К особенностям развития молодых людей в данный период относят:

- усиление роли обобщения и постановки новых задач в структуре интеллекта;
- расширение и углубление эмоциональной включенности в многообразные жизненные реалии;
- усиление избирательной памяти в соответствии с актуальностью рассматриваемого вопроса;
- обусловленность гибкости и способности к сознательному развитию человека широтой социальных ролей, которые он играет;
- взаимосвязь идентификации человека с его ролями и подверженность влиянию социальных стереотипов;

- высокая готовность идти на компромисс при принятии решений.

Разумеется, не все перечисленные черты находят свое выражение в студенческом возрасте, однако они во многом задают вектор развития.

По мнению Н.А. Перинской под профессиональной социализацией: следует понимать: [5]

- с одной стороны, процесс вхождения индивида в профессиональную среду, усвоение профессионального опыта, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества;
- с другой стороны, процесс активной реализации накапливаемого профессионального опыта, в котором различные типы адекватного поведения проявляются не как слепое подчинение внешним требованиям, а как выбор оптимального поведенческого решения, предполагающего непрерывное профессиональное саморазвитие.

Образование активно влияет на профессиональное становление молодого человека, так как в процессе образования личность обогащается, стимулируется интенсивная деятельность по профессиональному определению. Однако, возникает вопрос: когда происходит профессиональное самоопределение личности? Ответ неоднозначен. Если спросить сегодняшнего школьника, зачем он учится, можно услышать самые разные ответы: «Чтобы поступить в институт», «Чтобы работать», «Все учатся», «Сделать карьеру» и т.п. При этом осознанный выбор сферы деятельности осуществляют не более чем у 40% подростков, которые ориентируются в основном на содержательную сторону будущей профессии. И лишь не многие из них рассматривают процесс обучения, как начало своей будущей профессиональной деятельности. Возможности получения качественного образования открывают перед молодым человеком соответствующие возможности социокультурного самоопределения, отражаются на уровне его мышления, типе поведения. При рассмотрении социализированных ресурсов образования, исходя из понимания социализации как единства деятельности, общения и отношений личности. По мнению автора, ресурсами системы образования по обеспечению социализации являются:

- содержание и технологии образования (имеются в виду и обучение и воспитание);
- ролевые и личностные общения и отношения педагогов со студентами;
- микросфера образовательных учреждений, в

которой организация и содержание жизнедеятельности направлены на актуализацию активности, свободы выбора, возможности самореализации личности учащихся:

- возможности влияния на взаимодействия студента с социальной средой, включая отдельных личностей, группы, институты, социальные структуры. При этом образовательное учреждение может влиять на обучаемого, основываясь на регулировании воздействия на него различных сфер и создавая условия для проявления активности учащегося в этих сферах.

Рассмотрим содержание каждого из ресурсов. Содержание и технологии обучения и воспитания аккумулируют в себе культурные достижения общества и составляют основной потенциал профессиональной социализации в системе образования. Содержание образования - особый разрез образования, иначе говоря, это образование, но без учета его методов и организационных форм. Его источником, определяющим состав, является социальный опыт, культура. В социокультурном отношении содержание образования можно определить как педагогическую модель социального заказа. Содержание образования, выраженное в учебных планах, программах, учебниках является основным предметом деятельности педагогов и обучаемых, обеспечивая формирование у них научной картины мира. Согласно Закону об образовании РФ образовательному учреждению предоставлены права по формированию программ обучения, которые могут реализовать общеобразовательные (основные и дополнительные) и профессиональные (основные и дополнительные) программы. Очевидно, что для поддержки профессиональной социализации личности необходимо совмещение различных программ. Социализирующаяся личность нуждается в конкретизации своих планов, пробах различных видов деятельности, целостном образе потребностей будущего. Это необходимо как для адаптации, так и для развития социальной направленности, активности личности. Содержание образования должно обеспечить и возможность осознанного выбора.

В прикладном аспекте особенно важной является практическая направленность обучения, которая предполагает такой отбор содержания, который был бы специально направлен на применение знаний, умений и навыков в различных сферах человеческой деятельности, в повседневной жизни, в решении различного рода практических задач. Таким образом, для поддержки социализации личности че-

рез содержание образования необходимо совмещение различных видов общих и профессиональных образовательных программ, их вариативность, разноразностность, сочетание и интеграция общего и специального содержания образования при усилении его гуманитаризации и прикладного характера. Рассмотрим понятие «технология образования», которое трактуется как определенная парадигма процесса обучения, применение которой ведет к достижению цели - формированию определенных качеств личности. Следует отметить, что понятие образовательных технологий распространяется не только на обучение, но и на воспитание. Образовательные технологии включают в себя дидактические и воспитательные методики, содержащие в них методы, формы организации и средства. В настоящее время в области образовательных технологий накоплен значительный опыт, позволяющий актуализировать их социализирующий потенциал. Так, в области обучения это технологические подходы к развивающему обучению, личностно ориентированному обучению и воспитанию. Следовательно, содержание и технологии образования для выявления их социализирующего потенциала должны быть ориентированы на сочетание и интеграцию общеобразовательной и профессиональной подготовки при организации непрерывности, преемственности и целостности образовательного процесса.

Огромную роль играет общение и взаимоотношения педагога и студентов. От преподавателей требуется особая выдержка, терпение, понимание обучающихся для того, чтобы их отношения и общение давали образцы социального взаимодействия, отношений. Не менее важно грамотное руководство общением и отношениями в группе учащихся. Ролевая и статусная, формальная и неформальная структура группы, установившиеся в ней способы взаимодействия - все это влияет на социальную направленность, вырабатывает адаптационные умения, является полем приложения активности и самореализации личности.

Проблема социализации для образовательного учреждения стоит сейчас достаточно остро. Причина - в экономических и политических изменениях, которые переживает страна, в вызванной ими смене социальных ориентиров и ценностей. В образовательном учреждении создана специальная служба, в ведении которой находится информационная, координационная, организационная, аналитическая деятельность. Профессионально-ориентационная и консультационная работа, проверка на профессиональную пригодность по физическим и пси-

хологическим критериям существует лишь для узкого круга профессий. В связи с этим именно в системе образования происходит интеграция знаний, которая активизирует субъективные предпочтения индивида, последовательность его решений о выборе профессии. Следует отметить, что изменения личности происходят под влиянием разнородных факторов. Кроме организованного внешнего воздействия важную роль играет деятельность, общение и саморазвитие человека. При этом на специфику социализации в том или ином учебном заведении влияют как внутренние, так и внешние условия. К внешним условиям можно отнести политическую и социально-экономическую обстановку в стране и регионе, престижность или непрестижность образования вообще, общественное мнение о данном учебном заведении, инфраструктуру города и т.д. К внутренним факторам относятся: преподавательский состав, его профессиональный уровень и коммуникативные способности, социально-психологический климат в коллективе, материально-техническая база, методическое обеспечение учебного процесса, студенческий контингент и т.д.

Большое значение в профессиональной социализации и оптимизации образовательного пространства имеет социокультурная среда. Ее роль трудно переоценить, поскольку образовательная среда на период обучения становится для них «вторым домом». Она не только формирует профессиональную этику будущих специалистов, но и компенсирует негативные последствия предшествующих этапов социализации. Это особенно актуально для современной ситуации, когда многие общественные ценности существенно деформированы [4]. Достаточно остро встает вопрос распределения свободного времени и выработки стиля обучения. Как правило, в процессе обучения молодежь достигает требуемой для профессиональной деятельности компетентности, осваивает нормы профессиональной деятельности, корпоративной культуры, повышает свои адаптационные возможности, формирует творческий потенциал. Таким образом, в процессе получения профессионального образования студенты адаптируются к новым условиям учебы и жизни. Он предполагает приобретение профессионального опыта, принятие решения о правильности выбора профессии, овладение стандартами и ценностями профессионального сообщества.

Литература:

1. Бим-Бад, Б.М., Петровский, А.В. Образование в контексте социализации [Текст] // Педагогика, 1996. - №1. - С. 3-7.

2. Дюркгейм, Э. Педагогика и социология [Текст] // Дюркгейм Э. Социология. М., 1995. - С. 244-295.
3. Емельянов, В.В. Студенты об адаптации к вузовской жизни [Текст] // Социс. 2001. - № 9. - С. 77-88.
4. Перинская, Н.А. Социальная идентичность как результат профессиональной социализации [Текст] // Социологический сборник. Вып. 4. М.: Социум, 1998. 160с.
5. Советский энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 9-10.
6. Шибутани, Т. Социальная психология [Текст] Пер. с англ. В.Б. Ольшанского. Ростов н/Д.: Изд-во «Феникс», 1999. - с. 397

Поликарпова Наталья Валентиновна

АКТУАЛИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ

*аспирант кафедры общей и социальной педагогики Института психологии и образования
Казанского (Поволжского) Федерального Университета, г.Казань.*

Polikarpova Natalia, students' cognitive independence development actualization during the training process of Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
АННОТАЦИЯ.

В статье актуализируется развитие познавательной самостоятельности студентов в процессе обучения, рассматриваются три основных направления педагогической исследовательской мысли, а также три уровня развития познавательной способности студентов.

ABSTRACT

The development of cognitive independence of students in the learning process are described in the article, additionally, it focuses on three main areas of pedagogical research and three levels of students cognitive ability development.

Ключевые слова: Высшее образование. Познавательная самостоятельность.

Keywords: Higher Education. Cognitive independence.

Необходимость повышения качества подготовки выпускников высшей школы требует создание таких условий организации обучения в вузе, которые могли бы обеспечить последующую эффективную профессиональную деятельность с учетом быстрых изменений, происходящих в социальной и экономической жизни общества. Перед учебными заведениями выдвигается задача воспитания личности как субъекта деятельности, способного к самостоятельно мыслить, принимать решения и реализовывать различные проекты. Самостоятельность - это

качество личности, характеризующееся готовностью совершать действия без помощи других, вносить элементы новизны и творчества в свою деятельность, иметь собственные, независимые суждения. Познавательная самостоятельность в обучении предполагает умение пользоваться научной информацией, правильно оценивать факты, обобщать их, использовать ранее усвоенные знания в своей образовательной деятельности, принимать решения, генерировать идеи, воплощать их в жизнь.[2,с.8]. Такие умения не приходят сами по себе. Именно поэтому изучение процесса развития познавательной самостоятельности студентов в процессе обучения, выявление факторов, способствующих развитию самостоятельности в процессе обучения в вузе является сегодня актуальной проблемой вузовской дидактики.

Вопросы структуры и способов развития познавательной самостоятельности, определения дидактических средств её развития раскрываются в исследованиях Е.Я. Голант, Н.Г.Дайри, Б.П. Есипова, И.Я.Лернер, М.И.Махмутова, И.Т.Огородникова, П.И.Пидкасистого, Н.А.Половниковой, М.Н.Скаткина, Т.И.Шамовой и др.

В центре внимания педагогов и исследователей мы можем выделить три направления изучения познавательной самостоятельности в процессе обучения: социально - педагогическое, дидактико-методическое и психолого-педагогическое. Рассмотрим их.

Социально - педагогическое направление изучения познавательной самостоятельности находит свои истоки еще в трудах древних философов, наибольшую известность из них получили такие мыслители, как Сократ, Платон, Аристотель. Уже в этих работах раскрывалась значимость развития самостоятельности в процессе обучения, необходимость добровольного, активного и самостоятельного овладения человеком знаниями, возможность совершенствования личности и развитие его способностей путем самопознания. Мыслители эпохи Возрождения Ф.Рабле, М.Монтень, Т.Мор, Т.Кампанелла с новой силой стали проповедовать необходимость свободы в обучении детей, самостоятельной мысли в суждениях учащихся, воспитание критически мыслящего человека и боролись с засилием схоластики, догматизма и зубрежки в школах и университетах. Познавательная самостоятельность становится одним из ведущих направлений дидактики педагогов Нового времени - Я.А.Коменского, Ж.-Ж.Руссо, И.Г.Песталоцци, А.Дистервега.[4,с.16].

Теоретически разрабатываются и реализуются на практике средства организации развития познавательной самостоятельности в процессе обучения. В современной науке представителями этого направления являются Е.Я.Голант, М.А.Данилов, Л.В.Жарова, М.И.Махмутов, П.И.Пидкасистый, Н.А.Половников и др.

В дидактико-методических исследованиях изучаются условия развития познавательной самостоятельности, разрабатываются средства организации самостоятельной работы в процессе обучения, обсуждаются новые возможности современных технологий в образовательной деятельности вузов. Познавательная деятельность студентов протекает в различных формах - изучение научной литературы, поиск информации в фондах научных библиотек и ресурсах интернета, решение задач, примеров, подготовка устных и письменных работ, ответ на вопросы преподавателей, составление тезисов и рефератов на основе прочитанного, проведение опытов, исполнение творческих заданий, научно-исследовательская работа, разработка, презентация и реализация проектов и т.д. Разработаны классификации самостоятельных работ (Б.П.Есипов, Р.М.Микельсон), условия организации самостоятельной учебной деятельности (М.А.Данилов, Б.П.Есипов, П.И.Пидкасистый).

Психолого-педагогическое направление изучения познавательной самостоятельности в процессе обучения рассматривают сущность познавательной самостоятельности, личностно-ориентиро-

ванный подход в обучении, индивидуальные психологические особенности самостоятельной деятельности. К числу исследований в этой области относятся: учение о деятельностном подходе (А.Н.Леонтьев), теория проблемного обучения (М.И.Махмутов), концепция оптимизации учебного процесса (Ю.К.Бабанский), теория поэтапного формирования интеллектуальных действий (П.Я. Гальперин), определена структура мотивации самостоятельной познавательной деятельности (В.Г.Асеев, Л.И.Божович, Д.Н.Богоявленский, И.А.Зимняя, М.В.Матюхина).

Развитие самостоятельности является одной из ключевых целей образования и происходит в результате педагогического управления со стороны обучающего. Эффективная организация самостоятельной учебно-познавательной деятельности студентов развивает профессионально значимые качества личности, творческие способности, собственно самостоятельность, активность и, таким образом, способствует становлению и развитию профессиональной компетентности.

Необходимым условием организации самостоятельной познавательной деятельности является формирование познавательной активности студента, т.е. его стремления к эффективному овладению знаниями, умениями, навыками, готовность к мобилизации волевых усилий и выбору оптимальных путей для достижения целей познания. Здесь задача преподавателя заключается в стимулировании формирования этих познавательных потребностей, а также готовности студентов к саморазвитию, самосовершенствованию.

Т.И.Шамова выделяет три взаимосвязанных и взаимообусловленных компонента познавательной самостоятельности, которые в реальном процессе обучения расчленять можно лишь условно: мотивационный, содержательно-операционный, волевой.[6,с.32]. Развитие познавательной самостоятельности можно диагностировать, если в процессе самостоятельной познавательной деятельности студентов наблюдается положительная динамика всех трех компонентов: мотивационного - от любопытства через эпизодическое осознанное стремление познать новое к устойчивому стремлению к постоянной умственной деятельности; содержательно - операционного как системы ведущих знаний и способов учения (интеллектуальных, общих учебных навыков и специальных умений по предмету); волевого, выражающегося в стремлении преодолевать познавательное затруднение. Самостоятельность

при этом направленно развивается от репродуктивного уровня через частично-поисковый к исследовательскому.

Первый уровень - отражательно-репродуктивный, здесь студенты более или менее точно воспроизводят знания и приемы в том объеме и содержании, в котором они были получены в процессе обучения. Например, это может быть изложение содержания лекции, параграфа учебника, учебного пособия, дополнительных материалов, выполнение некоторого опыта согласно образцу, исполнение задания по алгоритму.

Второй уровень - частично-поисковый. Его характеризует некоторая умственная переработка знаний об известных объектах, студент самостоятельно выбирает методы и приемы изучения учебного материала, а также использует весь объем знаний, которым он располагает.

Третий уровень - исследовательский, или творческий. Он предполагает собственную мыслительную деятельность студента, более глубокое погружение в изучение предмета, поиск связей знаний изучаемого объекта и научных достижений смежных областей знания, применение сформированных умений в работе с новыми объектами, поиск новых путей решения исследовательских задач, а также умение самостоятельно планировать и корректировать свою деятельность.

Итак, в настоящее время все больше возрастают требования к личным качествам современного студента, будущего специалиста – умение самосто-

ятельно вести поиск необходимого материала, пополнять и обновлять знания, творчески подходить к решению поставленных задач. Таким образом, проблема развития познавательной самостоятельности студентов приобретает все большую актуальность.

Список литературы.

1. Дайри Н.Г. Основное усвоить на уроке: книга для учителя. - М.: Просвещение, 1987.-191с.
2. Козырев В.Л. Высшее образование России в зеркале Болонского процесса/ В. Л. Козырев, Н. Л. Шубина. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2005 – 434 с.
3. Махмутов М.И. Организация проблемного обучения в школе.-М.,1977.-374с.
4. Пидкасистый П.И. Самостоятельная познавательная деятельность школьников в обучении: теоретико-экспериментальное исследование.- М.: "Педагогика", 1980.- 240с.
5. Пидкасистый П.И. Самостоятельная деятельность учащихся: дидактический анализ процесса и структуры воспроизведения и творчества.-М.: "Педагогика", 1972.- 184с.
6. Шамова Т.И. Активация проблемного обучения в школе.-М.: Знание, 1979.-96с.
7. Шамова Т.И. Управление образовательными системами: Учеб.пособие для студентов вузов./ Т.И.Шамова, Т.М.Давыденко, Г.Н.Шибанова; Международная академия наук педагогического образования.-М.: Изд.центр "Академия", 2002.-384 с.:ил.

Шакирова Алия Агзамовна

ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Казанский (Приволжский) Федеральный Университет, аспирант 3 курса, г.Казань

TEACHING OF FOREIGN LANGUAGES: TIME CHALLENGES

Aliya Shakirova, Kazan (The Volga Region) Federal University, 3-year post-graduate, Kazan

АННОТАЦИЯ

В условиях глобализации общества иностранный язык выступает средством общения. Мир в 21 веке сталкивается с определенными трудностями в контексте диалога культур. Обучение иностранному языку должно способствовать преодолению

этих трудностей и мотивировать людей межкультурную коммуникацию.

ABSTRACT

In terms of globalization of society a foreign language comes out as means of communication. In the 21st century the entire world is confronted with the difficulties in the context of the dialogue of the cultures. The learning of the foreign languages should help to overcome these difficulties and motivate people for the intercultural communication.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, межкультурная коммуникация

Key words: learning of the foreign languages, intercultural communication

На современном этапе развития общества иностранный язык является мировым средством коммуникации. В условиях социально-экономической и политической реальности создаются благоприятные условия для межкультурного общения, в которой иностранный язык выступает инструментом международной коммуникации и способом познания достижений общечеловеческой культуры. Вследствие того, что мотивация обучения иностранному языку достаточно высока, цели обучения максимально усложнены и приближены к общеевропейским стандартам.

Главной целью обучения иностранному языку является формирование коммуникативной компетенции [3, с.34], которая вбирает в себя несколько составляющих:

- лингвистическая компетенция – общее знание о системе языка;
- социолингвистическая компетенция – способность пользоваться языком в речи;
- социокультурная компетенция – знание особенностей речевого и социального поведения носителей языка;
- компенсаторная компетенция – компенсация недостаточности знания языка;
- социальная компетенция – желание и умение вступать в коммуникацию с другими людьми [1, с.55].

В условиях всеобщей глобализации, обучение иностранному языку направлено на преодоление межязыкового и межкультурного барьера. На сегодняшний день образование изобилует различными методами преподавания иностранного языка. Наиболее широко используются такие, как: - лингвосоциокультурный метод, где основной упор делается на культурную и социальную среду; - коммуникативный метод, обусловленный развитие основных коммуникативных навыков в процессе непосредственного общения; - метод дифференциации, в котором обучающиеся делятся по уровню знаний, возрастным, а также психофизиологическим особенностям [5]. Обучение иностранному языку приобретает сегодня прикладной характер. Классический подход к обучению иностранного языка также претерпел трансформацию, хотя основные его принципы сохраняются.

Обучение строится «с нуля»; навыки чтения, письма и аудирования развиваются гармонично и планомерно. В классической методике иностранный язык является самоцелью, что не в полной мере отвечает требованиям современного мира, поскольку язык является средством общения и диалога культур.

Выбор метода обучения иностранному языку должен быть направлен на преодоление тех глобальными и социальными вызовов, которые стоят перед мировым сообществом в целом, а именно:

- морально-нравственная дезориентация общества;
- рост национализма и ксенофобии;
- низкий уровень социальной солидарности;
- низкий уровень гражданского самосознания [2];
- увеличение миграции.

Г.Гейне в свое время писал: «Всякий новый век, давая нам новое знание, дает нам новые глаза». Столкнувшись с данными глобальными проблемами, необходимо искать новый подход к обучению иностранным языкам, либо же совершенствовать уже имеющийся опыт. Построение обучения иностранным языкам должно базироваться на диалоге культур преподаваемых языков, с полным учетом языковых, культурных и социальных особенностей.

Список литературы

1. Байденко В.И. Базовые навыки (ключевые компетенции) как интегрирующий фактор образовательного процесса. – М., 2002. – С.55.
2. Ефремова И.Н. Инновационные подходы к обучению иностранным языкам как основа реализации ФГОС второго поколения//Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL: <http://www.festival.1september.ru/articles/604399/> (дата обращения: 22.09.2014).
3. Костомаров В.Г. Методика преподавания английского языка как иностранного. – М.: Наука, 1990. С.34.
4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Изд-во «Слово», 2008. 334с.
5. Федорова О., Чебанова О. Методика преподавания английского языка//Langust. URL: <http://www.langust.ru/etc/el.metod.shtml> (дата обращения: 21.09.2014)

ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Еремина Наталья Валерьевна

ОДИН ВОПРОС О СИСТЕМЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В ЕС: ЭСТОНСКИЙ КЕЙС.

д.полит.н., к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург.

ONE QUESTION ON THE EUROPEAN UNION
DECISION-MAKING SYSTEM: ESTONIAN CASE.

Eremina Natalia Valerievna

Doctor of Political Science, Candidate of Historical
Science, Ass. Professor

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation.

АННОТАЦИЯ

Эстония в 2013 г. впервые воспротивилась инициативам ЕС, вдруг обнаружив, что имеет суверенные интересы, особенно в отношении крупного бизнеса. Вообще же, этот кейс хорош во многих смыслах, прежде всего, как повод в очередной раз задуматься о суверенитете и о степени его деления.

ABSTRACT

Estonia for the first time rejected the EU initiatives in 2013, suddenly having realized its own national interests especially in regard to Estonian big business. This case gives another opportunity to think of sovereignty and the degree of its fragmentation.

Ключевые слова: европейская интеграция, государственный суверенитет, коммунитарная политика, бюрократический контроль, принцип субсидиарности.

Key words: European integration, state sovereignty, communitarian politics, bureaucracy, subsidiarity.

Продвижение идей европейской интеграции всегда было связано с противоборством евроскептицизма и еврооптимизма. Притом, что существуют государства, которые можно отнести к ряду традиционных евроскептиков, например, Соединенное Королевство, лагерь государств-еврооптимистов всегда был чрезвычайно неоднороден и подвержен колебаниям в связи с изменяющейся ситуацией. Однако вопрос о суверенитете по-прежнему остается одним из наиболее значимых вопросов с точки зрения перспектив государственного развития в рамках ЕС, как для еврооптимистов, так и для евроскептиков.

Вопрос суверенитета существует ныне в трех измерениях: суверенитета государств-участников ЕС, который они всё ещё сохраняют по широкому кругу вопросов; суверенитета, разделенного ими добровольно с наднациональными институтами ЕС; трансформирующегося государственного суверенитета под влиянием субгосударственных единиц. Безусловно, что основными измерениями для проявления суверенитета остаются национальное и коммунитарное измерения, вступающие периодически в противостояние. Сразу отметим, что суверенитет оказывается ныне одной из наиболее подвижных частей современного государственного развития, ведь логика интеграционного процесса предусматривает, что обладание государством суверенитета подразумевает необходимость немедленно его разделить. Безусловно, эта же логика свидетельствует о целесообразности евроинтеграционного движения через разделение суверенитета всеми государствами-членами ЕС к укреплению федеративных начал в архитектуре Евросоюза. Главнейшим механизмом их укрепления является в данном случае принцип субсидиарности, который направлен на разделение полномочий и формальное укрепление разделенной ответственности каждого уровня управления. Вопреки спорам неофункционалистов и сторонников межгосударственного подхода, главный вопрос устойчивости архитектуры Евросоюза – это не столько найти решение, кто управляет, сколько ответить на вопрос, как управляет. Поэтому и финансовый кризис, в 2008 г. поразивший еврозону, это не столько вопрос стагнации экономики и перераспределения финансовых потоков, сколько вопрос эффективного управления. В этом ключе уместно вспомнить М. Тэтчер, которая утверждала, что уже само по себе строительство любой подобной организации в Европе приведет к тотальной регламентации жизни на всех уровнях. Таким образом, на практике важно оценивать актуальную эффективность решений, принимаемых на наднациональном и государственном уровнях, чтобы выяснить:

насколько конкретные мероприятия, проводимые коммунитарными институтами, соответствуют объективной логике евроинтеграции; насколько данная логика поддерживается национальными государствами, которые реализуют решения наднациональных институтов и высказывают свое мнение о них.

И в этом контексте более, чем просто симптоматичным стало активное обсуждение очередного проекта директивы ЕС в негативном ключе в Эстонии, т.е. в государстве, которое в значительной степени зависимо от финансовых субсидий ЕС, иными словами, получает больше, нежели вносит в общий бюджет[1]. Помимо этого, ранее эстонское государство не демонстрировало резкого отрицательного мнения об инициативах ЕС, относя себя к лагерю еврооптимистов. По этой причине обсуждение директивы ЕС в парламенте Эстонии очень показательно демонстрирует отсутствие у институтов ЕС новых способов управления. Например, Еврокомиссия идет по проложенному пути повышения контроля и отчетности. Финансовый кризис, вероятно, даже в большей степени заставил ее укрепиться в данной управленческой схеме, так как теперь в связи с движением к интеграции финансового и банковского секторов, следующим важнейшим шагом должна стать регламентация деятельности производств, оказывающих непосредственное влияние на экономическое развитие государств-участников ЕС.

3 июня 2013 г. комиссия по делам Европейского союза Рийгикогу сформулировала свои возражения (по сути, первый протест Эстонии против предложений ЕС) против бухгалтерских директив Евросоюза. Между тем, дискуссия на данную тему развернулась сразу же и на страницах эстонского издания Postimees[2].

Приведем Пояснительную записку к проекту решения Рийгикогу, объясняющую эстонский протест[3]: «...16 апреля 2013 года Европейская Комиссия представила Европейскому Парламенту и Совету предложение директивы, которой изменяются директивы Совета 78/660/ЕМÜ и 83/349/ЕМÜ в связи с обнародованием нефинансовой информации и информации, касающейся разнообразия со стороны крупных коммерческих объединений и концернов. В предложении директивы коммерческие объединения обязываются, в дополнение к финансовой информации, предоставлять информацию также и по вопросам окружающей среды и социальным вопросам, в отношении работников, а также по вопросам, связанным с уважением прав человека и борьбы с коррупцией.

Коммерческие объединения должны описать те принципы, которым следует коммерческое объединение в связи с вышеуказанными вопросами, результаты применения принципов и связанные с вопросами риски, а также то, как коммерческое объединение этими рисками управляет. Нотированные на бирже крупные коммерческие объединения должны представлять данные о своей политике разнообразия, в том числе насчет возраста, пола, географического разнообразия, а также насчет аспектов, связанных с образовательным и профессиональным фоном. Отчет должен содержать цели соответствующей политики, ее применение и достигнутые результаты. Предложение директивы принесло бы с собой дополнительную обязанность обнародования нефинансовой информации по меньшей мере для 30 предприятий Эстонии, а обязанность представления политики разнообразия – для 16 предприятий Эстонии» [4].

В соответствии с Решением Рийгикогу, оно, во-первых, высказывает полное недоумение, почему недостаточно мер, принимаемых на уровне страны-члена, а нужно вмешательство на уровне Европейского Союза и повышение отчетности коммерческих предприятий в плане обнародования нефинансовой информации; во-вторых, Рийгикогу потребовало от Комиссии обосновать, почему из возможных мер была избрана директива, которой для стран-членов устанавливается обязанность требовать от крупных коммерческих объединений и концернов обнародования нефинансовой информации, притом, что коммерческое право находится скорее в компетенции стран-членов, и предприятия в общем случае действуют на основании права страны-члена. Члены Рийгикогу ссылаются на сложившуюся практику Европейского Суда, «...согласно которой коммерческое объединение, учрежденное на основании внутреннего законодательства, существует исключительно на основании внутригосударственного права, которое регулирует вопросы его учреждения и деятельности (решение Европейского Суда от 27 сентября 1988 года в деле 81/87 *Daily Mail and General Trust*, EKL 1998, стр. 5483, пункт 19; решение Европейского Суда от 16 декабря 2008 года в деле C-210/06 *Cartesio*, EKL 2008, стр. I-9641, пункт 104, а также решение Европейского Суда от 12 июля 2012 года в деле C-378/10 *VALE Építési kft*, пункт 27, в сборнике судебных решений еще не опубликовано). Таким образом, государства-члены сами решают, каким должен быть справедливый баланс между обязанностями коммерческих объединений и свободой предпринимательства, и какими способами

добиваться этого баланса. Обязанность коммерческих объединений предоставлять обзор имущества и обязательств, финансового состояния, а также прибыли и убытков является вполне достаточным средством для защиты постоянных интересов коммерческих объединений»[5]. Члены Рийгикогу указывают, что данная директива не имеет под собой необходимых правовых оснований.

Изучение стенограммы заседания Рийгикогу от 18 июня 2013 г. свидетельствует о небывалом прежде и резко негативном отношении к указаниям коммунитарных органов и самой целесообразности подобного вмешательства в дела крупного бизнеса Эстонии, который никогда не регулировал ни географическое разнообразие, ни вопросы образования, возраста и т.п. своего персонала при осуществлении производственной деятельности. Однако парламентарии были озабочены перспективами в случае реализации директивы, так как подобное регулирование уже означает, по сути, значительное расширение контролирующих функций ЕС над важнейшими крупными производствами Эстонии, что лишает ее последней видимости суверенитета. При этом важно, что социал-демократ Урве Пало распространила данную директиву на само правительство Эстонии, указав, что в нем самом нет никакого разнообразия: «из 13 министров 1 женщина, нет ни одного министра с другим родным языком, если говорить о географических или национальных отличиях, и половина министров – это люди в возрасте 34-39 лет»[6]. И данный момент можно представить существенной проблемой для эстонских предприятий при реализации директивы, так как это вскроет явный национальный и языковой диспаритет и уязвленное положение русскоязычного населения Эстонии.

Таким образом, с одной стороны, система постоянного повышения бюрократического контроля ЕС дает очевидные сбои, так как сталкивается с разнообразными суверенными интересами, которые присутствуют и в странах-еврооптимистах, притом, что для маленькой Эстонии, серьезно зависящей от финансовой помощи ЕС, функционирующие крупные предприятия представляются последним оплотом государственной самостоятельности. С другой стороны, учитывая реальные проблемы разнообразия в бизнес среде Эстонии, директива ЕС вызывает множество вопросов, связанных с правами человека, прежде всего, с перспективами решения проблем, о которых говорит русскоязычное население страны. Однако, к

сожалению, данная директива оказывается очередной иллюзией заботы о гражданах, так как в ее тексте права человека объединены с другими полномасштабными целями – защитой экологии, борьбой с коррупцией и т.д. Важнейшим элементом в этой конструкции оказывается бюрократическая машина. Рост отчетности и регламентирования непосредственно связан с многообразием интересов разных игроков – строителей и архитекторов – ЕС, что заставляет наднациональный уровень детально фиксировать свое присутствие во всех делах стран-участниц, создавая видимость своего непосредственного влияния на жизнь всех граждан ЕС, и укреплять формальное единообразие в управлении.

Отсюда можно сделать следующие выводы. Первое: сложились традиционные способы управления, связанные со все большей регламентацией всех сфер жизни. Второе: осуществляется сбор и накопление информации на коммунитарном уровне для принятия неких стратегических решений на перспективу развития ЕС, ведь сейчас уже необходимо знать, где, кто, как и сколько работает на том или ином предприятии, в той или иной стране. Экономика перераспределения дала сбой, и назрел вопрос о ее реформировании. И в этих грандиозных планах протестный голос Эстонии, похоже, окончательно растворится. Однако и данная директива не достигнет тех целей, которые были ею поставлены, так как они не установлены четко. Очевидное сожаление здесь вызывает отсутствие реальных инструментов воздействия коммунитарного уровня управления на решение проблемы национальной дискриминации, а излишняя регламентация в этом контексте представляется просто некоей крайностью, компенсирующей отсутствие оных. Это очевидный сбой системы принятия решений на всех уровнях, когда принцип субсидиарности нельзя реализовать. И данный случай с Эстонией это прекрасно подтверждает.

Литература:

1. <http://news.postimees.ee/1132040/estonia-share-in-new-eu-budget-is-eur-5-89-billion-euros>
2. <http://rus.postimees.ee/1274248/deputaty-es-ne-dolzhen-regulirovat-vnutrennie-dela-jestonskih-firm>
3. Перевод «Пояснительной записки», Стенограммы заседания, а также Решения Рийгикогу «Обоснованное мнение европейскому парламенту, президенту Европейской

Комиссии, а также председателю Совета Европейского Союза о несоответствии предложения директивы Европейского Парламента и Совета, которой изменяются директивы Совета 78/660/ЕМÜ И 83/349/ЕМÜ в связи с обнародованием со стороны крупных коммерческих объединений и концернов нефинансовой информации и информации, касающейся разнообразия, принципу субсидиарности» с эстонского языка на русский осуществлен С. Середенко, Русским омбудсменом (См. данные материалы на сайте Международного института новейших государств: <http://www.iines.org/node/1209>).

4. <http://www.iines.org/node/1209>
5. Riigikogu otsus "Põhjendatud arvamus Euroopa Parlamendi ja Euroopa Komisjoni presidendile ning Euroopa Liidu nõukogu eesistujale Euroopa Parlamendi ja nõukogu direktiivi ettepaneku, millega muudetakse nõukogu direktiive 78/660/ЕМÜ ja 83/349/ЕМÜ seoses mittefinantsteabe ja mitmekesisust käsitleva teabe avalikustamisega suurte äriühingute ja kontsernide poolt, mittevastavusest subsidiaarsuse põhimõttele".
6. <http://www.iines.org/node/1209>

Колесников Вячеслав Александрович

МУНИЦИПАЛЬНАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

*докт. полит. наук, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, филиал, г. Волгоград*

MUNICIPAL SYSTEM OF EDUCATION AND SYSTEM OF THE LOCAL SELF-ADMINISTRATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

Kolesnikov Vyacheslav, Doctor in Political Science, assistant Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration (Branch) in Volgograd

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается муниципальная система образования в Российской Федерации, вычленяются основные характеристики состояния и факторы ее развития, позволяющие культивировать новый уровень качественного образования в местных сообществах в условиях реформирования системы местного самоуправления и укрепления базового уровня народовластия современной России.

ABSTRACT

The article is devoted to municipal system of education in contemporary Russia, singled out the main characteristics of the state and factors of its development, allowing to cultivate a new level of quality education in the local communities in terms of reforming the system of local self-government and strengthen the basic level of democracy in contemporary Russia.

Ключевые слова: муниципальная система образования; уровень образования местного сообщества; научно-методическое обеспечение образования в муниципалитетах; качество муниципального образовательного процесса; социально-политическая роль муниципальной образовательной сферы.

Keywords: municipal system of education; level of education of the local community; scientific and methodological support of education in the municipality; the quality of the educational process; socio-political role of the municipal subsystem of education.

Местное самоуправление неотделимо от конкретных форм культивации образовательного потенциала местного сообщества, развития общей и политической культуры, повышения уровня правосознания населения, в частности в молодежной среде. Важен к учету не только фактор школьного

образования, но средних и высших форм образования, профессиональной подготовки и переподготовки, повышения квалификации, направленных на интересы повышения уровня образования местного сообщества. На качественное образование как залог

устойчивого развития страны во втором десятилетии XXI века особое внимание обращает В. В. Путин в программной статье кандидата на должность Президента РФ «Россия сосредотачивается - вызовы, на которые мы должны ответить» (2012 г.). Образованная молодежь и ее устремления - «молодежный драйв» характеризуются как главный внутренний вызов российскому обществу.

При исследовании субъектного основания муниципальной образовательной системы необходимо учитывать, не только качество основного субъекта, но действенность органов местного самоуправления, а с этим фактор доверия граждан последним. О степени доверия свидетельствуют и оценки деятельности муниципальных органов населением. Уровень доверия к местным властям, например в Волгоградской области, в 2003 г. оставался неизменным, доля негативных оценок в 1/5 раза превышала в среднем долю оценок положительных. Число жителей области «в большей или меньшей мере отказывающихся в доверии местным органам власти» достигало - 57%. На вопрос: «В какой мере заслуживает доверия администрация Вашего муниципального образования (района области, города)?» были получены ответы: 7,3% - «вполне заслуживает»; 31,5% - «скорее заслуживает, чем не заслуживает»; 26,3% - «скорее не заслуживает, чем заслуживает»; 25,3% - «совсем не заслуживает»; 8,7% - «затрудняюсь ответить»; 1,0% - нет ответа. [1, с. 6, 12]

Образовательный уровень местного населения – конкретное звено компетенции местного самоуправления, так как в ведении последнего содержание и развитие муниципальных учреждений дошкольного, основного общего и профессионального образования. В Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ данная компетенция закреплена ст. 15 (п.1. 11), ст. 16 (п.1. 13) как «организация предоставления общедоступного и бесплатного начального общего, основного общего, среднего (полного) общего образования по основным общеобразовательным программам». [2]

Необходимость качественного образования актуализирует и задачу согласования интересов, например в школьном деле - основных субъектов-участников: учащихся, родителей, педагогических работников, органов местной власти, заинтересованных в результативности образовательной системы. При отсутствии системы согласования затрудняется управление, снижается «качество» образовательных услуг, а достижение главной цели – формирование социализированного, образованного

индивида объективируется «по остаточному принципу». Современный образовательный процесс, таким образом, должен обеспечиваться согласованным функционированием всех звеньев и закреплением за акторами основных функций «заказчика», «исполнителя» и «потребителя образовательных услуг».

На основе «соучастия» процесс управления открыт и для использования новых образовательных технологий, формирования образовательной подсистемы «снизу, а не по приказу сверху», то есть с учетом единения педагогического сообщества и населения. Приемлем к изучению и опыт развитых стран с образовательной практикой обязательных для школьников экзаменов по всем предметам по модели SAT и AST в США, «Сякен» (Shaken) в Японии, деятельности «школьных округов», результирующих практику образовательного процесса, например в США в системе органов местного самоуправления специальной компетенции.

Для обеспечения современного муниципального образовательного процесса необходимо внедрять и эффективную методическую службу. Посредством которой обобщается опыт научно-методического обеспечения образования, осуществляется разработка диагностического инструментария мониторинга «качества» образования, внедрение новых технологий в отношении обучаемых, имеющих проблемы в развитии, одаренных учащихся, педагогов-исследователей, руководителей муниципальных образовательных учреждений.

Конкретный опыт методической службы накоплен в Твери. Исходным пунктом стал семинар, в котором приняли участие руководители образования и методических служб Архангельска, Великого Новгорода, Владимира, Вологды, Костромы, Петрозаводска. [3, с. 76] Участники утвердили цель перспективного развития: методическую службу рассматривать как основу муниципальной системы образования, которая обеспечит научно-методическое сопровождение повышения квалификации педагогических и руководящих работников. Характеризуя значение методической службы, выделим следующие ее системные компоненты. Это: трансформация действующих методических служб в образовательные учреждения дополнительного профессионального образования; научно-методическое обеспечение процессов развития муниципальных систем образования с учетом межмуниципального опыта и сотрудничества; научно-методическое сопровождение повышения квалификации педагогических и руководящих кадров на основе личностно-ориентированного подхода; научно-методическое обеспечение исследовательской деятельности педагогов и

учащихся, развитие их творческих способностей; осуществление научно-методического сопровождения образовательных программ образовательных учреждений в конкретном муниципалитете.

Важным условием являются программирование и проектирование, входящие в систему мер совершенствования образования и системы образовательных услуг - последнее актуализируется в условиях рыночных отношений и запроса на конкурентоспособные модели. Можно утверждать, что комплексное развитие муниципальной образовательной сферы осуществимо только на основе целевой программы, главная цель которой достижение нового состояния образования и образовательных услуг, наращивание образовательного потенциала местного сообщества. В содержание такой программы включаются меры по оптимизации сети учреждений образования, сохранению качества кадрового потенциала, развитию традиционных и новых форм педагогической активности, поиску и освоению новых сфер и видов сотрудничества.

Существенное влияние на муниципальную образовательную сферу оказывает фактор патриотизма. Данная составляющая формирования общей культуры неотделима от патриотического воспитания и культивации ценностных ориентаций у населения, в частности у молодежи. В Волгограде в этих целях, воссоздаются исторические памятники, например, памятник архитектуры конца XIX века «Первая пожарная часть Царицына»; принято решение о восстановлении в центре города разрушенного при советской власти храма «Александра Невского»; на Мамаевом кургане обновляется историко-мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы». Под эгидой Волгоградской городской Думы действует комиссия, разработавшая и подготовившая к опубликованию «Исторический формуляр представительного органа местного самоуправления – городской Думы (городского Совета) Царицына, Сталинграда, Волгограда». Документ стал отправной точкой серии «Очерков истории Царицынской Городской Думы» и материалов по популяризации истории родного края.

В целях обогащения образовательного потенциала горожан коллективом мультимедийной лаборатории Волгоградского государственного технического университета готовятся компакт-диски и формируется компакт-архив Волгограда, содержащий ценнейшие документально-хроникальные и литературно-художественные материалы (например, «Волгоградские писатели и художники о духовности, нравственности, патриотизме народа – основе Победы в Сталинградской битве»). История леген-

дарного города запечатлена на специальном мультимедийном компакт-диске: объем информации чрезвычайно велик и она практически не подвержена уничтожению (здесь содержится подробная картография, схемы поэтапного развития города, летопись грандиозного сражения, а также произведения 53 писателей, около 100 картин, скульптур, гравюр 44 художников, другие материалы). Уникальный компакт-диск подготовлен с помощью информационно-аналитического отдела областной администрации, Союза писателей Волгограда, музея-панорамы «Сталинградская битва», редакции журнала «Отчий край», государственного учреждения «Издатель».

В условиях внешних вызовов укреплению государственности и активизации манипулирования общественным сознанием востребован исторический материал, характеризующий становление образовательной сферы, например, при исследовании формирования системы образовательных учреждений в России на рубеже XIX – XX вв. Напомним что, прогрессивные идеи земских реформаторов способствовали закреплению в перечне обязательных повинностей российских местных властей и образовательного дела. По Положению 1864 г. о губернских и уездных земских учреждениях местным властям представлялось только «обязательное пособие на содержание состоящих в ведении правительства учебных заведений». Согласно Положению 1890 г. уже вменялось «попечение о развитии средств народного образования и установленное законом участие в заведовании школьными и другими учебными заведениями». В 1885 г. в стране было зарегистрировано 840 школ грамоты, а к 1889 г. официальная статистика насчитывала 9215 школ, то есть общее число возросло за 5 лет в 11 раз [4, с. 124].

В 1910 г. в России функционировало уже 28 тыс. земских школ и 30 тыс. библиотек, рост образовательного потенциала способствовал развитию мелкой земледельческой и ремесленной промышленности в городах и сельской местности. В 310 уездах была налажена агрономическая служба и более 1500 земских агрономов оказывали эффективную помощь крестьянским хозяйствам. К 1914 г. расходы земств и городов на образование достигли 300 млн. руб., что в 2.3 раза было больше расходов на цели образования Франции, в 1.5 раза больше, чем в Англии [5, с. 114].

Развитие муниципальной образовательной сферы в российских муниципалитетах неотделимо от повышения и уровня политической граждан. Важными представляются конкретные формы целенаправленной культивации особо в молодежной среде ценностей демократии, гражданского патриотизма. Здесь могут быть задействованы основные

звенья образовательной системы: школы и гимназии, училища, техникумы и колледжи, высшие учебные заведения, функционирующие в муниципальном образовании. В Волгоградском филиале РАН-ХиГС в целях формирования политической культуры молодежи задействованы различные формы политического, правового, управленческого, гуманитарного характера и теоретико-познавательной подготовки. Организуются практические мероприятия, дискуссионные клубы и круглые столы (например, проведение круглого стола по проблемам реформирования в современной России к 150 - летию П. А. Столыпина, организация круглого стола по политической культуре и воспитанию гражданского патриотизма в 2014 г.), тематические конференции и семинары по модернизации электоральной практики и осуществлению гражданских инициатив.

Качественная сторона образовательной муниципальной сферы неотделима от правового образования населения. Сегодня правовая культура и правосознание российских граждан в силу противоречивого процесса преобразований с «издержками» в отношении права, сложностями реформирования местного самоуправления и отсутствием эффективной системы воспитательной работы на муниципальном уровне требуют повышенного внимания. В массе населения живучи формы правового нигилизма, а в электоральной муниципальной практике нередко проявления «абсентеизма» и игнорирование законности, пренебрежение к правам и обязанностям

В заключение отметим, что развитие и укрепление муниципальной образовательной сферы обусловлено необходимостью устойчивого функционирования основных сфер жизнедеятельности местных коллективов (экономической, социальной, культурной). Объективируется комплексное исследование всей системы факторов обеспечивающих это развитие на современном этапе муниципального строительства. В этом и одно из условий обеспечения перехода от «субъект-объектной» к новой «субъект-субъектной» системе местного самоуправления России при которой власть и население начнут взаимодействовать как равноправные партнеры.

Список литературы

1. Экспертиза: информационно-аналитический бюллетень. Вып.3. Волгоград: издательство ВАГС. 2003. - с. 64.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации / Федеральный закон № 131 - ФЗ от 6 октября 2000 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822 (С. 9555-9570).
3. Муниципальная методическая служба: проблемы и перспективы развития. Семинар // Муниципальная служба. 2001. № 3. С.76 -77.
4. Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России и СССР в XIX и XX веках // Отечественная история . 1994. № 4-5. С. 124.
5. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России. М., 1993. С.114.

Колиева Ангелина Эдуардовна

ХАРАКТЕРИСТИКА ДОВЕРИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры предпринимательского и трудового права
ФГБОУ ВПО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)» г.Владикавказ, Российская Федерация.*

CHARACTERISTICS OF A TRUSTING RELATIONSHIP IN ECONOMIC ACTIVITY

Kolieva Angelina Eduardovna

PhD, Associate Professor, Department of Business and labor law Ulianov "North-Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technical University)," the city of Vladikavkaz, Russian Federation.

Аннотация: в данной статье дается характеристика доверительных отношений в сфере хозяйственной деятельности. Раскрывается понятие института доверия в гражданском праве, начиная со времен Римского права. Приводятся различные точки зрения ученых, по поводу применения института доверия в предпринимательской деятельности.

Abstract: This article describes the trust relations in the sphere of economic activity. The notion of the Institute of trust in civil law from the time of Roman law. The various points of view of scientists, about the use of the Institute of trust in business.

Ключевые слова: доверие, доверительные отношения, хозяйственная деятельность, право, взаимность.

Keywords: trust, trust relationships, operations, law, reciprocity.

С целью выявления сущностных характеристик доверительных отношений стоит, для начала, более подробно остановиться на исследовании самого понятия «доверие». Научное изучение явления должно начинаться с некоторой предварительной его характеристики, с внешнего описания, путем указания на лежащие на поверхности его особенности и связи, чтобы затем, шаг за шагом углубляясь в уровни его сущности, раскрыть закон его существования и реконструировать данное явление в теоретической модели. За всеми формами и видами доверия в социальной и юридической среде стоит определенное общее содержание, и задача научного исследования состоит в том, чтобы выявить это содержание, отбросив случайное и внешнее, определить его существенные моменты, связи и характеристики и, наконец, дать адекватное теоретическое выражение данного явления.

В большинстве словарей русского языка двадцатого века, вероятно, начиная со словаря Д.Н. Ушакова и вплоть до настоящего времени, даются схожие трактовки доверия. У Д.Н. Ушакова: «Доверие - убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности, вера в искренность и добросовестность кого-нибудь». В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова доверие определяется как «уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь». «Словарь современного русского литературного языка»: «Доверие. Убежденность в правоте, честности, добросовестности, искренности кого-либо, вытекающее из этого чувства соответствующее отношение к кому-, чему-либо».

Существует и множество других определений и интерпретаций понятия доверия. Но приведенными общими дефинициями уже очерчена некоторая эмпирическая область, которая может служить отправной точкой для более детального исследования. Рассмотрим основные моменты, характеризующие доверие согласно этим определениям.

В данных определениях доверия, существует прямое или косвенное указание на субъект

доверия. Это индивид, который испытывает доверие.

В них также слегка намечено описание свойств субъекта доверия. Например: «...доверяется тот, кто не хочет или не может решить или сделать что-либо сам...». Хотя эта характеристика весьма неполная.

В силу этого подразумевается, помимо существования субъекта доверия и самого отношения доверия, наличие также и объекта доверия (человека, социальной системы, обстоятельств и т.д.).

Например, Г. Шпренгер, немецкий теоретик права, обращает внимание на еще одну особенность доверия - взаимность. Он пишет: «Все контакты между людьми основаны на схеме вручения и получения чего-то равного. Наша совместная жизнь нереально протекает только тогда, когда место возможного знания занимает вера, т.е. доверие. Такое доверие определяется личностью или институцией, для которых человеческая коэкзистенция содержит нерушимые правила. Это и есть доверие во взаимности».

Идея Г. Шпренгера интересна, ее развивает и углубляет мысль А.В. Полякова, стоящего на позиции интегрального правопонимания и отстаивающего феноменолого-коммуникативный подход к праву. А.В. Поляков очень тонко подмечает, что право «есть часть жизненного мира человека, система рекурсивных коммуникаций, и оно не может быть сведено ни к законам, ни к норме, ни к идеалам, ни к отношениям, ни к психике человека, взятых в качестве отдельных смысловых центров понятия права».

Исходя из приведенных выше данных, в первом приближении доверие в узком значении слова можно определить следующим образом. Доверие - это психическое образование субъекта, выражающее его положительное отношение к объекту, обладающему качествами общей социальной или личной (по отношению к субъекту) позитивности. Это определение, конечно, еще не является определением собственно доверия, под него может быть подведено множество различных явлений, а не только доверие, и оно еще требует своего многообразного уточнения.

Межличностное доверие играет существенную роль и в деятельности предпринимателей, поскольку является фактором, координации их взаимодействий в условиях слабо институционализированной рыночной среды. Оно способствует установлению определенности в хозяйственных отношениях и делает возможным планирование, снижая из-

держки, связанные с необходимостью создания дополнительных механизмов гарантий и стимулов, обеспечивающих выполнение взятых на себя поставщиками и клиентами, обязательств.

Терминологически доверие, веру означает латинский термин «fides»; подобным же термином обозначается явление, имеющее особую важность и значительность. Так, сакральные основы римского права содержали отсылку на имя богини Fides: именно перед ней приносились клятвы и обеты, приобретающие особую значимость. Термин «fides» встречается с описанием принесения клятвы во исполнение обязательств и договоренностей. Со временем общий характер fides утрачивает религиозное, мистическое значение и приобретает характер основы, на базе которой впоследствии выстраивались самые разнообразные договорные отношения.

В самом широком смысле, Fides воспринималась как покровительница всех договорных соглашений: в римском государстве уже зарождалось стремление к гражданской порядочности и к честным нравам, независимо от охранения их внешней силой. Возникло сознание необходимости уважать права отдельной личности, чем породилось чувство законности.

Доверительные, личные отношения предполагают добросовестность их участников. Устоявшиеся латинские выражения bona fides (добросовестность) и bonaе fidei (добросовестно) употребляются и в современной правовой доктрине. Так, доверительные (фидуциарные) отношения между акторами являются одним из неотъемлемых, компонентов предпринимательской деятельности, основанной на добросовестности ее участников. В этом смысле доверие само по себе есть проявление предпринимательства, поскольку оно основано на риске и на стремлении доверяющего получить определенную выгоду в случае позитивного исхода. Интересно, впрочем, прояснить, как сами предприниматели характеризуют свою деятельность и определяют в ней роль доверия.

Доверие для предпринимателей интерактивно, т.е. оно не является пассивной надеждой на то, что контрагент не обманет. Предприниматели сами проявляют активность и стараются убедиться, что партнер заслуживает доверия. При этом они часто обращают внимание не только на личность партнера, но и особенности ситуации. В данном случае доверитель берет на себя ответственность за ошибку в выборе объекта доверия, за то, что не разузнал о потенциальном партнере как можно больше. Вызывают у субъектов доверие и те партнеры, которые

ведут себя по отношению к ним схожим образом: важным фактором является взаимопонимание контрагентов. Партнер должен быть не только честным, но и разбирающимся в бизнесе. Поэтому тот, кому можно доверять, должен быть надежным, специалистом в своем деле, грамотным профессионалом.

Обоснованное доверие практически всегда оценивается предпринимателями как благотворно влияющее на эффективность их хозяйственных отношений. Излишне подозрительный предприниматель - не сможет правильно вести бизнес, его дело будет не слишком удачным, поскольку он будет терять возможных клиентов и партнеров. Это вполне соответствует современной сетевой этике ведения бизнеса, как ее описывают Л.Болтански и И.Кьяпелло: неудачник в бизнесе - это, прежде всего, убийца сетей, тот, кто не умеет или не хочет активно пользоваться своей укорененностью в плотной сети социальных отношений. Доверители прекрасно понимают, что доверие дает возможность не только экономить в долгосрочной перспективе, но и извлекать выгоды здесь и сейчас, когда, например, поставщик может привезти необходимый срочно товар без предшествующего юридического оформления. Сами предприниматели идут на уступки своим клиентам и пользуются уникальными возможностями продать им товар или заключить сделку. За любым рыночным обменом стоит межличностный контакт двух людей: и появление доверия (или желание, чтобы оно появилось), является совершенно естественным процессом в условиях продолжительных бесконфликтных взаимодействий.

Было бы логичным предположить, что доверительные отношения чаще возникают в сбалансированных ситуациях обмена, когда контрагенты примерно равны по своему статусу в структуре рынка. Однако исследования свидетельствуют о способности акторов целенаправленно конструировать доверие в ситуациях асимметричных отношений зависимости.

Механизм влияния доверия на хозяйственные отношения предпринимателей заключается в том, что партнеры специально и до определенной степени добровольно ограничивают свою свободу воли, тем самым снижая общую неопределенность и делая возможным планирование взаимодействий. Функционирование доверия как фактора трудовой деятельности заключается в его способности вызывать у значимого контрагента чувство ответственности и приверженности стабильным отношениям.

Обеспечение наличия этого фактора является тактической задачей предпринимателя, находящегося в уязвимом положении.

Одно из основных значений фактора доверительных отношений в трудовой деятельности субъектов доверительных отношений заключается в возможности выстраивания продолжительных хозяйственных отношений между партнерами, которые регулируются общими этическими правилами и представлениями о должном. При этом, фактор доверия позволяет хозяйственным отношениям стабильно воспроизводиться даже в ситуациях, когда они являются асимметричными в распределении властных ресурсов. Предприниматель, проявляя доверие, обязывает партнера соблюдать этические правила и отвечать взаимностью.

Совмещение предпринимателями в своей хозяйственной практике стремления выстраивать долгосрочные и стабильные отношения на основе доверия и, в то же время, искать и завязывать новые выгодные возможности стало предметом исследования Б. Уцци. Он указывает, что благодаря интенсивному информационному обмену и наличию механизмов совместного разрешения возникающих конфликтов, присущим долгосрочным хозяйственным связям, укорененным в социальных сетях, фирмы могут максимально быстро и в полной мере пользоваться преимуществами своего положения в окружении стабильных партнеров. Однако такая стратегия развития хозяйственных отношений имеет ограничения. «...Как только укорененность достигнет определенного порога, фирмы в сети окажутся замкнутыми, поскольку начнут торговать лишь с ограниченным числом партнеров по данной сети. После достижения этого порога укорененности поток новой информации постепенно сокращается и, в конечном счете, в высоко укорененных сетях прекращается вовсе, т.к. связей с внешними членами, которые потенциально могли бы привнести в сеть новые идеи, практически не остается». Б. Уцци приходит к выводу, что наиболее эффективными сетями продолжительных хозяйственных отношений являются те, что равно совмещают укорененные связи и случайные связи, обеспечивая себе более широкий доступ к информации и делая доступным для себя больший спектр возможностей привлечения новых партнеров.

Иными словами стратегия интенсивного развития доверительных отношений имеет ограничения по своей эффективности, и после некоторого этапа она теряет свою полезность для дальнейшего успешного развития предпринимательской деятельности. Несмотря на внешнюю привлекательность

продолжительных и стабильных отношений, она ведет к потерям, связанным с отказом от рассмотрения иных потенциально более выгодных возможностей на рынке. В идеальном случае рыночных отношений субъект доверительных отношений должен сравнивать те плюсы, которые есть в укорененных связях, и те издержки, которые последуют в случае его желания включить в них новых партнеров, выбрав впоследствии наиболее выгодный вариант.

Стоит отметить, что если на первоначальном этапе развития предприятия роль доверительных отношений является основной, то в последующем формируется некоторый баланс, определяемый стратегией и социальной идентичностью самого предпринимателя, позволяющий владельцу бизнеса одновременно совмещать ориентацию на случайные рыночные связи и на постоянные, основанные на выработанном доверии.

В этом выводе все же следует учитывать специфику типа хозяйственной деятельности и возможность существования иных факторов, кроме социальной укорененности, влияющих на стабилизацию отношений партнеров. Иными словами стабильность отношений предприятий может быть связана не только с привычкой иметь дело с конкретной фирмой или существующим доверием, но и с буквальной «встроенностью» одного предприятия в технологические процессы другого. Смена партнера в таком случае может вести за собой не только затратный поиск нового контрагента и согласование новых условий хозяйственных взаимоотношений, но и значимые издержки по трансформации внутренних бизнес-процессов.

Список использованной литературы

1. Бархударов С.Г. Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти томах. Т. 3. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 354.
2. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма // Логос, 2011. - № 1. - С. 103 и далее
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М.: Рус. яз., 1991. - С. 173.
4. Поляков А.В. Общая теория права: феноменолого-коммуникативный подход. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
5. Поляков А.В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Правоведение. 2006. - № 2. - С. 29.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. В 4-х тт. Т. 1. - М.: ОГИЗ, 1935. - С. 703.
7. Уцци Б. Источники и последствия укорененности для экономической эффективности организаций: влияние сетей. // Экономическая социология. - Т. 6. - № 2, 2008.

Лисина Инесса Андреевна

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО PR

Аспирант, Балтийский государственный технический университет «Военмех» имени Д.Ф. Устинова,
г. Санкт-Петербург

POLITICAL PR EFFECTIVENESS EVALUATION

Lisina Inessa

Post-graduate student, Baltic State Technical
University "Voenmeh" D.F. Ustinov,
Saints-Petersburg

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ понятий «политический PR», «технологии политического PR» как ключевых элементов и механизмов выстраивания информационной политики современными политическими акторами. Также рассмотрены методы, с помощью которых можно оценить эффективность политического PR.

ABSTRACT

The article contains definition of political PR, political PR technologies. They are analyzed as key elements and mechanisms of the information policy. Also there are studied methods for political PR effectiveness evaluation.

Ключевые слова: политический PR; технологии политического PR; информационная политика; эффективность; контент-анализ; анализ интернет-пространства; социологические опросы.

Key words: political PR; political PR technologies; information policy; effectiveness; content analysis; World Wild Web analysis; public-opinion pool.

PR – это важная часть современного мира, так как он получил широкое распространение во всех странах и регионах мира, востребован в различных отраслях науки, а особенно в политических процессах. Сегодня это важный элемент политики государства, политических лидеров и объединений.

Субъекты и объекты политики сегодня связаны как никогда. Одной из причин этого является постоянный информационный обмен между ними, который способствует гармонизации отношений в обществе, государстве. Этому служат различные технологии, задействованные в сфере построения коммуникаций, особую роль среди которых играет политический PR. Его технологии в современном

политическом процессе способны заменить использование административных ресурсов, создание властных структур и другие затратные технологии, которые ранее применялись для решения различных политических задач.

Это утверждение верно не только для внутриполитических, но и для внешнеполитических действий. Современные глобальные проблемы (истощение ресурсов, нехватка продовольствия, демографические проблемы и иные) подрывают силу государства и делают его уязвимым, обостряя сосуществование государств в современном мире. Поэтому в сферу вопросов национальной обороны и безопасности государства включаются вопросы информационного влияния, способности формировать общественное мнение в глобальном масштабе, информационной поддержки проводимой политики, продвижения своих интересов при помощи различных средств, поддержание и укрепление имиджа сильного, стабильного государства. При решении данных политических задач может быть задействован PR и его технологии.

Что же представляет собой данный вид политической коммуникации? В современном мире существует множество определений PR. Классической считается трактовка, данная Сэмом Блэком – автором книги «Паблик рилейшнз. Что это такое?». Он определяет PR как «науку, искусство, совокупность методов, приемов, технологий, используемых субъектом для достижения гармонии с внешним окружением посредством взаимопонимания, основанного на достоверной и полной информации» [3]. Акцент делается на том, что PR основан на достоверной и полной информации, служит цели гармонизации отношений между субъектом и объектом. Это актуально в современных политических реалиях, когда зачастую для оправдания проводимой политики могут использоваться манипулятивные приемы подачи информации, зачастую – ложные данные и трактовки тех или иных фактов. Такие технологии могут помочь достичь желаемого результата в сжатые временные сроки. Однако при раскрытии обмана нано-

сится сильный удар по имиджу политика, государства. Это приводит к серьезным репутационным рискам и потерям, что влечет за собой потерю доверия со стороны населения, сторонников, мирового сообщества. Поэтому донесение правдивой информации при помощи технологий PR может помочь не только в достижении определенных политических целей, но и в сохранении положительного имиджа.

Определившись с трактовкой собственно PR, необходимо дать дефиницию политического PR. Здесь нет «классического» определения и количество трактовок значительно меньше. Становится очевидным, что разработка такого определения является важным направлением политических исследований.

Исследователи политического PR, определяя само понятие, делают акценты на различных составляющих, направлениях деятельности, например:

- «формирование позитивного общественного мнения об определенной партии или отдельном кандидате» [2];
- «управление социальными процессами и массовыми коммуникациями» [4, с. 10];
- «управление информационными процессами и информационными потоками» [7, с. 234];
- «процесс управления информацией, направленный на достижение определенной цели» [6] и иные.

Как видно из приведенных определений, политический PR направлен на достижение определенных политических целей через управление информацией, на что и направлены его технологии. Технология PR, в свою очередь, определяется как «обусловленная целью и предметом PR совокупность приемов, форм, методов, процедур PR-деятельности, обеспечивающая высокую эффективность» [1].

Учитывая тот факт, что сегодня технологии PR все чаще задействуются в решении стратегических политических задач, оценка эффективности становится ключевым направлением деятельности. Знание того с каким эффектом реализуется информационная политика позволяет судить о достижении конкретных политических целей. Важно это и потому, что политический PR ориентирован не только на население собственной страны, но и на население третьих стран.

Оценка эффективности PR важна и необходима. Для этого необходимо определить те цели, которые должны быть достигнуты за счет его применения. Стратегические цели обычно содержатся в

ключевых государственных документах и ориентированы на длительный временной промежуток, задавая общее направление политике (стратегиях, концепциях, программах). Однако тактические цели необходимо обозначать при непосредственной реализации тех или иных шагов (например, повышение уровня информированности населения, изменение отношения, привлечение внимания общественности к какой-либо проблеме и иные). Таким образом, будут оцениваться промежуточные и конечные результаты. Важно помнить об этом разграничении.

Необходимо учитывать и затраченные для достижений той или иной цели ресурсы. Этот аспект затрагивает вопросы экономической целесообразности реализации политического PR-проекта.

Анализ исследований, посвященных проблемам оценки эффективности PR, позволяет выделить следующие наиболее часто применяемые методы, подходящие для оценки эффективности политического PR:

- контент-анализ СМИ (качественный и количественный);
- анализ интернет-пространства (блоги, социальные сети, комментарии к публикациям и др.);
- опросы общественного мнения и фокус-групп;
- экспертные опросы.

Контент-анализ часто используется как основной инструмент оценки эффективности PR, который позволяет «оценить как краткосрочные, так и долгосрочные результаты» [8]. Такой анализ публикаций в СМИ позволяет не только проследить динамику упоминаний и сообщений по конкретной проблематике (количественный контент-анализ), но и определить соотношение позитивных, негативных, нейтральных публикаций, т.е. отношение к той или иной политической проблеме (качественный контент-анализ).

Анализ интернет-пространства как особого вида СМИ и площадки для обсуждений общественно-политических тем. Содержание публикаций в социальных сетях, блогах, чатах и др. позволяет оперативно провести исследования, касающиеся оценки имиджа, репутации и способа позиционирования политического актора, организации или проводимой ими политики. Анализ этих дискуссий может проводиться с использованием технологий контент-анализа, так как здесь тоже должны быть учтены как количественные, так и качественные характеристики.

Важным элементом анализа интернет-пространства также является изучение статистики запросов на наиболее часто посещаемых сайтах, позволяющих искать информацию в интернете. Количество запросов, их содержание, сами формулировки во многом показывают отношение пользователей к той или иной политической ситуации, политическому деятелю, событию. Более того, современные поисковые системы позволяют определить географию, динамику запросов, половозрастную структуру аудитории и иные показатели.

Опросы общественного мнения и фокус-группы «демонстрируют отношение населения к тем или иным проблемам» [5]. Так как политический PR – это массовая политическая коммуникация, то для наиболее объективного отражения эффективности его применения необходимы действительно репрезентативные выборки опрашиваемых. Только в этом случае возможно достаточно точно определить эффективность выстраиваемой коммуникации.

Экспертный опрос – достаточно сложный метод оценки эффективности политического PR, поэтому его стоит использовать для оценки стратегических результатов кампании. Данный вид опроса позволяет измерить отношение к предмету PR-деятельности среди лиц, наиболее разбирающихся в определенной тематике и являющихся в определенной мере «лидерами мнений» для некоторых групп населения. Зачастую эксперты дают комментарии, выступают с оценками тех или иных явлений политической действительности. Поэтому изучение отношения данной категории может быть важным и даже принципиальным для лиц, реализующих PR-обеспечение политики.

Важно отметить тот факт, что для политического PR подходят далеко не все методы и приемы оценки эффективности, которые употребляются в PR бизнеса, социальных, отраслевых и иных проектов. Здесь в качестве ключевых показателей можно использовать статистические данные об увеличении количества продаж, росте клиентов, увеличении количества пишущих по теме журналистов и др. Не смотря на высокую значимость и активную интеграцию PR-технологий в политическую сферу, данная отрасль на сегодня остается неизученной. Это актуальная и приоритетная задача не только с точки зрения государственного бюджета (с 2002 г. количество договоров на реализацию различных информационных кампаний, заключенных представителями министерств и ведомств, «выросло в 10-12 раз» [2]), но

и с точки зрения реализации государственной политики (как в самой стране, так и на мировой арене).

В этих условиях приоритетным направлением политической науки является разработка своих показателей эффективности как информационной политики в целом, так и конкретных видов политических коммуникаций, в частности – политического PR.

Список литературы

1. Духонина Т.А. Миф как техника PR (на примере пермских выборов с 1996 по 2006 гг.) [Электронный ресурс] / Т.А. Духонина. – Режим доступа: http://psujourn.narod.ru/vestnik/vyp_2/myth_pr.htm. - (Дата обращения: 15.09.2014).
2. Евликова В.В. Эффективность реализации государственных заказов в информационной сфере: методы оценки [Электронный ресурс] / В.В. Евликова // Бизнес. Общество. Власть: журнал. – 2012. - № 13. – Режим доступа: <http://www.hse.ru/mag/27364712/2012--13/71254249.html>. – (Дата обращения: 10.09.2014).
3. Кошелюк М.Е. PR как деятельность по управлению социальными контекстами [Электронный ресурс] / М.Е. Кошелюк. – Режим доступа: http://www.unickom.ru/pr_219.html. – (Дата обращения: 10.09.2014)
4. Кошелюк М.Е. Технологии политических выборов. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Питер, 2004. – 239 с.
5. Линденманн В., Андерсон Ф., Фергюсон М. Основные принципы и стандарты оценки эффективности PR-технологий [Электронный ресурс] / В. Линденманн, Ф. Андерсон, М. Фергюсон. – Режим доступа: http://pr-club.com/assets/files/pr_lib/pr_root/evaluationprinciple.doc. – (Дата обращения: 15.09.2014).
6. Политический PR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.adhard.ru/page-allpolitikpiarcompany.html>. - (Дата обращения: 15.09.2014).
7. Ольшанский Д.В., Пеньков В.Ф. Политический консалтинг. – СПб.: Питер, 2005. – 448 с.
8. Стенякина Е. Оценка эффективности PR-деятельности: критерии и методы [Электронный ресурс] / Е. Стенякина // Альманах рекламы: журнал. – 2005. - № 1. – Режим доступа: <http://www.advlab.ru/articles/article363.htm>. – (Дата обращения: 01.09.2014).

Омарова Хамисат Минкайловна

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ САНКЦИЙ В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ И ВЫЛОВА ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ

преподаватель кафедры «Гражданское право» ГАОУ ВПО «Дагестанский государственный институт народного хозяйства», г.Махачкала, ведущий специалист ФГБУ «Запкаспрыввод», г.Махачкала

PROBLEMS OF ENFORCEMENT IN THE SPHERE OF ILLEGAL PRODUCTION AND CATCH OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES

Omarova Khamiat Minkailovna lecturer in Civil law, GAOU HPE "Dagestan state Institute of national economy", Makhachkalalawyer specialist of the FGBU "Zapkasprybvod", Makhachkala

АННОТАЦИЯ

Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов как уголовно наказуемое экологическое преступление является одним из самых серьезных проблем современной России, решение которых обязательно для экологической безопасности страны.

Ключевые слова: Незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, экологическая безопасность Российской Федерации, вылов рыбы, экосистема, экологическое преступление, Уголовный кодекс Российской Федерации.

ABSTRACT

Illegal extraction (catching) of aquatic biological resources as a penal ecological crime is one of the most serious problems of modern Russia which decision is obligatory for ecological security of the country.

Keywords: Illegal extraction (catching) of aquatic biological resources, ecological threat to the security of the Russian Federation, catching of fish, ecosystem, ecological crime, Criminal code of the Russian Federation.

Воздействие человека на природу связано со стремлением достигнуть каких-либо заранее поставленных целей. Однако они не всегда совпадают с возможностями окружающей среды. Человек, осваивая богатства природы, не всегда учитывает возможные негативные последствия, что приводит к катастрофическим последствиям и изменению экологического баланса.

Законодательство об охране природных богатств призвано регулировать общественные отношения по поводу сохранения, возобновления и улучшения благоприятных природных условий жизни и деятельности человека.

Ф. Энгельс предупреждал: «Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых»[1, С.629].

Нельзя не согласиться с этим высказыванием, так как экологическая составляющая для России имеет экономическое, политическое и социальное значение, незаконная добыча, вылов, хранение, истребления ценных видов животных и водных биологических ресурсов приобрела ужасающий характер, особенно это актуально для незаконной добычи и вылову водных биологических ресурсов, статья 256 УК РФ определяет данное преступление как уголовно наказуемое, но решение данной проблемы, прежде всего требует проведения анализа данного вида общественно опасного деяния.

В юридической литературе существует мнение о том, что основными причинами ошибок при квалификации данного вида преступлений являются законодательная и правоприменительная.

По мнению Кузнецовой Н.Ф., законодательная ошибка связана с проблемами и неточностями уголовного законодательства, правоприменительная – следствие наличия недостатков деятельности правоохранительных и судебных органов, а причиной правоприменительной ошибки является непрофессионализм правоприменителя[2, С.48].

В этом отношении более правильной представляется позиция Лужнина А.В. и Волкова К.А., которые полагали, что правоприменительная ошибка обусловлена как объективными, так и субъективными причинами, среди которых нестабильность общественных отношений; неясность отдельных законодательных определений элементов составов преступлений вследствие их абстрактности и наличия оценочных категорий; возможность судебного усмотрения; коллизия норм права; наличие дефектов уголовного закона и т.п.[3, С.149].

На фоне постоянных изменений и кодификаций в экологическом законодательстве причины

правоприменительных ошибок могут усиливаться, в результате чего в судебно-следственной практике появляются различия в понимании одинаковых объективных и субъективных признаков преступлений, в том числе незаконной добычи водных биологических ресурсов.

Данная картина обусловлена следующим:

- низкой эффективностью принимаемой законодательной базы и отсутствием практики ее применения;
- не эффективной работой правоохранительных органов;
- высокими темпами развития браконьерства и развития истребления водной продукции с помощью новейших технических средств.
- наличием других объективных и субъективных факторов, значительно снижающих эффективность деятельности по предупреждению правонарушений в рассматриваемой сфере;
- высоким уровнем латентности данного вида правонарушений;
- низкой правосознательностью;
- недоверие государству и нищета в стране;

Так количество уголовно наказуемых посягательств экологического характера в 2010г. в РФ составило 19.818 экологических преступлений, в 2011г. 22.128 преступлений, в 2012г. 26.429 преступлений, в 2013г. 28.096 преступлений, этот показатель говорит о ухудшении экологической обстановки[4,С.6]. Так как экологические преступления имеют высокую латентность и в рядерегионов России составляют 80-85%[5]. Из общего количества экологических преступлений незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов составляет 45-50%.

Социально-экономические и управленческие меры на местах, то есть профилактика не может быть достигнута только лишь одной структурой власти либо специализированными органами, необходимо и вмешательство неспециализированных органов по охране и воспроизводству водных биоресурсов.

Всякая деятельность, влияющая на состояние рыбных ресурсов вследствие нарушения среды обитания, условий размножения и путей миграции рыб, должна осуществляться с соблюдением требований, обеспечивающих охрану рыбных запасов. Без разрешения органов рыбоохраны не разрешается в рыбохозяйственных водоемах производить взрывные работы.

Деятельность специализированных и неспециализированных субъектов профилактики необходимо рассматривать сегодня, с целью удержания преступления на минимальном уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих ее причин, это воздействие на процессы детерминации и причинности преступности в целях недопущения вовлечения в преступность новых лиц, совершения новых криминальных деяний, расширения криминализации общественных отношений.

С позиций криминологической науки предупреждение преступлений, связанных с незаконной добычей водных биологических ресурсов, заключается в воздействии на факторы, вызывающие появление и распространение преступлений и иных правонарушений в сфере добычи водных биологических ресурсов или способствующие совершению данных преступлений, путем нейтрализации влияния этих факторов или их устранения.

В настоящее время обеспечение экологической безопасности является одной из важнейших составляющих национальной безопасности Российской Федерации, находясь в одном ряду с такими составляющими, как обеспечение общественной безопасности и безопасности личности[6,С.16]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, сформулировавшей основные направления государственной политики России, учитывая важность данного направления деятельности государства, сказано, что наряду с обеспечением основных приоритетов национальной безопасности Российская Федерация сосредотачивает свои усилия и ресурсы на приоритетах устойчивого развития, среди которых – экология живых систем и рациональное природопользование[7,С.49].

Таким образом, непосредственно необходимо перейти к рассмотрению предложений по совершенствованию российского экологического законодательства в сфере охраны водных биоресурсов, представим правовую базу, регламентирующую определение ущерба от незаконной добычи (вылова) водных биологических ресурсов, необходимо разобрать по пунктно, как общество и государство должно влиять на данные процессы, то есть разрабатывать программы с помощью:

- государственных органов законодательной, исполнительной власти;
- государственными газетами, интернетом, СМИ;
- общественно-политическими структурами;

- объединениями, партиями по защите природы, как в России, так и в зарубежном законодательстве и т.д.

Литература:

1. Бобылев С.Н., Гирусов Э.В., Перелет Р.А., Крецу Н.С. Экономика устойчивого развития: Учеб. пособие. М., 2014. С.629;
2. Жевлаков Э. Н. Экологические преступления и экологическая преступность: учебное пособие. М.: Белые альвы, 2012. С.48;
3. Жевлаков Э. Н. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ. СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.М.: С.149;
4. Клетнева Е.Г. Экологическая преступность в Российской Федерации: понятие, причины, условия, предупреждение: автореф.... дис. канд. юрид. наук.: Казань, 2007. С.6;
5. Сайт МВД России. Отчет о состоянии преступности пресс-центра МВД России [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/> (дата обращения: 23.01.2014).
6. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. // Федеральный закон от 28.12.2010 г. №390-ФЗ «О безопасности» (принят ГД ФС РФ 07.12.2010 г.),С.16;
7. Собрание законодательства РФ. // 2009. № 20. Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», С.49.

Топчиев Михаил Сергеевич

ТИПОЛОГИЯ КАВКАЗСКОГО ФРОНТИРА: ВАРИАНТЫ И ВОЗМОЖНОСТИ¹

Канд. полит. наук, ведущий специалист Астраханского государственного университета г. Астрахань

CAUCASIAN FRONTIR'S TYPOLOGY: OPTIONS AND OPPORTUNITIES

Topchiev Mikhail Sergeevich., Ph.D. (Political Science), leading specialist, Astrakhan State University Astrakhan, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ вариантов и возможностей типологизации кавказского фронта. Основной методологией исследования является линейная типология американского фронта, предложенная молодой исследовательницей О.С.Якушenkовой. Выявляя особенности кавказского фронта по отношению к американскому, автор приходит к выводу, о необходимости корректировки традиционной типологии с учетом продолжающейся фронтальной ситуации на Кавказе.

ABSTRACT

The purpose of this article is the analysis of options and opportunities of a tipologization of the Caucasian frontier. The main methodology of research is the linear typology of the American frontier, offered by the young researcher O. S. Yakushenkova. Revealing

features of the Caucasian frontier in relation to American, the author comes to a conclusion, that the traditional typology needs a correction with considering modern situation in the Caucasus frontier.

Ключевые слова: фронт; Кавказ; типология; рефронт

Keywords: frontier; Caucasus, typology, refrontier

Дискуссионность вопроса о существовании Кавказского фронта проистекает во многом из его сложности. Во-первых, надо учитывать тот факт, что понятие «кавказский фронт», которое мы здесь используем, достаточно условное, поскольку на самом деле это некое единство во множественности различных регионально, этнически, природно обусловленных фронтальных сценариев: чеченский фронт, дагестанский фронт и т.д. Однако в силу локализованности территории у них есть общие стадии развития, фронтальные типы коммуникационных отношений, специфика протекания процессов. В определенном смысле это такое же обобщенное понятие, как и само понятие «Кавказ». Когда мы в

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме. «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий» Код проекта 392 2014-2016

настоящее время употребляем термин «Кавказ» в свете каких-либо российских реалий, мы подразумеваем обычно Северный Кавказ, поскольку по отношению к Южному Кавказу и раньше в советских исследованиях употреблялся термин «Закавказье», а в постсоветском пространстве он вообще становится частью Ближнего Зарубежья, «великого лимитрофа». (В.Л. Цимбурский). Это понятие так же условно, как и «кавказский народ», «кавказская цивилизация» и т.д, прежде всего в силу мозаичности культурного ландшафта.. Однако операциональность использования того или иного термина зависит от уровня исследования проблемы: мега, макро или локального. В данном случае мы будем говорить о кавказском фронтире на макроуровне , в связи с Югом России как таковым. (в диахронном и синхронном аспектах).

Мы рассматриваем кавказский фронт не просто как фрагмент российской истории, а как непрекращающийся процесс межкультурных контактов в определенных приграничных зонах. То, что концепт фронта применим к исследованию разных территорий показано многими зарубежными (W. P Webb, R. B. Pemberton, G. Th. Bayfield, S. Cotton, S.S. Jeyaseela, E. Furniss, M. Khodarkovsky , Joseph L.Weiczynski., Denis D.P.Show) и российскими (О.М. Есаулова, А.Д. Агеев., Д.Я Резун., Н.Ю.Замятина, Т.В.Воробьева, Н.Н. Приходько и др) исследователями. Фронтирная теория является на данном этапе уже не частью исторической методологии, а работающей исследовательской эпистемологической теорией.

В данном случае, в связи с ограниченным объемом статьи мы будем употреблять для удобства анализа термин «Кавказский фронт». Итак, если говорить о Кавказском фронтире как таковом, то его отличительной особенностью является, во-первых, то, что он в своей основной фазе имел не одну, а две подвижные границы – с Россией и с мусульманским востоком (Портой и Ираном). Некоторые исследователи указывают на третью составляющую – крымско-османскую. [2,с.19]. Эта территория с двух сторон подвергалась культурному влиянию. Со стороны России это были тенденции русификации, хозяйственного и торгового обмена, институционализация общественно-политической жизни кавказских народов. Под влиянием персов и османов полухристианское – полуязыческое население Кавказа было обращено первоначально в ислам суфийского толка, давший идеологическую основу конфронтационному периоду (мюридизм) во время активного этапа фронта. Однако было заметно и хозяйственное влияние южных границ (например персидский рис и просо, османский виноград и т.д.). В данной статье мы ограничимся анализом только российско-кавказской стороны фронта.

Во-вторых, еще одной специфической чертой Кавказского фронта, как мы уже говорили выше, является мозаичный поликультурный характер его «субстратной основы». «Северо-Кавказский фронт в отличие от сибирского и многих других формировался в условиях исключительно мозаичного, контрастного в природном и этнокультурном отношениях, внутренне конфликтного пространства, сложившегося исторически и географически как совокупность локальных культур и миров разных уровней и цивилизационных ориентаций» [1,с.11].

В-третьих, Кавказский фронт, в отличие от американского или сибирского- является не только частью истории, это не завершившийся, а реально протекающий на данный момент процесс.

Большинство из фронтирных характеристик, приводимых Тернером (окраинность заселенной территории; противостояние дикости и цивилизации; ; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д.) [9]., характерны для данной территории , причем не только в эпоху Кавказских войн 18-19 вв. но и в последующие периоды. Это всегда была окраинная территория и одновременно территория диалога культур, периодически переходившего в стадию конфронтации. Кавказские народы, особенно чеченцы, всегда были свободолюбивы, сопротивлялись огосударствлению и институционализации. Это была гетеротопная территория, на которой законы меняли свой вектор, разбой был почти легитимизированной формой хозяйственной деятельности, разбойники считались героями, был большой процент перехода с одной стороны фронта на другую, наблюдался религиозный и этнический плюрализм и т.д.

Особое место в исследовании фронта занимает его типологизация. Некоторые процедуры типологизации были осуществлены самим Тернером. Однако наибольшее внимание этому вопросу уделил Биллингтон Р.А. В основу его типологии (более 20 типов фронта) были положены географический и исторический принципы. Предложенные им типы или формы фронта (трапперский, шахтерский, торговый и т.д.) носят ярко выраженный хозяйственный характер. [8] В российской науке тоже были осуществлен ряд попыток структурирования, классификации фронтирных процессов. Выделяя три структурных элемента фронта - внешний, внутренний и внутрицивилизационный, характеризующий новую форму отношений между старожилами и переселенцами . М.В.Шиловский характеризует их как виды фронта[4], А.С. Хромых как ста-

дии одного и того же фронта[3] А.И. Широков, отходя от чисто исторической трактовки фронта, рассматривает фронт как волновой процесс и считает возможным применить эту методологию к процессам освоения Сибири в XX веке. [5] Новую типологию фронта предложила отечественная исследовательница Якушенкова О.С. В основу своей типологизации она положила не просто классический линейный цивилизационный подход, а характер коммуникационных процессов, происходящих на территориях фронта. На основе исследования американского материала, она выделяет три разных типа фронта: ранний фронт, собственно фронт и постфронт, каждый из которых характеризуется своим типом культурного диалога. Этап раннего фронта характеризуется первыми слабыми межкультурными контактами, когда аборигенное население значительно превышает пришлое и вынуждает считаться с ним и уподобляться ему. На этапе фронта жесткие рамки межкультурного диалога «направлены на недопущение инородной культуры или выдавливание ее с территории». На этапе постфронта происходит переосмысление фронтных отношений и позиций, в определенной степени вбирание в себя противоположной культуры и формирование новой совместной культурной истории. Данная типология, четко структурированная по вектору «Свой-Чужой» хорошо применима к однонаправленному линейному американскому фронту. Однако при исследовании процессов происходящих на Юге России можно говорить о несколько иной модели фронта и соответственно его типологии. Причем она будет отличаться даже в разных регионах Юга России: Нижней Волге и Северном Кавказе. [7, с.64-66].

Попытку выделить определенные этапы кавказского фронта предпринял А.Т. Урушадзе. Хотя это скорее не типология фронта, а этапы взаимодействия культур в рамках фронтной территории. Как первый этап он выделяет формирование Кавказского фронта в условиях «параллельного существования в регионе нескольких пограничных зон (турецкой, персидской, крымской)». Второй этап – культурно цивилизационный конфликт – война между «традиционной кавказской локальной цивилизацией и Российской империей, представлявшей собой европейскую цивилизацию». Третий этап – период наместничества М.С. Воронцова (1844-1854)- период сбалансированной политики, «где военно-силовая и культурно-образовательная составляющие дополнили друг друга». [2,с.17]. Данная периодизация тоже рассматривает Кавказский фронт в чисто историческом аспекте как завершённый процесс.

Мы считаем, что каждый фронт может иметь свою типологию и периодизацию. За основу

своего варианта периодизации Кавказского фронта была взята базовая типология, предложенная О.Я.Якушенковой, но, с учетом его специфики, несколько переосмысленная и дополненная еще одной стадией, по сути типом фронта – рефронтом [7]. Рефронт как особый тип коммуникационных отношений на фронте выделен как раз в связи с исследованиями фронтных процессов на Кавказе, которые носят там реверсивный характер. Рефронт характеризуется разрушением сложившихся во время стадии фронта и постфронта коммуникаций, конфронтацией акторов фронтной зоны, а так же различными сценариями его дальнейшего развития. Рефронт в определенной степени есть живой фронтный процесс современности. Используя описанную выше типологию фронта : ранний фронт – фронт – постфронт – рефронт можно проследить на динамику его развития на Кавказе.

Литература

1. Лысенко А.В. Концептуальные основания изучения культурных ландшафтов Северного Кавказа в контексте феномена пограничности Вопросы современной науки и практики.// Университет им. В.И.Вернадского. – № 1, 2009. – С.8-16.
2. Урушадзе А. Т. Взаимодействие культур на Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук .Ростов-на-Дону 2011
3. Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI – первой четверти XVII века в свете теории фронта : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2009
4. Шиловский М. В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII – XX вв.: общее и особенное. Вып.3. – Новосибирск, 2003, с. 101.
5. Широков А.И. Социальная среда северного фронта (на примере северо-востока России) // Вестник ТГУ. – 2007. – №299.
6. Якушенков С.Н., Романова А.П. Новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России / Инноватика и экспертиза ,12 вып.2. стр. 74-80
7. Якушенкова О.С. Женщина на американском фронте. Астрахань. Из.-во Сорокина 2012 г.
8. Billington R. A. Westward Expansion: A History of the American Frontier. – N.Y.: Macmillan, 1960,
9. Turner F. J. The frontier in American history. – N.Y.: Courier Dover Publications, 1996

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Гаврилина Лариса Михайловна

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПОВОРОТОВ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Канд. ист. наук, доцент Московского Государственного Университета культуры и искусств

EPISTEMOLOGY TURNS IN MODERN SOCIOHUMANITIES DISCOURSE

Gavrilina Larisa

Candidate of Science, assistant professor of Moscow State University Culture and Arts, Moscow, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу природы культурных поворотов XX – начала XXI века, произошедших как в самой социокультурной реальности, так и в способах и ракурсах ее рассмотрения. Предпринята попытка создания типологии культурных поворотов, выявлены повороты, имеющие онтологический и эпистемологический статусы.

ABSTRACT

This article analyzes the nature of the cultural turns of XX - beginning of XXI century, occurred both in the social and cultural reality, and in the methods and perspectives of its consideration. Attempt to create a typology of cultural turns, identified turns having an ontological and epistemological status.

Ключевые слова: культурные повороты, онтологический статус, эпистемологический статус

Keywords: cultural turns, ontological status, epistemological status

Мир, в котором мы живем, стремительно меняется. Скорость изменений такова, что ученые бьют тревогу по поводу возможностей психологической адаптации современного человека к этим процессам. Поворотные моменты исторического развития, когда те или иные процессы получали мощные импульсы к ускорению или новому направлению движения, исследователями были обозначены как «революции», «повороты», «волны», «взрывы» и т.д. Все началось на заре новоевропейской истории, в эпоху формирования модерна как типа культуры: коперниканский переворот и научная революция XVII века,

промышленная революция, «восстание масс», - продолжилось в XX веке научно-технической революцией, информационным взрывом, лингвистическим, онтологическим поворотами в философии. Концепт поворота стал одним из способов проблематизации современного социально-гуманитарного знания, вокруг которого формируется пространство междисциплинарного дискурса, а наша эпоха может войти в историю как **эпоха поворотов**.

На уровне структур повседневности с социокультурными изменениями, происходящими в современном мире, имеет дело каждый обыватель, в специальных исследованиях их фиксируют и анализируют ученые. Радикальные изменения условий существования человечества концептуализированы как завершение проекта модерна и переход культуры в новое качество: состояние постмодерна, связанного с развитием постиндустриального, информационного, глобального общества, с формированием медиареальности на фоне бурного развития средств массовой коммуникации и цифровых технологий. Мощные сдвиги совершаются как в самой социокультурной реальности (промышленный переворот, научно-техническая революция, массовизация, глобализация), - так и в способах ракурсов ее осмысления в социально-гуманитарном и философском знании. Таким образом, необходимо констатировать различную природу рассматриваемых культурных поворотов: часть из них имеет онтологический статус, другая – эпистемологический. Мы выявили три типа поворотов.

1 тип - повороты, обладающие онтологическим статусом. В качестве таковых можно рассматривать социокультурные «сдвиги» XIX – XX вв.: промышленный переворот, «восстание масс», научно-техническая революция, повороты к постиндустриальному, информационному обществу, глобализации. Все эти широко известные

концепты описывают реальные социокультурные процессы, которые активно исследуют философы, экономисты, социологи, психологи, культурологи. Эти сдвиги, свершившиеся в реальной культурной практике, создали социально-экономические, технические, технологические, культурные, психологические основания для развития поворотов второго типа.

2 тип - повороты, имеющие двойственный статус: онтологический и эпистемологический. Речь идет о визуальном или иконическом повороте, медиареволюции, эстетическом повороте. В этих концептах осмыслены как изменения, произошедшие в самой социокультурной реальности, связанные, прежде всего, с формированием новых средств и способов коммуникации, так и формирование новых ракурсов рассмотрения социокультурных процессов, сложение новых исследовательских парадигм.

Визуальный (иконический, экранный) поворот уже стал вполне привычной и уважаемой темой анализа. Вслед за В. Бенямином, М. Маклюэном, и др. эта тема была развита во множестве направлений, применительно к разным контекстам, сложилось целое направление «визуальных исследований» (Visual studies). Переход от чтения текста к картинке, от слова – к чувственно воспринимаемому образу явился следствием изменения систем носителей информации. Визуальный поворот в современной культуре связан с вполне конкретными техническими инновациями, но при этом он оказывает существенное влияние на процессы антропологической, психологической, ментальной адаптации человека к окружающей реальности. Поговорка о том, что «лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», - отражает кредо современной культуры. «Благодаря растущей визуальной составляющей культуры, мы не только по-другому видим вещи, предметы, людей, но меняется сам принцип конструирования образа, меняется характер видения в целом, трансформируются повседневные практики видения» [6, С.146]. Концепт визуального поворота описывает как изменения в социокультурной действительности (онтологический ракурс), так и в познании этой действительности (эпистемологический ракурс). В первом случае, благодаря изменившимся средствам коммуникации мы стали получать большое количество информации через картинку (переход от чтения текста – к зрительно воспринимаемому образу), во втором – это исследования особенностей такого рода коммуникаций, использование

возможностей визуального анализа (визуальная антропология, визуальная социология и т.д.).

С иконическим (визуальным) поворотом в современной культуре тесно связан **медиаальный поворот или дигитальная революция** [12]. В этом понятии фиксируется больше роль посредника, - хранителя, носителя и передатчика (транслятора) информации. Воздействие на культуру и ее носителей этого поворота заключается в том же усилении визуального, осязательного, чувственного начала в восприятии, переживании, осмыслении реальности.

Понятие **эстетического поворота** фиксирует важнейшие сдвиги в современной культуре, выразившиеся в эстетизации действительности (спорта, рекламы, политики и т.д.). «Активно вытесняемый из сферы высокого, или элитарно-конвенционального для XX в., искусства эстетический опыт не без помощи наследников тех авангардистов, которые еще в начале столетия ушли «в жизнь», «в производство», достаточно интенсивно и на новом высокотехнологичном уровне охватил почти все сферы обыденной жизни людей высокоразвитых стран мира. Объединенными усилиями архитекторов, дизайнеров, художников конструкторов и прикладников всех уровней и во всех сферах производства *быт человека второй половины XX века существенно эстетизировался*. Этому способствовали новейшие технологии, современные средства полиграфии и репродуцирования всего и вся от шедевров и записей музыкальных произведений до создания голографических копий любого уникального объекта, средства массовой коммуникации и информации, Интернет»[1, С.727]. Искусство при этом перестало быть «изящным искусством» и растворилось в мире, быте, став искусством дизайна, «мейл-артом», «нейл-артом», «милк-артом» и т.д. Об эстетическом повороте исследователи говорят как о формировании особой ориентации мысли, отражающей большее внимание к чувственности, предметности, очевидности, событийности, обнаруживающей склонность к «чувственно-телесному интуированию», которое может быть «прививкой против «виртуальной шизофрении» и спасением от возникшей в культуре XX века (после лингвистического поворота?) «лингвостерии»[2].

Эстетический поворот, большее внимание к чувственно воспринимаемому, непонятному, субъективному хорошо коррелирует с представлениями о наступлении в культуре **«новой естественности»** [9], **«новой чувственности»** [8],

«новой архайки» [15] или «второй архайки» [14]. В этом повороте к новой естественности исследователи видят стремление к восстановлению целостности человека и бытия, желание уйти от одностороннего рационализма современной западной цивилизации. А.А. Пелипенко концептуализирует этот переход как кризис логоцентрической модели культуры и **рождение новой постлогоцентрической парадигмы**. В рамках созданного им смыслогенетического подхода к культуре, исходя из макродинамики психофизиологических и ментальных структур, он выделил три больших периода в истории человечества: мифоритуальный, логоцентрический и постлогоцентрический. В основе этих изменений он видит изменения межполушарной функциональной асимметрии мозга, меняющих когнитивные стратегии человечества: «Закономерным образом в конце XX - начале XXI века становятся заметны проявления «правополушарного реванша»... <...> На смену «людям Слова» приходят «люди Цифры» - носители новой естественности – ментальной конституции, основанной на «восстановленном в правах» правополушарном доминировании [10, С.589-590].

Все эти концепты описывают изменения в социокультурной реальности и одновременно – новые формы отношения к миру, его восприятия и исследования, в них соединяются онтологический и эпистемологический статусы.

3 тип - повороты, обладающие эпистемологическим статусом. Речь может идти о концептах лингвистического, онтологического, пространственного поворотов, которые описывают изменения в интенциях мышления, новые ракурсы и способы рассмотрения реальности. Такого рода повороты в исследовательских парадигмах хорошо знакомы европейской философии: коперниканский (антропологический) поворот Канта, диалектический поворот Гегеля, марксистский материалистический, фрейдистский психоаналитический, лингвистический поворот в философии.

Онтологический поворот исследователи связывают с именами немецких философов Н. Гартмана и М. Хайдеггера и рассматривают как своего рода реакцию на продолжительное по времени господство в европейской философии гносеологической парадигмы [13]. Несмотря на название, онтологический поворот имеет выраженный эпистемологический статус. Если визуальный или иконический поворот фиксирует из-

менившиеся условия существования человечества (господство новых средств массовой коммуникации), то онтологический поворот отразил формирование нового взгляда на мир. М. Хайдеггер совершил онтологический поворот в философии, обратившись к Бытию как присутствию, понимающему и говорящему, человеческому «тут-бытию». Для осмысления по-новому понятой реальности немецкому мыслителю пришлось отказаться от прежних понятий классической философии и разрабатывать новый философский язык. Придав особое значение поэтическому языку, художественному творению как «просвету истины бытия», Хайдеггер способствовал формированию эстетического поворота в его эпистемологической составляющей.

Лингвистический поворот также стал следствием изменения исследовательской парадигмы: от лингвистической философии Л. Витгенштейна, феноменологии Э. Гуссерля до теоретиков структурализма. Магистральной идеей стало обращение к языку как к единственной реальности, на основе которой может быть познан человек. Бытие стало рассматриваться сквозь призму и структуры языка. Весь мир культуры был понят как текст, написанный на разных языках, которые необходимо изучать, дабы прочитать и понять текст.

Пространственный поворот» (spatial turn). Термин утвердился с недавнего времени как обозначение поворота от основополагающей категории времени - к пространству. Пространство и время являются фундаментальными характеристиками бытия, их смысловое единство в рамках художественного произведения М.М. Бахтин определил как хронотоп. Крупные исторические эпохи и цивилизации базируются на собственных хронотопических конструкциях. Культура проявляет в хронотопе свою аксиоматику и создает неповторимую комбинацию взаимодействия этих двух констант. Принято говорить о специфике античного хронотопа, средневекового христианского и т.д. Бахтин, который сформулировал это понятие на материале средневековой европейской культуры, подчеркивал ведущее начало времени в ее хронотопе. Христианская культура, как средневековая, так и эпохи модерна, действительно, в большей степени сориентирована на время, чем на пространство. Это выходит, вероятно, к библейским идеям, которые осмыслил и концептуализировал в свое время Августин Блаженный.

В хронотопе современной культуры, похоже, намечилось большее, чем прежде внимание к пространству. Одним из первых об этом повороте к пространству написал М. Фуко еще в 1967 году: «Великой навязчивой идеей, неотступно преследовавшей XIX в., как известно, была история: темы развития и остановки, темы кризиса и цикла, темы накопления прошлого...<...> Сегодняшнюю же эпоху можно, скорее назвать эпохой пространства [17]. В последние двадцать лет интерес к теме пространства в гуманитарных науках проявился со всей очевидностью, многие авторы стремятся потеснить время, чтобы дать место пространству. К проблеме пространства обратились философы, языковеды, филологи, искусствоведы и другие представители гуманитарного знания. Так, Ж.Делез и Ф. Гваттари пишут о «геофилософии» и топологии мысли, основанной на силе воображения [3], В. Подорога анализирует «ландшафтные миры философии» [11]. География, в свою очередь, сделала шаг навстречу гуманитаристике, обратившись к проблеме *культурного* освоения пространства: на стыке гуманитарного и естественнонаучного знания стала формироваться культурная или гуманитарная география, антропогеография, метагеография (имагинальная география) [4]. Успешно развиваются такие направления как исследование культурных ландшафтов [5], социология пространства [16], семиотика пространства. Сложился новый ракурс рассмотрения реальности. По мнению одного из исследователей, «речь идет не больше не меньше как о всемирно-историческом реванше пространства над временем и, как следствие, географии над историей и географа над историком» [7].

Судя по современному социогуманитарному дискурсу, человечество переживает сегодня крупнейший цивилизационный сдвиг, масштаб которого сопоставим разве что с эпохой неолитической революции. Множество широко обсуждаемых культурных поворотов при этом имеют различную природу, без понимания которой невозможен сколько-нибудь серьезный их анализ.

Список литературы

1. Бычков В.В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М.: Издательство МБА, 2010. 784 с.
2. Грякалов А.А. Эстетическое и политическое в контексте постсовременности: топос Homo Aestheticus // ВФ. 2013. № 1. С.49-57
3. Делез Ж, Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Академический проект, 2009. 261 с.
4. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
5. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: НЛО, 2011. 576 с.
6. Колодий Н.А. Колодий В.В. Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. С. 146-152.
7. Маяцкий М. Место – пространству! Этот очень special «spatial turn». URL.: <http://www.russ.ru/pushkin/Mesto-prostranstvu!>
8. Медникова Г.С. Онтологические основания медиаискусства // Медиафилософия. Вып. V: Способы анализа медиареальности. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2010. С.173-179
9. Пелипенко А.А. Дуалистическая революция и смыслогенез в истории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
10. Пелипенко А.А. Постигание культуры. В 2 ч. Ч. 1: Культура и смысл. М.: РОССПЭН, 2012.
11. Подорога В.А. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М.: Ad Marginem, 1995
12. Савчук В.В. Медиафилософия. Принцип реальности. СПб: РХГА, 2013
13. Савчук В. Что такое повороты в философии? URL: <http://rhga.ru/cjnferences/rusm/stenogramms/savchuk/php> (дата обращения 10.05.2014)
14. Хачатурян В.М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе. М.: Academia, 2009. – 292 с.
15. Чучин-Русов А.Е. Новый культурный ландшафт: постмодернизм или неоархаика? // Вопросы философии. 1999. № 4
16. Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Изд-во ГУ-ВШК, 2008
17. Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления, интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3 – 320 с.

Зыкина Е.Б.¹, Пыжова О.В.²

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

¹канд. филос. наук, доцент Курского государственного медицинского университета, г. Курск²канд. филос. наук, доцент Курского государственного медицинского университета, г. Курск

THE SPECIFICS OF FORMING AND DEVELOPING
OF INTERCULTURAL COMPETENCES OF
INTERNATIONAL STUDENTS WITHIN
MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT
Zykina Elena

Candidate of Science, assistant professor of Kursk State
Medical University,

Kursk, Russian Federation

Pyzhova Olesya

Candidate of Science, assistant professor of Kursk State
Medical University,

Kursk, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема межкультурной коммуникации, актуальная для российских вузов с многонациональным контингентом обучающихся. На основании проведенного исследования выявлены этнокультурные детерминанты наиболее распространенных коммуникативных затруднений иноязычных студентов, препятствующих успешному овладению ими профессиональными знаниями, определены условия формирования и совершенствования межкультурных и коммуникативных компетенций.

ABSTRACT

The article considers the problem of intercultural communication which is of current interest of many Russian educational institutions with students from all over the world. According to the recently conducted study there were discovered certain ethno cultural determinants of the most widely spread communicational difficulties experienced by those who study in foreign language. These communicational difficulties prevent students from getting profound professional knowledge. The study also defined a number of conditions which help students to form and develop intercultural and communicational skills.

Ключевые слова: межкультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, межкультурные компетенции, этнокультурные стереотипы.

Keywords: intercultural interaction, intercultural communication, intercultural competences, ethno cultural stereotypes.

Интеграция России в мировое образовательное пространство, относительная доступность российского образования при достаточно высоком его качестве привлекают в отечественные университеты студентов из других стран. На протяжении длительного времени пребывания в чужой стране иностранцы в учебной и внеучебной деятельности должны постоянно вступать в коммуникативные взаимодействия с представителями иных культур. Не последнюю роль в ходе такого межкультурного общения играет образ страны, сложившийся у них до приезда и продолжающий формироваться под воздействием межличностного общения с представителями русского и некоторых других народов, обучающихся вместе с ними. Заметим, что «образ мира» обусловлен этнически и предполагает постижение человеком окружающего мира через этническую культуру своего народа. Так, А.А. Леонтьев считает, что в основе мировидения и мировосприятия каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Поэтому сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа [3; 16 – 21], что в результате приводит к различным коммуникативным затруднениям в процессе межкультурного общения.

В связи с этим в последние годы в среде отечественных ученых возрастает исследовательский интерес к различным аспектам, критериям и способам успешного межкультурного взаимодействия. Причинами возникновения коммуникативных затруднений могут быть недостаточное знание или отсутствие знаний о ценностях, традициях и нормах культуры страны пребывания и их проявления в моделях поведения; особенности произношения при использовании национальных вариантов английского языка; собственные этнокультурные стереотипы; отсутствие толерантного отношения к представителям иных культур, неумение и нежелание изменять свое поведение в соответствии с культурными нормами коммуниканта для достижения успешной коммуникации. Эта проблема является

особенно значимой для вузов, осуществляющих образовательный процесс в условиях полиэтничности контингента обучающихся. В Курском государственном медицинском университете, наряду с отечественными студентами, приобретают профессиональную медицинскую подготовку и студенты-иностранцы – выходцы их многих стран мира. От степени овладения ими технологией межкультурного взаимодействия во многом зависит успешность их адаптации к образовательной среде вуза и культуре страны пребывания.

С целью выявления особенностей коммуникативного взаимодействия студентов-иностранцев в зависимости от их этнокультурной принадлежности было проведено исследование и разработана анкета, респондентами которой стали студенты младших курсов, обучающиеся по специальности «лечебное дело» – выходцы из Индии, Нигерии, Малайзии и Бразилии. Диагностике были подвергнуты способности и умения учащихся, необходимые для эффективного межкультурного общения; возникающие в его ходе наиболее типичные и распространенные затруднения; мировоззренческие и культурно обусловленные установки коммуникантов, способствующие либо препятствующие налаживанию межэтнических контактов.

Особое внимание в процессе анкетирования было уделено проблеме влияния культурных различий на образовательный процесс. Как показал опрос иностранных студентов, большинство из них испытывает затруднения при восприятии и усвоении учебного материала, причем как по гуманитарным предметам (35% респондентов), так и по специальным (27%). При этом разница культур осознается как серьезная проблема индийскими учащимися, ее важность отмечают нигерийцы, тогда как студентам из Бразилии и Малайзии она не представляется существенной.

В общении с преподавателями, как представителями иноязычной культуры, постоянно чувствуют коммуникативные затруднения 54% иностранцев; для 24% эти трудности ситуативны; остальные их не отмечают. С точки зрения студентов, причины, препятствующие установлению адекватной коммуникации с учителями, следующие: разница в произношении слов английского языка, что требует затрачивать много времени на понимание; особенности менталитета и национального характера коммуникантов; значительная дистанцированность преподавателей от обучающихся; недостаточная информированность иностранцев о принятых в стране пребывания культурных ценностях и нормах поведения.

Анализ ответов респондентов на вопросы анкеты позволяет сделать вывод, что оценка степени

влияния этих факторов на сферу коммуникативных взаимоотношений студентов и педагогов в значительной степени обусловлена этнической принадлежностью респондентов. Так, почти все выходцы из Малайзии отмечают доброжелательное отношение к себе со стороны преподавателей; они уверены, что конфликтные ситуации возникают лишь по вине самих студентов, которые не приходят во время на занятия, плохо к ним готовятся, не выполняют своих обязанностей должным образом и нарушают правила этикета. Такого же мнения придерживаются и бразильцы – по их оценкам русские педагоги «добрые», «отзывчивые», «терпеливые», «всегда готовы оказать помощь». В то же время эти студенты ощущают некоторый дискомфорт в общении с преподавателями, поскольку в их стране отношения в системе «учитель – ученик» более близкие, партнерские, почти дружеские.

На этой же модели основывается школьное образование и в Индии, культура которой еще в большей степени ориентирована на семейные ценности. Для ее носителей наличие в России жесткой дистанции между обучающими и обучаемыми воспринимается особенно болезненно – почти все из опрошенных студентов-индийцев указывают на наличие трудностей в таком общении; 92% из них подчеркивают, что преподаватели выказывают явное предпочтение студентам из Малайзии и Бразилии и дружелюбны только по отношению к ним. Вместе с тем многие из индийцев признают, что преподаватели с уважением относятся к их культуре, религии и традициям (78%), а налаживанию взаимопонимания с ними препятствует, главным образом, недобросовестное отношение студентов к учебе и дисциплине.

Если выходцы из Индии отмечают лишь недостаточную расположенность к ним со стороны преподавателей, то студенты-нигерийцы склонны расценивать такую позицию как выражение неприязни. При этом 46% из числа этих учащихся замечают, что преподаватели не всегда проявляют должное уважение к их религиозным верованиям и культуре. В целом же подавляющее большинство из опрошенных признает, что определяющим условием взаимодействия преподавателей и студентов служит не степень их этнокультурной или конфессиональной близости, а соблюдение учащимися общепринятых норм поведения и их хорошая учебная успеваемость.

Восприятие российской культуры и представления о национальном характере ее носителей так же разнятся у представителей опрашиваемых этнических групп. Так, 72% бразильских студентов, участвовавших в опросе, ответили, что чувствуют

себя в России «как дома». Учащиеся, приехавшие на учебу из азиатских стран, более остро ощущают свою культурную инаковость, но в то же время отмечают наличие общего в образе жизни, традициях и обычаях восточной и западной культур. Нигерийские же студенты воспринимают Россию как «совершенно чужую страну». Вызывают интерес и «образы русских», сформировавшиеся в сознании иностранных учащихся, принадлежащих к разным этническим группам. По мнению индийцев, мы дружелюбны, хорошо воспитаны и образованы, но в то же время агрессивны и аффективны, невнимательны друг к другу и не толерантны к иностранцам. В оценках нигерийцев акцентируются негативные черты русского характера (агрессивность, враждебность по отношению к другим культурам и верованиям, чувство культурного превосходства), но так же отмечаются доброта, готовность оказать помощь, присущие, однако, лишь людям пожилого возраста. Студенты из Малайзии дают нам более позитивную характеристику, но указывают при этом на недостаточную открытость жителей России контактам с представителями иных культурных миров. А в представлении бразильцев русским от природы присущи дружелюбие и доброта, но в общении они эмоционально холодны и часто проявляют нетерпимость и агрессивность.

Как известно, первоначально «образ любой страны присутствует в нашем сознании в стереотипном виде» [1; 129]. Отчасти поэтому в этих характеристиках отчетливо просматривается влияние этнокультурных стереотипов на восприятие и оценку особенностей менталитета и коммуникативного поведения представителей иных культур. При этом этнокультурные стереотипы носят обобщающий характер и имеют логическую форму суждения, способность упрощать и эмоционально приписывать определенному классу лиц определенные установки или отказывать им в них [2; 177]. Стереотипы, представляя собой основу менталитета нации и реализуя одну из главных своих функций, с одной стороны помогают личности ориентироваться в окружающем мире, способствуют улучшению межкультурной коммуникации, помогают формированию положительного образа страны в сознании других народов, но в то же время могут стать мощным идеологическим орудием, воздействующим на сознание представителей различных этносов и определяющим характер межэтнического общения.

В период обучения в университете иностранные учащиеся вступают в этнокультурные коммуникативные взаимодействия не только с преподавателями, но и со своими сверстниками – выходцами их разных регионов мира. Анкетирование показало,

что и в межличностном общении большинство студентов испытывают те или иные затруднения, детерминированные различием в культурах.

Основными препятствиями к установлению межкультурных контактов в студенческой среде они считают мировоззренческие и религиозные различия; проявления национализма; отсутствие знаний о культурных традициях собеседника; использование в общении национальных вариантов английского языка. На вопрос об используемых ими в практике межкультурного общения способах преодоления коммуникативных барьеров, 54% студентов ответили, что, прежде всего они стараются расположить к себе собеседника, создавая благоприятную и дружелюбную атмосферу для диалога. По убеждению 32% иностранцев важно стремиться «понять тех, кто думает и чувствует иначе»; остальные указали, что предпочитают выстраивать коммуникацию в соответствии с культурными нормами партнера.

Необходимость владения знаниями об истории, верованиях, культурных традициях и обычаях других народов для полноценного общения признают все иностранные учащиеся. Важно отметить, что 98% участников анкетирования заявили о своем желании заниматься в полиэтнических учебных группах, что свидетельствует об их познавательном интересе к особенностям других культур, о стремлении к расширению общекультурного кругозора и совершенствованию навыков коммуникативных компетенций. основополагающее значение для плодотворного межкультурного сотрудничества имеют мировоззренческие установки коммуникантов, определяющие саму стратегию общения представителей разных этносов и его успешность. Длительное пребывание в чужой стране крайне обостряет у иностранных студентов чувство своей культурной инаковости и иногда может провоцировать воспринимать образ жизни, традиции и обычаи, принятые в других культурах, с позиций этноцентризма. Так, согласно анкетированию, студенты из Индии обнаруживают достаточно сильно выраженные этноцентристские установки – 86% опрошенных выражают уверенность в превосходстве своей культуры над другими. При этом в практике общения они способны проявлять самый живой интерес и толерантное отношение к ценностям и традициям других народов.

Выходцы из Нигерии, напротив, склонны недооценивать значимость своей традиционной национальной культуры, болезненно реагируют на вопросы о ее древних верованиях и обычаях. Что касается малазийцев и бразильцев, то их установки по отношению к другим культурам далеки от такого

рода крайностей – обе эти группы учащихся воспринимают инокультурные ценности без сравнения или сопоставления со своими. Эти мировоззренческие установки по отношению к культурным особенностям других наций во многом определяют поведенческие реакции студентов, вступающих в межкультурные взаимодействия. Видимо поэтому наибольшим полиэтническим разнообразием отличаются культурные контакты студентов из Бразилии и Малайзии – в числе их друзей присутствуют представители многих национальностей, в том числе и русской. Круг межкультурного общения учащихся из Индии и Нигерии более ограничен, но важно, что они стремятся его расширить, проявляя инициативность и активность в межэтнических контактах.

Большинство из респондентов анкеты оценивает собственные коммуникативные умения как «достаточные» для общения (70%). Высокую оценку по этому вопросу поставили себе 18% опрошенных, а критически отозвались о степени развитости своей коммуникативной культуры лишь 12% студентов. При этом все без исключения иностранные учащиеся осознают необходимость дальнейшего совершенствования навыков межкультурного общения. Настораживает, что ни один из респондентов анкетирования не отводит сколько-нибудь заметной роли в этом процессе университетскому образованию.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что у всех участвовавших в нем иностранных студентов наличествуют частично сформированные навыки межкультурной коммуникации. Степень успешного оперирования ими в пространстве меж-

культурного общения в значительной степени детерминирована этнокультурными особенностями участников диалога.

Таким образом, для успешного межкультурного взаимодействия необходимы следующие условия: потенциал, наличие потребности в коммуникации, наличие индивидуально-психологических и личностных качеств, необходимых для успешного взаимодействия, адекватная оценка уровня развития собственных коммуникативных способностей, осознанное желание и готовность к контактам с представителями иных культур, овладение приемами и навыками толерантного общения. Представляется необходимым продолжить исследование уровней сформированности коммуникативной культуры иноязычных студентов, обучающихся в российских вузах, разработать эффективные педагогические технологии, способствующие овладению ими коммуникативной и межкультурной компетенциями.

Литература:

1. Коптякова Е.Е. Германия в национальных стереотипах русских и американцев // Политическая лингвистика. Вып. 1(24). Екатеринбург. 2008. С. 129.
2. Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 248 с.
3. Леонтьев А.А. Язык, сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М.: ИЯ РАН, 1993. – 174 с.

Шарова Марина Александровна

ФИЛОСОФСКО – АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КИЕВСКОЙ ДУХОВНО – АКАДЕМИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ НАЧАЛА XIX ВЕКА И СТАНОВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

канд. филос. наук, доцент, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

PHYLOSOPHYAL AND ANTROPOLOGICAL
AUTLOOK OF MEMBERS OF KIEV ACADEMIC AND
RELIGIOUS PHYLOSOPHY OF THE BEGINNING OF
XIX CENTURY AND THEIR FORMATION OF
PHYCOLOGU AS A SCIENCE
Sharova Marina

*Candidate of Science, assistant professor of Kaluga
State University, Kaluga, Russian Federation*
АННОТАЦИЯ

Показаны основные идеи теистической антропологии представителей Киевской духовно – академической философии начала XIX века

(И.М.Скворцов, В.Н. Карпов, П.С. Авсенеv, С.С. Гогоцкий) и их влияние на формирование философско – психологического знания и становление традиций христианской психологии и психотерапии.

ABSTRACT

In the article it is spoken about main ideas of religion anthropology of Kiev academic and religions philosophy of the beginning of XIX century (I. Skvorchov, V. Karpov, P. Avsenev, S. Gogochkiy) and their influence on the formation of philosophy and psychology knowledge and traditions of christian psychology and psychiatry.

Ключевые слова: религиозная философия, религиозная психология, антропология, традиции христианской психотерапии.

Keywords: religions philosophy, religions philosophy, anthropology, traditions of christian psychiatry

В Киевской духовно – академической традиции начала XIX века интерес представляет христианское понимание человека и его психики в их соотношении с классическим богословием и основами психологического знания. Изучение мыслителями (И.М.Скворцов, В.Н. Карпов, О.М. Новицкий, П.С. Авсенеv, С.С. Гогоцкий и др.) нравственной и христианской психологии стало началом интеграции философско – богословской и психологической наук. Отправными точками их воззрений были антропология в богословском понимании и рассмотрение триединства человека («тело – душа – дух»), психики, сознания, бессознательного, метафизики сердца и т.д. Их работы были направлены на развитие естественнонаучной психологической парадигмы, где личность рассматривалась целостно, в интегративности с иными областями знаний. Психотерапевтические принципы Киевских академистов позволили обозначить исторические точки отсчета и векторную направленность дальнейшей традиции христианской психологии, а также заложить основы персоналистической системы психологии в России. Л.Ф. Шеховцова отметила, что христианская психология возможна лишь в том случае, если научная психология интегрируется с христианской антропологией, что позволяет выделить христианскую психологию в статус междисциплинарного направления в соединении теоретических и практических подходов [1]. Актуальна идея С. Робертса о дифференциации психологического знания на экспериментальную науку и «психологию с исторической перспективой», где последняя рассматривалась как прерогатива церкви, поскольку в исторической тра-

диции антропологические понятия («личность, человек, душа и т.д.) перешли из богословия к философии, а затем в сферу психологии.

Для Киевских духовных академистов характерно понимание психики как мировоззренческой позиции, жизненного качества личности, проявляющегося в страстях и действиях, двигателя человеческого поведения, руководимого разумом, отражающим природу. Философско – психологические воззрения мыслителей начала XIX века были составной частью их собственного общественно – научного гуманистического мировоззрения, где психология рассматривалась в контексте общей антропологии.

Наиболее раннее определение психологии как науки о душе привел П.С. Авсенеv в цикле «Из записок по психологии». Психология – «наука, своим предметом имеющая изъяснить устройство и жизнь души из чистого ее существа, дабы привести человека в истинное самопознание» [2, С. 2]. Мыслитель соотносил психологию и антропологию, называя ее «философией подлежащего духа». Он отметил трудности изучения психологии, но показал и ее практическую пользу. Предмет психологии он полагал в естественном стремлении познавательной деятельности человека от внешней вещи и явления к сосредоточенности на внутреннем мире, самом себе: «что Я есмь?». Объект психологии составляет принцип самопознания человеком самого себя, благодаря которому человек дифференцирует сферы бытия на: «мое бытие, само – бытие, Я – бытие» и «бытие, приходящее из вне». Дуализм природы человека: низшее (телесность) и высшее (духовность, Божественное начало) позволяет удерживать равновесие бытия. «Я бытие» человека является постоянным и общим для всех бытийных сфер и принадлежит ему как человеку (= общечеловеческое) и как лицу (= индивидуальное). Предмет психологии – «та часть души, которою она связана с телом» [2]. Психология призвана рассматривать душу как дух, не исследуя ее взаимосвязь с телом. Задача психологии – «правильно уразуметь истинное значение сил, стремлений и действий души». П.С. Авсенеv различал научную и обыденную (= житейскую) психологию. Житейская психология – знания людей, приобретаемые на протяжении жизни (знания о возрасте, поле, темпераменте, склонностях и интересах человека). Житейская психология решает задачи: 1) самопознания с целью исправления собственных недостатков (антропология), 2) понимания правил коллективного общежития (этика), 3) знания истинных ценностей и

различия добродетельности от лицемерия (аксиология). Именно в ее рамках формируются представления о разнообразии характеров и обозначается восхождение психологического типа: лица – народа – человечества – Богочеловека.

И.М. Скворцов выводил значение психологии из стремления разумной человеческой сущности к «полному успокоению ума и сердца», пониманию полноты мира и поиску истины, заложенных в Откровении. Признавая высшим духовное начало в человеке, И.М. Скворцов видел его выражение: 1) в деятельности ума (разума), стремящегося постичь реальность абсолютного Первоначала (= Бога), 2) в деятельности воли, играющей доминирующую роль в деле совершенствования человека. Благодаря познавательной активности субъекта, открытию гносеологической перспективы и возникают научные знания, в том числе и психология. В теистической философско – психологической традиции И.М. Скворцова человек выступал мерилем Истины (= Бога): раскрывался для нее и раскрывал ее в себе и вне себя. На это направлено сознание человека и из этого исходил и познавательный процесс. Принцип «Я» сознаю себя и потому существую» мыслитель рассматривал в контексте развития человека: от младенчества до зрелости. Дальнейшие поиски направлены на достижение физической и нравственной гармонии в человеке, целостности сверхчувственного и мыслимого. Он полагал смертность (= ограниченность) логическим приближением к идее бессмертия посредством жизни духа, способного жить вечно. Дух понимался как некая психологема бытия человека, осознающего необходимость веры и Богоискательства. Отсюда берут начало все исторические типы рационализма («древние и новые»).

В.Н. Карпов переломным моментом исторического развития философско – психологического знания считал период сократовского самопознания, когда стало возможным направление познания от периферии к антропологическому центру. Он выделил две сферы человеческого знания: 1. мыслимо – объективную, 2. мыслимо – субъективную, где последняя выступала как наука самопознания (= психология). Антропоцентризм его философии выражался в восприятии мира человеком через внешние ощущения, идеи, духовное созерцание. От того, насколько человек достиг личного совершенства (внутреннего опыта) зависело формирование позитивного воззрения на жизнь (внешнего опыта). Для

В.Н. Карпова внутренний опыт (= духовная жизнь) человека – соединение противоположностей, где долг или обязанность есть ограничение воли человека извне к определенному действию. Дуализм человека проявлялся во внутренней борьбе, результатом которой являлось жизненное направление получаемое индивидом: высшее (религиозно – нравственное), либо низменное (чувственно – животное). Основным признавалось положение – «Я сознаю», – синтезирующее в человеке духовный и чувствующий мир.

Центральная тема философско – психологической проблематики С.С. Гогоцкого («Философский лексикон») происхождение человеческого духа. Мыслитель полагал возможным нахождение духа одновременно более чем в одном состоянии: 1) дух может иметь психические состояния; 2) сознавать их; 3) относить их к своему «я», то есть заниматься «самосознанием» и, в то же время, учитывать внешнюю критику, адекватно воспринимать и анализировать ее в своем опыте. Сознание человека рассматривалось как взаимосвязь: 1) сознания как такового (возникает в процессе познания окружающего мира); 2) самосознания (формируется через вхождение внутреннего «я» человека в противоположность к самому себе); 3) разума. Задача психологии – формирование ступеней человеческого сознания: чувственной – изучающей – воспринимающей. Основа психологического знания – возможность познания безусловного начала вещей, способность преодоления противоречий между верой и разумом и создания целостного религиозного мировоззрения.

Заслуга мыслителей состоит в обращении к принципам теистической антропологии и формировании представлений о христианской психологии и психотерапии как отправной точке целостного понимания личности в психологии.

Литература:

1. Шеховцова Л.Ф. О необходимости разработки целостной концепции человека на основании христианской антропологии и современной психологии, 31 мая 2010 г.
2. Авсенов П.С. Из записок по психологии. В кн.: Сборник из Лекций бывших профессоров Киевской Духовной Академии, Киев, 1869

Якушенков С.Н., Якушенкова О.С.

АТРИБУТЫ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО В ОБРАЗАХ ГЕТЕРОТОПНОГО ЧУЖОГО²

¹ Доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории зарубежных стран,

Астраханский государственный университет, г. Астрахань;

² Астраханский государственный университет, ассистент кафедры культурологии, г. Астрахань

SUPERNATURAL ATTRIBUTES IN THE IMAGE OF THE HETEROTOPIC OTHER.

Yakushenkov Sergey

Ph.D. in history, Astrakhan state university, chair of the history of foreign countries, Astrakhan

Yakushenkova Olesya

Assistant, Astrakhan state university, Astrakhan

Аннотация: Статья анализирует атрибуты сверхъестественного в образах Чужого, выстраивающихся в условиях фронтирной периферии. Основной характеристикой кросс-культурного диалога в таких условиях является выстраивание особых отношений с Чужим, который, как правило, из субъекта диалога превращается в объект. Одной из отличительных черт Чужого оказывается его экстраординарность, особые качества и силы, превращающие его в сверхсущество.

Abstract: The article analyzes the attributes of the supernatural in the image of the Other in the frontier. The main characteristic of the cross-cultural dialogue in such conditions is to build a special relationship with a stranger, who, as a rule, is transformed into an object. One of the distinguishing features of Other is its extraordinary and supernatural qualities and strength.

Ключевые слова: фронтир; гетеротопия; Чужой; сверхъестественное.

Keywords: frontier; heterotopia; the Other; supernatural.

Кросскультурный диалог в условиях фронтирной периферии представляет собой многоуровневый феномен, в котором субъектно-объектные отношения находятся в постоянной динамике. Основной характеристикой этого диалога является выстраивание особых отношений с Чужим, который, как правило, из субъекта диалога превращается в объект. Все это приводит к возникновению особых имажинативных конструкторов, направленных на постижение новой реальности фронтирного ландшафта

(природного, культурного и т.д.). Локальный Чужой, являющийся неотъемлемой частью этого ландшафта, воспринимается субъектом этого диалога в антиномичных категориях. Новое пространство порубежья всегда воспринимается как дикое, необжитое, таящее в себе опасности. Народы, живущие на этой территории, следуя этой же парадигмы, также дикие, асоциальные, жестокие и прочее. Так как покорение новых земель, их освоение, окультуривание этого дикого ландшафта есть акт цивилизационный, то и покорение Чужого является важной цивилизационной миссией, с точки зрения акторов колонизации. В рамках этноцентричной модели восприятия мира, он лишен «культурных» качеств и выступает лишь как часть дикой природы, своеобразный ее придаток. Одной из отличительных черт Чужого оказывается его экстраординарность, особые качества и силы, превращающие его в сверхсущество. Амбивалентность образов тела Чужого выступает своеобразной метафорой его природности. И здесь мы соприкасаемся с гносеологическим парадоксом, заключающимся в том, что Чужое тело заполняет практически все природное пространство. Оно выступает своеобразной калькой или метафорой самой природы.

Дикий человек (этот первозданный Чужой – абориген – лат. ab origine, т.е. изначальный) выступает своеобразным символом природной дикости. Так как он – человек природы, он столь же стихией и могущественен, как и сама она. Извергающиеся вулканы, землетрясения и т.п. стихийные бедствия поджидают героя на гетеротопном пространстве фронтира, и если часть этой природы он может обуздать, то какие-то другие природные силы неподвластны ему. Они слишком сильны и могущественны, чтобы даже цивилизованный человек с ними мог справиться. В отдельные моменты сама цивилизация и наука отступают перед натиском этих сил, и уже ничто не может сдержать их.

² Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме. «Человек фронтира: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий» Код проекта 392 2014-2016

Даже беглый анализ древних эпических произведений показывает, что эпос разных народов изобилует представлениями о Чужом как о демоне, каннибале, обладающем гипертрофированным или гротескным телом. Причем подобные преставления обнаруживаются на всех территориях, где происходило соприкосновение с Чужим. На Востоке, вероятно, наиболее древними упоминаниями о таком «Чужом» гротескном теле являются многочисленные описания демонов-ракшасов, в изобилии представленные в «Махабхарате», как, например, описание ракшаса Хидимбы – «чудовищного существа, питавшегося человеческим мясом»[5, 393]. В «Рама-яне» мы находим упоминание об исполинском росте ракшасов, их свирепой внешности и кровожадности. Можно с большой уверенностью говорить, что в образе ракшасов древние индусы воспринимали некоторые дравидские или австралонегроидные народы[12, 7-9].

На Западе аналогичные описания мифических существ мы встречаем еще у Гомера. В «Одиссее» мы находим упоминание о лестригонах – народе людоедов. Они огромны, и как следствие, они значительно сильнее Одиссея и его спутников, кровожадны и жестоки. Там же встречается описание еще одного «дикого скотовода» – циклопа Полифема. Подобно ракшасам и лестригонам, Полифем огромен, кровожаден и питается человеческой плотью[2, 105]. Как и положено гротескному телу, тело Полифема огромно. Его размеры гротескны, но глаз у него слишком мало (даже по сюжету он лишается единственного). У греков же можно найти еще одного аналогичного «держателя скота». Это – Герион, живущий «за океаном». Если облик Полифема еще сохранил антропоморфные черты, то в случае с Герионом все обстоит несколько иначе. У него было туловище трех мужчин, слитое воедино на поясе, шесть рук, шесть ног и крылья[9,97].

Как мы видим, Чужой фронтальной периферии просто обязан быть голым, диким и кровожадным, при этом тело его гипертрофированно, и он больше напоминает демона, чем человека. Нередко фронтальный персонаж или гротескное тело фронтального персонажа деформированно. Оно с одной стороны ущербно (как мы это уже упоминали, касаясь образа Полифема и Гериона), но с другой стороны отдельные части того существа максимально акцентуализируются (единственный, но огромный глаз Полифема или целый набор конечностей Гериона). Примером подобной акцентуализации может служить образ половецкого хана Буняки. Его описывают то, как карлика, то, как великана, но оба этих описания

объединены некими аномалиями в устройстве внутренних органов, которые у него снаружи[3,23]. Иногда он предстает перед нами существом, убивающим взглядом. Подобно гоголевскому Вию, у него огромные веки, которые его слуги поднимают золотыми вилами.

История американского фронта полна рассказами о магических способностях индейцев и их вождей, т.е. Чужого, тесно связанного с «потусторонними силами». Одной из самых значимых фигур в этом смысле был индейский вождь Неистовый Конь, вошедший в историю, как воин, способный выстоять под градом пуль. За свою жизнь он был ранен дважды, но оба раза членами своего племени лакота. Другой знаменитый индеец, Черный Лось, описывает его как «человека видения»[8]. Каждый раз, отправляясь на поле боя, по словам Черного Лося, Неистовый Конь погружался в свои видения, что уберегало его от вражеских пуль[8,127]. По другой версии, загадочная сила вождя крылась в магическом узоре, сделанном специально для него неким шаманом[16,157]. Своей неуязвимостью славились и Человек Волк, в последствии сменивший имя на «Пуленепробиваемый»[13,51], когда попавшие в него две пули не принесли ему никакого вреда, и отец знаменитого индейского пророка Вовока, Нуму-Таибо, которого был известен не только способностью избегать пуль, но так же умел вызывать дождь[14,173].

Аналогичные наррации известны и в российской этнографической литературе. Ханты рассказывали историю о шамане, которого не могли победить окружившие его солдаты. Хотя его жилище было все продырявлено пулями, солдаты не могли взять его до тех пор, пока он не убил себя[17,360].

Нетрадиционные формы поведения Чужого воспринимаются европейцами или американцами в двух совершенно противоположных парадигмах. Образованные европейцы склонны видеть в подобных случаях патологию, в то время как простые люди легко обнаруживают в этом проявления сверхъестественного. Описывая непривычные поведение Чужого, большинство русских этнографов XIX века обозначали это через такие понятия, как болезнь, истерия, безумие и предрассудки[1;6;7]. Обычный же человек, не обремененный лишней идеологией, склонен видеть в новых поведенческих паттернах сверхъестественное. Он легко классифицирует шамана и шаманизм через такие термины как «демоны», чертовщина и т.д.[4,37].

Чужого проще представить чудовищем, монстром, демоном, духом, чем видеть в его поведении

проявление человеческого. Типичным примером бо-язни западного человека поведенческих стереоти-пов Чужого можно считать и политику европейцев и американцев по отношению к миллениаристским движения коренных народов. Особенно ярко это проявилось на примере индейского движения, полу-чившего в западной литературе название «Пляска духов». Участники этой церемонии были уверены, что следование традиции исполнения специальных религиозных танцев и песнопений поможет им вы-жить в надвигающемся апокалиптическом конце света. И хотя данное движение носило сугубо мир-ный характер, американское правительство направило против них свои войска и силой принудило их прекратить. Безобидное для европейцев движение вызвало неприятие и привело к весьма трагическим последствиям. Тем не менее, европейская тенденция приписывания индейцам и другим коренным народам сверхъестественного, находит среди аборигенного населения встречный отклик. Вера в исключи-тельные природные силы и способность аборигенных народов управлять силами природы оказыва-ется своеобразным спусковым клапаном, через ко-торый выходит возникающее напряжение. Схожее явление встречаем мы и в Южной Америке – в Перу в XVI в. в так называемом движении. Таки Онкой (Taqui Oncoy) – Пляске Мёртвых. Участники этого движения сопротивления колонизаторам, так же как и участники Пляски Духов, полагали, что лишь те, кто участвуют в особых ритуальных танцах, выжи-вут в надвигающемся природном катаклизме [6,98-111;10,160-161].

Схожие процессы мы можем наблюдать в ге-теротопных пространствах английского и француз-ского плантационного хозяйства на карибских ост-ровах и прежде всего на Ямайке. Для обеспечения рабочей силы на плантациях европейцы вынуждены были привозить сюда в огромном количестве афри-канских рабов. В замкнутом мире, отгороженном стеной непонимания от мира белых, начали возникать свои законы, свои лидеры, стремящиеся к вла-сти внутри этого общества. И нет ничего удивитель-ного в том, что главным критерием «авторитета» оказывается способность связываться с миром ду-хов и умение управлять силами природы.

Примечательно, что эта связь со сверхъесте-ственным миром стала основным орудием борьбы не только внутри негритянского общества, но и спо-собом этнической идентификации и даже орудием борьбы с белыми угнетателями. Различные вновь возникшие культы (мьял, практика Обеа и т.д.) ока-зались вполне удачным механизмом сплочения аф-риканцев в борьбе против белых, да и сами белые в

итоге начали обращать внимание на этот аспект их культурной и политической борьбы и предприни-мали самые активные действия для уничтожения по-добных предрассудков, как они их называли.

Как и в случае с шаманами Сибири и Аме-рики, мы наблюдаем некоторую дихотомию в пред-ставлениях белого человека о «способностях» афри-канских рабов. С одной стороны, культы африкан-цев определяются «цивилизованными людьми» че-рез «предрассудки», но с другой стороны, они легко объявляются магией, колдунам приписываются сверх способности, а ученые пытаются проверять с помощью современной техники их способности.

Все эти представления свидетельствуют об универсальности этого образа, получившего назва-ние Magic Negro[15,35]. Magic Negro, как и Magic Indian, - по сути два варианта одного и того же Чу-жого – загадочного, непонятного, пугающего, и од-нозначно связанного с миром сверхъестественного.

При всей вариативности образов Чужого во фронтальных пространствах, их роднит следующее: помещая Чужого в маргинальное пространство су-ществования и дегуманизируя его, переводя его за рамки человеческого бытия, цивилизованный чело-век ставил Чужого или на уровень животного, или на уровень сверхъестественного существа, по-скольку и первое, и второе оказывалось по другую сторону от бытия западного человека. Было бы не-верно полагать, что подобная тенденция была харак-терна лишь для Нового времени. Новейший период и культура XX-XXI вв изобилует схожими образами и схожими представлениями о магическом Чужаке.

Наша рефлексия по отношению к Чужому, при всем многообразии и различиях субъектов, очень часто не столь уж разнообразна, как нам ка-жется. И в научной, и в обыденной рефлексии столк-новение с Чужим в гетеротопных пространствах приводит нас к некоему страху и неуверенности от появления этого Чужого, непонятного, да и просто иного, и стремления «потребить» его в самых раз-личных формах: «присвоить» его еду, его одежду, его верования, и даже его тело. Причем мотивы ути-лизации его физического тела могут быть самые раз-ные: от примитивных военных трофеев, до черепов, костей, или тел целиком, «востребованных» нам с научными целями.

Список литературы.

1. Васильев В.Н. Краткий очерк инородцев се-вера Туруханского края: (описание болез-ней: эмирячение и „мэнэрик“ среди якутских женщин) // Ежегодник Русского Антрополо-гического общества. СПб., 1905-1907. - Т.2

2. Гомер. Одиссея. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1953.
3. Державин Н.С. Сборник статей и исследований в области славянской филологии. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1941.
4. Кенин-Лопсан М.Б. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX — начало XX в. Новосибирск: Наука, 1987.
5. Махабхарата. Адипарва. Книга первая. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
6. Михайловский В.М. Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки / Шаманство. Сравнительно-этнографические очерки. Выпуск 1. 1892
7. Мицкевич С. И. Мэнерик и эмиряченье. Формы истерии в Колымском крае. Материалы комиссии по изучению Якутской АССР. Вып. 15. Л.: Изд-во АН СССР, 1929 г
8. Откровение Черного Лося. М.: Сфера, 1997.
9. Apollodorus. Gods and Heroes of the Greeks: The Library of Apollodorus. Amherst: The University of Massachusetts Press, 1976.
10. Castro-Klaren S. Dancing and the Sacred in the Andes: From Taqui Oncoy to Rasu Niti. // New World Encounters. ed. Greenblatt S. Berkeley: University of California Press, 1993. pp. 156-175.
11. Gose P. Invaders as Ancestors: On the Intercultural Making and Unmaking of Spanish Colonialism in the Andes. Toronto: University of Toronto Press, 2008.
12. Grignard F. A. The Oraons and Mundas: From the Time of Their Settlement in India. (An Essay of Constructive History) // Anthropos, Bd. 4, H. 1. (1909), Pp. 7-9
13. Hardorff, R. G. Cheyenne Memories of the Custer Fight. Lincoln: University of Nebraska Press, 1995.
14. Leahy, T., Wilson, R. The A to Z of Native American Movements. Metuchen: Scarecrow Press, 2009.
15. Marvin, J. D. Race, Sex, and Suspicion: The Myth of the Black Male. Westport: Praeger Publishers, 2005.
16. Neihardt, J.G. The Sixth Grandfather: Black Elk's Teachings Given to John G. Neihardt Bison Books, 1985.
17. Taagepera, R. The Finno-Ugric Republics and the Russian State. NY: Routledge, 1999.

Жульков Михаил Вячеславович

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСТОЧНОГО ПУТИ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Ивановский государственный университет, кандидат философских наук, доцент

SOME FEATURES OF EAST SELF IMPROVEMENT
Zhulkov Mikhail Vyacheslavovich, Ivanovo State
University, Ph.D., Associate Professor

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена индийской философии сознания и проблеме соотношения сознания и энергии. Автор приходит к выводу, что учение о высших состояниях сознания и путях их достижения, о тождестве энергии (праны) и сознания имеет теоретическую и практическую ценность для современного мира, для философии сознания.

ABSTRACT

This article is dedicated to the Indian philosophy of consciousness and the problem of the relation of

consciousness and energy. The author comes to the conclusion that the doctrines of the higher states of consciousness and ways of achievement them, the identity of the energy (prana) and consciousness has theoretical and practical value to the modern world, for philosophy of consciousness.

Ключевые слова: индийская философия, учение йоги, Атман, самадхи, Высшее Я, сознание, энергия.

Keywords: Indian philosophy, the teaching of yoga, Atman, Samadhi, the Higher Self, consciousness, energy.

В современном мире, находящемся в состоянии кризиса и поиске путей дальнейшего развития, все большую значимость приобретают древневосточные учения о сознании и совершенствовании человека. Распространение теоретических и практических методов саморазвития на Западе поможет преодолеть существующий кризис и выйти на новый уровень развития всей современной цивилизации. Данные тезисы посвящены некоторым особенностям восточного пути самосовершенствования человека.

Древнеиндийское учение о сознании констатирует наличие четырех основных стоп (видов) сознания, которые в конечном счете являются видоизменениями сознания индивидуализированной духовной сущности человека – Атмана. Первая стопа – бодрствующее внешнее сознание, вторая – внутреннее сновидческое сознание, третья – глубокий сон, «чье лицо – мысль» [4, с. 201], четвертая стопа – сознание самого Атмана, сущность «постижения единого Атмана» [там же], «растворение проявленного мира» [там же, с. 202].

Для достижения освобождения необходимо достижение четвертой стопы сознания – турья (самадхи). Длительный и по необходимости ступенчатый процесс развития индивидуального сознания основан на мышлении как главном средстве достижения единения. Когда сознание становится концентрированным и однонаправленным, практикующий останавливает процесс мышления и переходит к созерцанию, в процессе которого сознание поднимается выше, преодолевая ограничения ума. Конечной целью является сначала единение с индивидуальным Атманом, а затем с Абсолютным сознанием: всеобщим Атманом и Брахманом в Упанишадах, Кришной в Бхагавадгите, Буддой в буддизме, Дао в даосской йоге. Главные характеристики Абсолютного сознания – единство и самодостаточность, отсутствие субъект-объектных различий.

Восточная философия утверждает наличие двух центров сознания человека – двух я, двух самосознаний – эмпирического я личности и Высшего Я души, что является удивительным и трансцендентным по отношению к здравому смыслу. Личностное я считается иллюзорным и ложным, именно его нужно преодолеть и соединить с Высшим Я [2, с. 64–68]. С точки зрения перечисленных состояний (стоп) сознания задача эволюции сводится к синтезу, объединению различных типов сознания личности (бодрствующего, сновидческого, глубокого сна) и к соединению личностного сознания и сознания Высшего Я (турья, самадхи). Тогда начинается

новый этап эволюции человека – планетарный и космический.

Самадхи (четвертое состояние сознания, сознание Высшего Я) трансцендентно по отношению к трем предыдущим состояниям, которые естественным путем сменяют друг друга в течение суток. В «Мандукья упанишаде» сказано: «6. Это всеобщий правитель, это всезнающий, это внутренний правитель, это источник всего, начало и конец существ. 7. Не познающей внутреннего, не познающей внешнего, не познающий обоих, не пронизанной лишь познанием, не являющейся ни познанием, ни непознанием, невидимой, неизреченной, неуловимой, неразличимой, немислимой, несказуемой, сущностью постижения единого Атмана, растворением проявленного мира, успокоенной, приносящей счастье, недвойственной – считают четвертую стопу. Это Атман, это надлежит распознать» [4, с. 202]. Так сознание Атмана пронизывает весь мир, находясь вне и выше мира. Отсюда соотношение между бодрствующим сознанием и сознанием Высшего Я можно проиллюстрировать как соотношение между точкой и бесконечностью. Трудности единения состоят в том, что точка должна принять бесконечность, при этом она должна быть достаточно сильной, чтобы в ней не раствориться.

Далее следует отметить, что самадхи делится на два вида: самадхи с объектом и самадхи без объекта. «Неполное самадхи» не достигает Высшего Я и имеет четыре видоизменения, с помощью которых человек приобретает власть над силами природы [3, с. 84]. Полное Самадхи (самадхи без объекта, или без остатка) дает свободу, в этом состоянии Читта (материя мысли) «удерживает только непроявленные впечатления» [там же, с. 86].

При переходе к высшему состоянию сознания необходимо перевести ум из состояния активного мышления в состояние созерцания. При этом сознание входит в зону невосприятости или тьмы, чтобы затем выйти на уровень расширенного сознания, что идентично увеличению света.

Окончательное освобождение души наступает при достижении высшей стадии самадхи. Вивекананда пишет: «Только достигший правильно различающего знания сущностей и отрехшийся от плодов его, приходит, вследствие совершенного распознавания, к Самадхи, называемой облаком добродетели» [3, с. 145].

В соответствии с философией йоги, для развития сознания только теоретического познания недостаточно, необходимо овладение потоками энергии в собственном теле. Учение йоги опирается на учение о жизненной энергии (пране), пронизывающей

весь космос и оживляющей его. Прана содержит два вида энергии – жизненную энергию и энергию сознания. С помощью дыхательных упражнений человек насыщает праной свой организм, о чем подробно излагает четвертая ступень восьмеричного пути йоги. Тибетский тантризм утверждает доктрину «тождественности Энергии и Сознания» [5, с. 28].

В соответствии с этим системы совершенствования имеют два основных пути: путь понимания и путь набора энергии (через упражнения). В «Бхагавадгите» читаем: «На этом свете есть двоякий путь, как мною было сказано и ранее, о безгрешный: единение Санкхьяиков через познание и единение Йогов через действие» [2, с. 41]. Эти два пути не противоречат, а скорее дополняют друг друга. В тибетском буддизме также два основных пути: путь без формы, основанный на понимании (Махамудра), и путь с формой, энергетическая практика шести доктрин [5, с. 28–29].

Путь понимания соединяет мозг непосредственно с интуитивным и атмическим телом, а затем высшее сознание овладевает психическими силами.

Второй (энергетический) путь предполагает движение снизу вверх, и с помощью увеличения энергии постепенное и последовательное подчинение каждого тела сознанию: сначала подчиняется физическое тело, затем следует овладение потоками энергии в теле, на следующей ступени происходит подчинение желаний, далее – обучение процессу остановки мысли, подчинение ментального тела.

Так мы видим взаимосвязь энергии и сознания: растущая энергия приводит к расширению сознания, а углубление понимания приводит к увеличению энергетических возможностей.

Путь саморазвития описан в четвертой школе индуизма – школе йоги, а также в буддизме. Среди основных произведений Раджа (высшей, королевской) йоги – «Йога сутры» Ш. Патанджали [1; 3] и «Бхагавадгита» [2]. Если обратиться к метафоре по-

тока, то путь йоги позволяет пересечь поток «сансарической» жизни и достичь другого берега – берега духовной жизни (нирваны). В этом процессе человек достигает целостного сознания своими собственными усилиями.

Таким образом, важным вкладом восточной философии в учения о человеке и сознании является учение о высших состояниях сознания и практических путях их достижения. Идеалом индийской философии является освобождение души от перевоплощения путем достижения четвертого состояния сознания – турия (самадхи), соединяющей личностное самосознание с Атманом, Высшим Я. Мышление является главным средством достижения такого единения.

Учение йоги провозглашает взаимосвязь и тождество сознания и энергии (праны), что используется в практике достижения высших состояний сознания. Расширение сознания приводит к последующей энергетизации и возможности управления энергией. Увеличение энергии с помощью специальных упражнений приводит к расширению сознания.

Литература:

1. Бейли А. А. Свет Души (Пересказ Йога Сутр Патанджали). М.: Издательство «Навна-3», 2000. 384 с.
2. Бхагавад-Гита, или Песнь Господня. К.: «София», 2000. 160 с.
3. Свами Вивекананда. Афоризмы Патанджали (с комментариями) // Сахаров Б. Открытие третьего глаза. К.: «Пресса Украины», 1993. 256 с.
4. Упанишады. В 3-х книгах. Книга 2. Пер. с санскрита, предисловие и комментарии А. Я. Сыркина. М.: Наука, 1991. 336 с.
5. Эванс-Вентц У. Й. Тибетская йога и тайные учения: Пер. с англ. Самара: Агни, 1998. 624 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Даньшин Александр Владимирович

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ ТРАДИЦИОННОГО КИТАЯ

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Кемерово

MEDIATION INSTITUTE IN SYSTEM CIVIL-LEGAL RELATIONS OF TRADITIONAL CHINA

Danshin Alexander, Ph. D. in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Plekhanov Russian University of Economic s (Kemerovo branch), Kemerovo, Russian Federation.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена характеристике основных общественных институтов по урегулированию споров гражданско-правового характера в императорском Китае. Автор считает, что институт медиации являлся наиболее распространённой и самой предпочтительной формой при разрешении имущественных конфликтов частного характера. Чаще всего к медиаторам, по мнению автора, обращались купцы, поскольку законодательство и судебная система не гарантировали исполнения должниками своих договорных обязательств.

ABSTRACT

The Article is devoted to the characteristic of the basic public institutes on settlement of disputes of civil-law character in the imperial China. The author considers that the mediation institute was the most widespread and most preferable form at the permission of property conflicts of private character. According to the author the merchants addressed more often to mediators as the legislation and the judiciary system did not guarantee the execution by debtors of their treaty obligations.

Ключевые слова: медиация, традиционный Китай, купечество, органы социального посредничества.

Keywords: mediation, traditional China, the merchants, bodies of social intermediation.

В современный период глобализации мировой экономики, отличительной чертой которого является выход Китая на один из самых передовых её рубежей, исторический опыт этой страны по использованию негосударственных институтов в области ре-

гулирования гражданско-правовых отношений, может быть чрезвычайно полезным. Институт медиации в традиционном Китае уходит своими корнями ещё к временам первой китайской империи Цинь (221-206 г. до н. э.), хотя наибольшее развитие он получает в период династий Мин (1368-1644 гг.) и Цин (1644-1911 гг.) [8, р. 6]. В соответствии с конфуцианскими представлениями об идеальном государстве, любые личные тяжбы имущественного характера должны улаживаться самими конфликтующими сторонами с привлечением, в случае необходимости, различных общественных институтов, единственной целью которых должно быть социальное примирение. И только когда примирение не достигнуто, а конфликт ещё более разгорается, роль арбитра может взять на себя государство. Это было закреплено, например, в Кодексе династии Мин, который установил в качестве обязательного условия обращения частных лиц в суд по гражданским спорам, предварительное рассмотрение их органами общественного посредничества [7, с. 332].

В зависимости от особенностей традиций и обычаев населения в различных регионах китайской империи, существовало достаточно большое разнообразие общественных структур, осуществляющих различные формы посредничества и урегулирования в гражданских правоотношениях. Первым звеном, куда власть делегировала полномочия в решении споров по «незначительным вопросам» (как официально называли гражданско-правовые споры частного характера), являлись род или клан. Старейшины рода или совет старейшин клана по вопросам наследования, раздела, дарения или продажи различного имущества, в том числе недвижимого, а также ссуды, аренды и найма выступали, как правило, в качестве суда первой и последней инстанции. Все решения, которые они принимали на основе местных обычаев и обычного права, должны были исполняться сторонами добровольно, и не было никаких реальных рычагов (кроме морально-этических) по принуждению к их соблюдению.

Власть старейшин, однако, не была в клане единственной, и стороны конфликта могли обратиться к другим посредникам. Чаще всего это были сельские старосты (*цзлао*), или сельские полицейские (*тибао*). Старостами избирали самых уважаемых и авторитетных старейшин клана, которые, должны были так же, как правило, иметь учёную степень, присвоенную им по результатам успешной сдачи единого государственного экзамена. Значительно большее распространение институт сельских старост имел на севере Китая, где слабее были клановые связи. При вынесении своих решений, кроме обычного права, особенно если спор касался вопросов сельской торговли, староста применял также нормы обычного делового оборота. Авторитет старосты как посредника усиливался тем, что окружной судья нередко передавал ему для рассмотрения часть поступивших в местные государственные учреждения жалоб. Такие же функции при разрешении гражданско-правовых споров выполняла и «система *баоцзя*», то есть общегосударственная система организации коллективной ответственности, охватывающая все сельские районы страны. Основанная на жёстком иерархическом принципе перевёрнутой пирамиды, внизу которой было объединение их десяти, а наверху тысячи семей, она предназначалась для всеобщего государственного контроля над населением страны, позволяя эффективно контролировать поступление налогов, выявлять преступников, а также участвовать в исполнении решений судов и общественных институтов посредничества. Специально для помощи при спорах в связи с договорными обязательствами, существовал институт особых посредников (*чжунжэнь*), который являлся обязательным звеном практически любого гражданско-правового договора, в том числе в сфере торговой деятельности. Именно к нему, в случае конфликта, и обращались, в первую очередь, участники договора, поскольку под ним стояла и его подпись, как гаранта защиты добросовестной стороны исполнения договорных обязательств. В зависимости от конкретной ситуации, он мог выступать или в качестве посредника-медиатора, или поручителя, или нейтрального «третьего свидетеля», хотя у участников договора могли быть и другие свидетели, представляющие интересы только одной из сторон. Заметную роль при разрешении различных частных конфликтов играли местные представители сословия *шэньши*, одним из определяющих признаков которого являлось наличие одной из учёных степеней (*сюцай*, *цзюйжэнь* или *цзиньши*), которые присваивались по результатам единых государственных экзаменов, подтверждая тем самым блестящие знания в области конфуцианского учения. Не имея даже какой-либо общественной должности,

они обладали среди односельчан огромным авторитетом, сравнимым подчас с авторитетом чиновников *ямэней*. К *шэньши* обращались не только за помощью при составлении письменных договоров, ходатайств, судебных исков но, также, в качестве своеобразных адвокатов (так называемых «обманщиков тяжбы») или авторитетных медиаторов [9]. Своеобразным связующим звеном между общественным и государственным посредничеством являлся институт выбранных общиной и утверждённых местным судьёй *сянбао*, под началом которого находилось около двадцати сёл, в которых он выполнял посредническую роль или, по поручению судьи, собирал необходимые по делу материалы, а также занимался поиском и приводом в суд ответчиков. Результатом его действий могла стать даже приостановка судебного разбирательства, если выяснялось, к примеру, что иск вполне мог быть разрешён на уровне одного из множества институтов социального посредничества.

К медиаторам чаще всего обращались с семейным имущественными спорами, а также по вопросам, связанным с договорными обязательствами, в том числе вытекающими из профессиональной деятельности купечества. Несмотря на то, что судебные издержки по гражданским делам не были особо обременительными даже для людей средних сословий, иски которых по таким вопросам занимали не менее одной трети всех судебных разбирательств в *ямэнях* местного уровня, купцы в суды, как правило, не обращались, предпочитая решать свои проблемы с помощью примирительных процедур, не выходя за рамки своей корпоративной этики [См. подробнее: 2]. Анализ протоколов разбирательств по гражданским делам местными судами периода цинской империи показал, что почти 40 % истцов были крестьяне и лишь около 7 % купцы [11, р. 4]. Купцы знали, что судьи, исходя из конфуцианских представлений о справедливости, гуманности и социальной гармонии, всегда изначально были настроены на поиск компромисса и примирение сторон, что в вопросах, например, взыскания долга, никак не могло их устроить. Материалы судебных дел показывают, что судьи удовлетворяли имущественный иск, в лучшем случае, лишь на две третьих, даже если требования кредиторов были обоснованы, и в ходе судебного заседания полностью доказаны [6, р. 99-102, 107]. Кроме этого, даже вопреки прямому указанию закона, который предписывал судьям имущественными спорами частных лиц заниматься лично [12, р. 258-259], нередко по собственной инициативе, особенно если сторонами конфликта были родственники, они передавали гражданские иски на рассмотрение органов социального посредничества. На

один из неофициальных мотивов, которым руководствовались при этом судьи, указывал известный цинский юрист Ван Хуэйцзу, подчёркивая, что следствием судебного решения может оказаться то, что «проигравшая сторона, вероятно, будет постоянно питать злобу, и обе стороны останутся враждебными друг к другу в течение долгого времени, в отличие от сердечного решения, которое может быть достигнуто только через посредничество друзей или семьи» [Цит. по: 10, р. 205-206]. Помимо морально-этических побуждений у судей имелись и правовые основания для отказа в рассмотрении дела, среди которых могло быть отсутствие необходимых документов или несоответствие действительности сведений, содержащихся в исковом заявлении. В последнем случае судья мог также гражданское дело перевести в разряд уголовного, что грозило истцу серьёзными последствиями. Подобная перспектива уголовного преследования могла заставить и самого истца отозвать из суда заявление, так как судебные издержки могли его полностью разорить. Даже если у сторон конфликта и не было оснований опасаться перевода гражданского дела в уголовное, один только факт принятия иска к рассмотрению в суде, побуждал их, как правило, к возобновлению внесудебных примирительных процедур с участием различных посредников [11, р. 273-274].

Кроме этого, существующие в традиционном Китае кодексы имели ярко выраженный уголовно-правовой характер, и предусматривали для должника, чаще всего, лишь телесные наказания от 10 до 100 ударов бамбуковыми палками [5, с. 26-26; 3, с. 187-188]. В случаях задержки выплат по крупным ссудам на срок более ста дней, танский кодекс (ст. 398) устанавливал один год каторжных работ [5, с. 27], а цинское право тюремное заключение «до тех пор, пока кредитор не получит полного удовлетворения» [1, с. 302]. Специальными законодательными актами периода Тан (618-907 гг.) разрешалось также использовать принудительный труд должника и, даже, налагать арест на его имущество, однако последующие династии от этого отказались [4, р. 8-9]. Уголовные наказания в виде палочных ударов, являвшиеся в течение многих веков фактически единственным официальным способом принуждения должника к выполнению своих имущественных обязательств, не гарантировали возвращения ни самого кредита, ни, тем более, процентов по нему.

Отсутствие реальной перспективы добиться с помощью суда исполнения сторонами своих договорных обязательств делало именно медиационные средства наиболее предпочтительной и самой распространённой формой рассмотрения широкого спектра различных гражданско-правовых споров, что не могло не оставить глубокий след в сознании

многих поколений жителей Поднебесной. Даже в современном Китае, как отмечает ряд исследователей, «социальное посредничество является одним из самых поразительных аспектов китайских обычаев, одной из отличительных особенностей китайской (и жителей восточной Азии) юридической традиции, когда, сталкиваясь со спором, первым выбором большинства китайцев становится обращение к посредничеству» [13, р. 11].

Литература:

1. Алабастр Е. Заметки и комментарии на китайское уголовное право, составленные Е. Алабастром по материалам, собранным сэром Чалонер Алабастром, бывшим генеральным консулом в Китае. Пер. с англ. А. Д. Дабовского. Владивосток, 1903. 310 с.
2. Даньшин А. В. Кодексы профессиональной этики купечества как источник торгового права традиционного Китая // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 2 (8). С.131-137.
3. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Ч. 2. Пер. с кит., исслед., примеч. и прилож. Н.П. Свистуновой. М.: Восточная литература, 2002. 408 с.
4. Ниида Нобору. Исследование по истории китайского законодательства (Тюоку хосэй си кэнкю). Т. 2. Законы о земле и законы о сделках. Токио, 1961. 542 с.
5. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цз. 26-30. Пер с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2008. 416 с.
6. Brockman Rosser H. Commercial contract law in late nineteenth-century Taiwan / Essays on China's Legal Tradition. Princeton (New Jersey), 1980. P. 76-135.
7. Chan Peter C.-H. The Enigma of Civil Justice in Imperial China: A Legal Historical Enquiry // Maastricht Journal of European and Comparative Law, 2012, vol. 19, № 2. P. 317-337.
8. Clark Hugh R. Community, Trade, and Networks: southern Fujian Province from the third to the thirteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 266 p.
9. Henderson D.-F., Torbert P. M. Traditional Contract Law in Japan and China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lfip.org/lawe506/documents/torbert.pdf> (дата обращения: 15.09.2014).
10. Huan Philip C. C. Civil Justice in China. Representation and Practice in the Qing. Stanford: Stanford University Press, 1996. 288 p.

11. Huan Philip C. C. Chinese Civil Justice, Past and Present. Lanham, Boulder, New York, Toronto, Plymouth (UK), 2010. 297 p.
12. Huan Philip C. C. Between Informal Mediation and Formal Adjudication: The Third Realm of Qing Civil Justice// Modern China. 1993, Vol. 19, № 3. P. 251-298.
13. The history and theory of legal practice in China: toward a historical-social jurisprudence. Edited by Philip C. Huang, Kathryn Bernhardt. Los Angeles, Leiden (Netherlands), Boston: Brill. 2014. 440 p.

Гладкова Юлия Павловна

ПОЛОЖЕНИЕ МЕКСИКАНСКИХ МИГРАНТОВ НА ТЕРРИТОРИИ США

*магистр истории, аспирант исторического факультета
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск*

STATUS OF THE MEXICAN MIGRANTS IN THE UNITED STATES

Gladkova Yulia Pavlovna, MA in History, postgraduate student at History Department of Omsk F.M. Dostoevsky State University, Omsk

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме миграции и положению мигрантов в новых условиях на территории другого государства на примере мексиканцев, проживающих в США. Одним из способов по преодолению проблем являются объединения, которые определяются как клубы, в рамках которых выходцы из Мексики оказывают поддержку согражданам. Благодаря именно этим объединениям, мигрантам удается бороться за свои права, а так же сохранять свою культуру. Данные приводятся на основе анализа работ американских и латиноамериканских исследователей, а так же статистических данных.

ABSTRACT

This article is dedicated to the problem of migration and migrants' status in new condition at the territory of other state based on the example of Mexicans living in the USA. One of the ways to overcome the problems is associations that are defined as clubs where immigrants from Mexico provide support to fellow citizens. Thank to these associations, migrants manage to fight for their rights, as well as to preserve their culture. This data is given on the basis of analysis of the works of American and Latin American researchers, as well as statistical data.

Ключевые слова: миграция, клубы мигрантов.

Keywords: migration, migrant's clubs.

В современном глобализирующемся мире можно наблюдать две противоположные тенденции: с одной стороны, государственные границы становятся с каждым днем все прозрачнее, а с другой – наоборот превращаются в непреодолимые стены. Вторая тенденция наиболее ощутима в свете мировых миграций, что можно проследить на примере развития отношений между Соединенными Штатами Америки и Мексикой. Данные страны являются примером двух государств, с различным положением на мировой арене, двух наций, говорящих на разных языках, принадлежащих различным культурам и системам ценностей. Мировой лидер и развивающееся государство связаны одной из наиболее протяженных сухопутных границ (3,141 км²) и договором НАФТА. Все это является причинами того, что миграционный аспект между этими странами был и остается наиболее болезненным вопросом. [1. P. 21-22].

О трудностях, связанных с миграцией пишут многие мексиканские исследователи, например Д. Маселья и М. Герреро-Собекторые: «мексиканская миграция в Соединенные Штаты в настоящее время порождает серьезные проблемы, с которыми сталкиваются обе страны. Это проблема легализации своих прав, проблема трудоустройства, проблема оказания медицинских услуг мигрантам...» [2. P. 10-13]. Авторы подчеркивают тот факт, что мексиканская иммиграция стала важным вопросом для политики Соединенных Штатов. Споры и дебаты включают вопросы по экономическим, политическим, социальным и культурным правам человека, которые стоит или не стоит предоставлять мигрантам» [2. P. 14]. Исследователи Грасиела Ороско, Эстер Гонсалес и Роджер Диас де Коссио пишут: «Нашим соотечественникам до сих пор приходится бороться в обществе за свои права, так как американское общество не готово уважать их как равных» [2. P. 7].

Одной из проблем, которую приходится преодолевать мексиканцам в США, является институализация «своих» организаций, поскольку именно эти организации служат для мигрантов хоть какой-то гарантией того, что в рамках данных организаций они могут удерживать в своих руках «контроль над своей судьбой» [2.Р. 3-6]. Организации, создаваемые мигрантами (в дальнейшем – клубы), были и остаются направленными на создание сплоченности среди земляков, на оказание взаимоподдержки на время пребывания на территории США, а также, на сохранение мексиканской национальной идентичности. Со временем эти клубы создавались на постоянной основе, их основной деятельностью было сохранение и поддержание чувства национальной гордости, а также укрепление процесса интеграции между всеми объединениями [7. Р. 439].

Необходимо отметить, что мексиканская диаспора, как и в целом латиноамериканская, не представляет собой единую сплоченную массу, она скорее состоит из уровней и подуровней, на которых существуют упомянутые выше клубы, решающие общие вопросы, а уже взаимоотношения между этими объединениями и создает некое единство всей диаспоры.

Благодаря активности диаспоры, представляемой клубами, вносятся корректировки в деятельность мексиканских консульств, для которых одной из наиболее значимых задач, на сегодняшний день, является признание в США особого идентификационного удостоверения мексиканского гражданина,

дающего возможность открывать банковский счет и осуществлять денежные переводы, таким образом, облегчая положение мексиканских мигрантов на территории США.

Можем сделать вывод, что создание совместных организаций, помогает мигрантам и в частности мексиканцам справляться с трудностями, возникающими при пересечении государственной границы, в плане решения миграционных задач и задач трудоустройства на новой территории, в плане сохранения своей культуры, а также помогают в этих вопросах вновь прибывшим соотечественникам.

Список литературы

1. Abraham F. Lowenthal, Katrina Burges. La conexión México California. México, 1995. 282 p.
2. Garciela Orozco, Esther González, Roger Días de Cossío. Op. cit. 480 p.
3. David Maciel, María Herrera-Sobek. Cultura al otro lado de la frontera. México, 1999. 458 p.
4. Directorio Organizaciones <http://www.ime.gob.mx/DirectorioOrganizaciones/>
6. Jonathan Fox. Ciudadanos binacionales. México, 2011. 315 p.
7. Rafael Fernández de Castro. La diáspora mexicana: retos y oportunidades. reforma.com
8. Leon Calderón. El estudio de la dimensión política dentro del proceso migratorio. México, 2006. 234 p.

Христенко Дмитрий Николаевич

«МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ» США: ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*канд. ист. наук, преподаватель кафедры истории и философии
Ярославской государственной медицинской академии, г. Ярославль*

“THINK TANKS” OF THE USA: ORIGIN, MISSION AND EVOLUTION OF WORK

*Khristenko Dmitrii, Candidate of Science (Ph.D.),
lecturer of Yaroslavl State Medical Academy, Yaroslavl,
Russian Federation*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена истории возникновения и функционирования научно-исследовательских центров в США. В работе дается классификация «мозговых центров», описывается их идеологическая

направленность, рассматривается влияние центров, как прямое, так и косвенное, на процесс принятия решений американскими властями. В результате делается вывод о значимой роли «мозговых центров» в научной и политической жизни Соединенных Штатов.

ABSTRACT

Article is devoted to the history of emergence and function of the scientific-research centers in the USA. Classification of «think-tanks», their ideological

orientations, both direct and indirect influence on decision-making process by the American authorities is given in paper in detail. As a result makes the conclusion about significant role of «think-tanks» in scientific and political life of the United States.

Ключевые слова: «мозговые центры», США, эксперты, Конгресс.

Keywords: «think tanks», USA, experts, Congress.

Уникальным явлением в общественно-политической жизни Соединенных Штатов XX века стали так называемые «мозговые центры» или «фабрики мысли», обозначаемые в английском языке словосочетанием «think tanks». Основная ниша, где действуют «мозговые центры» – это пространство между академическим миром с одной стороны, и структурами власти с другой. В академиях и университетах научно-исследовательская работа традиционно определяется сложными теоретическими моделями, зачастую довольно абстрактными и далекими от насущных проблем. В органах государственного управления чиновники, наоборот, не имеют времени и возможностей для анализа обстановки в целом. Поэтому основная функция «фабрик мысли» – восполнять разрыв «между миром идей и миром действий» [8, С. 40], создавать и распространять знания, предназначенные для конкретного применения на практике.

Первые мозговые центры появились США в период политики реформизма 1900-1917гг., осуществлявшейся президентами Рузвельтом и Вильсоном. Их задачей стала выработка необходимой программы действий для решения усугублявшихся проблем бедности и неравенства в индустриальном обществе. Впервые на себя эту функцию взял основанный в 1907 году Фонд им. Расселла Сейджа, финансировавший проведение специальных общественно-научных исследований. Их целью, в частности, было перевести на профессиональную основу социальную помощь, разработать необходимое законодательство, создать организации, деятельность которых была бы направлена на удовлетворение конкретных нужд населения [7, С. 67].

Большую известность «мозговые центры» получили и в сфере внешней политики. Развитию «фабрик мысли», специализировавшихся на вопросах международных отношений, способствовало

начало Первой мировой войны, вызвавшее внутри страны дебаты о роли и месте Соединенных Штатов в мире. В результате в 1918г. появилась Американская внешнеполитическая ассоциация, а через три года возник, ставший позднее весьма знаменитым, Совет по международным отношениям США [1, С. 102]. Стоит упомянуть и о создании влиятельного Института Брукинга, который сформировался в 1927г. путем объединения нескольких школ государственного управления и экономики.

С течением времени роль «мозговых центров» лишь продолжала возрастать. Практически сразу после победы над гитлеровской Германией начинается противостояние между Москвой и Вашингтоном, требовавшее от сторон вдумчивого и беспристрастного анализа ситуации на международной арене. Наибольшую известность в это время получает основанная в 1946 году корпорация РЭНД. Ее несомненной заслугой стали инновационные разработки в области системного анализа и теории игр, формирование новой стратегии безопасности США [7, С. 68]. О весомой роли «фабрик мысли» в сфере внешней политики США свидетельствовали достижения и других центров. Например, Институт Брукинга выступил как один из главных разработчиков «плана Маршала», ставшего основой послевоенного экономического возрождения Европы [1, С. 103].

Начиная с 60-х годов XX века и до сегодняшнего дня, формируется следующее поколение «мозговых центров». Они в отличие от своих предшественников вновь направили основной массив исследований на изучение экономического и социального положения внутри Соединенных Штатов, обращая особое внимание на решение «проблем городов». Среди подобных центров можно выделить «Фонд Наследие», «Институт исследования проблем бедности», «Институт городских проблем» и др.

Во многом возникновение «мозговых центров» данной направленности было вызвано критической ситуацией в сфере городского управления, ярко описанной бывшим помощником президента Линдона Джонсона, Джозефом А. Калифано-младшим: «Горькая правда состоит в том, что правительственный чиновник США принимает решения, начать ли, прекратить или расширить огромные социальные программы, основываясь скорее на своей

собственной интуиции, как это делает вождь племени далекой Африки, а, не исходя из тщательно обработанных и полных данных...»[4, С. 312].

При этом стоит отметить, что помимо различной сферы деятельности, «мозговые центры» отличаются и по своей политической ангажированности: их можно разделить на либеральные, консервативные и центристские. К либеральным «мозговым центрам» относится Центр по правовым вопросам и социальной политике и Фонд Карнеги, к консервативным – Фонд «Наследие» и Фонд Като, к центристским – Институт Брукинга [7, С. 83-84].

На протяжении последнего десятилетия, до прихода к власти либеральной администрации Б. Обамы, наибольшим влиянием на Белый Дом пользовался, консервативный Фонд «Наследие». Он был создан в 1973г. и первоначально представлял собой маловлиятельную организацию, размещавшуюся в одном из бедных районов столицы. Однако в период сдвига вправо и перемен в политическом климате США в конце 1970-х годов, фонд постепенно расширил свое влияние и в 1980г. переехал в новое здание, расположенное недалеко от Конгресса США [3, С. 138].

Общее руководство фондом и разработку стратегии деятельности осуществляет совет попечителей, в состав которого входят люди, влиятельные как в научной, так и в политической элите Соединенных Штатов. Так первый президент фонда Эдвин Фулнер ранее был исполнительным директором исследовательской комиссии фракции республиканцев в Палате представителей и доверенным лицом бывшего министра обороны США М. Лейрда [3, С. 139].

С момента своего основания фонд установил тесные связи с прорейгановским крылом Республиканской партии. После президентских выборов 1980г. в стенах Фонда «Наследие» был подготовлен обстоятельный доклад (1100 страниц): «Мандат на лидерство: Управление политикой в консервативной администрации», представлявший собой детально разработанную программу проведения внутренней и внешней политики США, содержащую более 2 тысяч конкретных требований и рекомендации для республиканской администрации.

Неслучайно, что вскоре некоторые сотрудники Фонда «Наследие» оказались на влиятельных постах в аппарате Белого дома, а сам руководитель

этого «мозгового центра» Э.Фулнер неоднократно приглашался для консультаций лично к президенту США.

В целом, высокий уровень влияния американских «мозговых центров» на процесс принятия внутри-и-внешнеполитических решений обусловливается тем, что:

Во-первых, «центры» продуцируют новый интеллектуальный продукт в виде свежих идей, концепций, теоретических подходов к вопросам внешней и внутренней политики, которые могут оказывать самое сильное влияние на курс Соединенных Штатов на мировой арене и внутри страны. Сотрудники «фабрик мысли» активно используют для популяризации своих идей университетские и академические площадки, различные круглые столы и форумы, регулярно выступают в масс-медиа. Это особенно важно, учитывая, что в США считается, что как внутренняя, так и «внешняя политика может быть эффективной лишь при наличии поддержки со стороны общественного мнения» [5, С. 7].

Во-вторых, сотрудники «центров» выступают в качестве компетентных специалистов и экспертов на слушаниях в комитетах Конгресса и правительственных комиссиях, то есть активно взаимодействуют с законодательной и исполнительной ветвями власти США. Не обремененные официальными должностями аналитики «мозговых центров» могут позволить себе давать откровенную оценку острых глобальных проблем и эффективности ответа на них со стороны правительства. О том, что эти выступления оказывают серьезное влияние на процесс принятия решений, свидетельствует, в частности, тот факт, что выбор экспертов из числа сотрудников «мозговых центров» для выступления в Конгрессе находится под жестким контролем партии большинства. Это связано с тем, что авторитетное мнение экспертов нередко позволяет склонить оппонентов к принятию того или иного решения. Так, к примеру «в 1995 г., когда вопрос о приглашении экспертов решался по большей части законодателями и сотрудниками аппарата Конгресса, принадлежавшими к республиканскому большинству, на слушаниях чаще всего стали появляться представители Фонда «Наследие», далее – в порядке убывания – эксперты из Американского института предпринимательства, Института Като (либертариан-

ское направление) и Института Брукинга. Представители исследовательских центров либеральной ориентации выступали в Конгрессе гораздо реже» [7, С. 83-84].

В-третьих, центры играют важную просветительскую функцию. На страницах выпускаемых центрами изданий нередко разворачиваются серьезные дискуссии по наиболее сложным вопросам международных и внутривластных отношений, в которых участвуют не только независимые эксперты, но и государственные деятели, и члены Конгресса США.

И, наконец, в-четвертых, центры выступают одним из источников формирования исполнительной власти США, по существу являясь «полигоном» для будущих высокопоставленных представителей американской администрации. Пока одна партия находится у власти, члены другой идут работать в «мозговые центры». В случае смены партии власти после выборов, многие из тех, кто работал аналитиками, занимают должности в правительственных учреждениях. Подобная практика, получившая характерное название эффекта «вращающихся дверей», дает «мозговым центрам» возможность обеспечивать стабильный приток экспертов для работы в Белом Доме и аппарате Конгресса США.

Например, после победы на президентских выборах в 1976 г. Джимми Картер укомплектовал свою администрацию многочисленными представителями Института Брукинга и Совета по международным отношениям. Спустя четыре года Рональд Рейган также обратился к «фабрикам мысли», взявшим на себя роль его мозгового треста.

Наряду с поставкой экспертов во вновь приходящие администрации, «фабрики мысли» создают условия для продолжения работы и уволенным должностным лицам. Бывшие чиновники могут возглавить профильный департамент соответствующего «мозгового центра», подготавливать рекомендации и участвовать в дебатах по назревшим проблемам внешней и внутренней политики, в целом оставаться на острие политической жизни общества. Примеров этого более чем достаточно. Знаменитый госсекретарь Мадлен Олбрайт некогда возглавляла

Центр национальной политики. Ее бывший заместитель Строб Тэлботт сейчас работает президентом Института Брукинга. Известный конгрессмен Ли Гамильтон, проработавший на Капитолийском холме более 35 лет, после ухода из администрации У.Клинтон в 1999г. возглавил Центр им. Вудро Вильсона [2, С. 118].

Подводя итоги, можно констатировать, что «мозговые центры» играют важную роль в научной и политической жизни США. Они успешно занимаются информационно-аналитическим обеспечением всех ветвей американской власти, участвуют в разработке основополагающих документов по вопросам внешней и внутренней политике, а также эффективно воздействуют на общественное мнение США, формируя его в благоприятном для руководства страны ключе.

Литература:

1. Войтоловский Ф. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. – Т.4. – № 2. – С. 100-111.
2. Гамильтон Л. Между политикой и наукой // Международные процессы. – 2006. – Т.4. – № 1. – С.116-120.
3. Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. – М.: Наука, 2008. – 608 с.
4. Диксон П. Фабрики мысли. – М.: АСТ, 2004. – 512 с.
5. Киселев И.Ю., Смирнова А.Г. Динамика образа государства в международных отношениях. – СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 376с.
6. Кочетков Г.Б., Супян В.Б. «Мозговые центры» в США: наука как инструмент реальной политики // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 5. – С. 52-66.
7. Рич Э., Уивер К. Пропагандисты и аналитики: «мозговые центры» и политизация экспертов // Pro et Contra. – 2003. – Том 8. – № 2. – С. 64-89.
8. Улахович В. Экспертное обеспечение внешнеполитических решений // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2. – С. 37-45.

Соенов В.И.¹, Трифанова С.В.²

**ПОГРЕБЕНИЕ С ПУПАРИЯМИ МЯСНЫХ МУХ
(вторая половина III – первая половина IV в. н.э.,
некрополь Степушка-2, Алтай)³**

¹ канд. ист. наук, доцент, Руководитель Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов, Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Россия;

² канд. ист. наук, руководитель отдела исторических наук
Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских народов
Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск, Россия

BURIALS WITH PUPARIA OF BLOWFLY
(second half of the 3th century – the first half of the 4th
century AD, Stepushka-2 necropolis, Altay)

Soenov Vasilii Ivanovich

The Candidate of Historical Sciences (PhD), Docent
(Associate professor)

Head of Research Center for the History and Culture of
the Turkic peoples

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

Trifanova Synaru Veniaminovna

The Candidate of Historical Sciences (PhD),

Head of the Department of Historical Sciences

Research Center for the History and Culture of the
Turkic peoples

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

АННОТАЦИЯ

В 2010 году на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2 в Центральном Алтае в ходе археологических работ нами было вскрыто мужское погребение второй половины III – первой половины IV в. н.э. В могиле зафиксированы высохшие хитиновые покровы пупариев мясных мух (*Sarcophagidae*). Они позволяют установить время смерти и захоронения человека в период от конца мая до конца августа и косвенно свидетельствуют о существовании в этом месте долины древнего поселения.

ABSTRACT

In 2010 we have opened the man's grave during the excavation of the Stepushka-2 necropolis in the Central Altay. The burial has been dated to second half of the 3th century – the first half of the 4th century and attributed to the Hun-Sarmatian period. In this grave we found dried chitin shells of blowfly puparia

(*Sarcophagidae*). The study of puparia blowfly provides information about the death and burial of a person. The man was buried in the period from May to August. In addition, the study of puparia blowfly provides circumstantial evidence about that here was an ancient settlement.

Ключевые слова: Алтай, археология, памятник, гунно-сарматский период, Степушка-2, некрополь, погребение, пупарии мясной мухи, *Sarcophagidae*.

Keywords: Altay, archeology, monument, Hun-Sarmatian period, Stepushka-2, necropolis, burial, puparia blowfly, *Sarcophagidae*.

Остатки биологического происхождения, которые не были использованы или обработаны человеком, а просто сохранились на том же месте, где обитали раньше люди, являются экофактами. К сожалению, они археологами не всегда фиксируются и редко используются в исследованиях, хотя могут оказать существенную помощь в понимании процесса формирования слоев или реконструкции природной среды времени существования древнего объекта, ставшего археологическим памятником. В связи с этим важное значение имеет наша находка остатков куколок насекомого с четким археологическим контекстом и установленной эпохальной принадлежностью. Они обнаружены в 2010 году в процессе археологических раскопок на некрополе гунно-сарматского времени Степушка-2, находившемся в Центральном Алтае. Памятник располагался на высоком правом берегу реки Урсул, в 5 км выше места ее впадения в Катунь, в черте бывшего села Степушка, в Онгудайском районе Республики

³ Работа публикуется в рамках научно-исследовательских проектов РГНФ – Минобрнауки Республики Алтай «Культурно-исторические процессы на Алтае в конце I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э.» (№ 14-11-04002а(р)) и госзадания Минобрнауки Российской Федерации «Системы природопользования и производственные технологии древних и традиционных обществ Горного Алтая» (код проекта 536).

Алтай. С востока, юга и запада участок окружен горами, с севера ограничен рекой. Могильник находился на западной половине мысовой террасы. Группа курганов на восточной половине мыса, обозначенная как могильник Степушка-1, исследовалась экспедицией Алтайского государственного университета [2, с. 92-98].

В процессе аварийных работ на некрополе Степушка-2 нами раскопано 64 объекта: 37 каменных курганов и колец с погребениями, а также 27 каменных колец и выкладок без погребений. Раскопанные погребения по элементам погребального обряда и облику предметов сопроводительного инвентаря отнесены нами к булан-кобинской культуре гунно-сарматского времени и предварительно датированы первыми веками н.э. [6, с. 3-6; 7, с. 122-125]. Анализ отдельных предметов инвентаря и их взаимовстречаемости позволяет уточнить хронологическую принадлежность некрополя в пределах второй половины III – первой половины IV в. н.э.

Объект 30, в котором обнаружены куколки мясных мух, представлял собой небольшой каменный курган, сложенный из рваных и окатанных камней. Насыпь имела овальную в плане форму, размерами – 3,1×2,8 м, длиной осью ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Курган находился в центральной части некрополя. Под насыпью зафиксирована крепида и перекрытие ящика, сложенные из крупных рваных камней. Размеры крепиды – 3,4×2,9 м. Под насыпью в центральной части кургана на глубине 0,2 м зафиксирована яма. Длина ямы 1,7 м, ширина 0,45 м, глубина 0,3 м. В яме зачищен каменный ящик прямоугольной формы, сложенный из восьми плит. Внутри ящика на глубине 0,53 м от условного нуля зачищен костяк человека, ориентированный головой на северо-восток. Костяк лежал вытянуто на спине, руки вытянуты вдоль тела. Череп завалился в левую сторону. Ступни и нижняя часть берцовых костей отсутствуют (отрублены). Возраст погребенного – 14-15 лет, пол – мужской (определение к.и.н., заведующей кабинетом антропологии Алтайского государственного университета С.С. Тур).

Из предметов инвентаря найдены костяная трубочка-пронизка, остатки железных деталей пояса, бронзовая пряжка с остатками кожаного ремешка. Справа в зоне талии погребенного зачищены остатки мешочка или сумочки из шерстяной ткани (определение научного сотрудника Научно-исследовательского центра истории и культуры тюркских

народов Горно-Алтайского государственного университета Е.А. Константиновой), в котором находились хорошо сохранившиеся хитиновые покровы личинок (пупариев) мясных мух (микроскопический анализ к.б.н., доцента кафедры ботаники, зоологии, экологии и генетики Горно-Алтайского государственного университета В.М. Муравьевой и к.б.н., доцента кафедры ботаники, зоологии, экологии и генетики Горно-Алтайского государственного университета Т.В. Бубновой).

Мясные мухи или саркофагиды (*Sarcophagidae*) – семейство двукрылых насекомых. Существует около 2600 видов этого семейства, распространённых по всему миру, в России их сейчас насчитывается около 300 видов. Научное название мясных мух (от греч. *сарко* – плоть, мясо и *фаγος* – пожиратель) указывает на их обыкновение размножаться на трупах или разлагающихся мясных блюдах. Мясные мухи обычно бывают длиной 10-25 мм (иногда встречаются виды длиной 5-10 мм). Тело чаще всего окрашено в пепельно-серые тона с чёрными пятнами, полосами или шашечным рисунком; глаза обычно ярко-красные [4].

В публикуемом погребении кургана 30 некрополя Степушка-2 хитиновые покровы пупариев нами зафиксированы только вместе с остатками мешочка или сумочки из шерстяной ткани. Это свидетельствует о том, что данные личинки не принимали участия в скелетировании трупа погребенного человека, поскольку находились в замкнутом пространстве. Скорее всего, личинки отложены мухами в продукты, которые находились первоначально на открытом воздухе, поскольку мясные мухи в жилые помещения залетают редко [3]. Затем в процессе погребально-поминальных действий эти продукты были помещены людьми в мешочек или сумочку из шерстяной ткани и положены в могилу качестве сопроводительной пищи для умершего. В данном случае мы уверены, что это была не жидкая пища. Можно предположить, к примеру, вареное или жареное мясо. Вероятно, это была мякоть, поскольку кости животного не зафиксированы. Обычай класть мясо овцы в погребение в качестве сопроводительной пищи зафиксирован во многих культурах Южной Сибири и Центральной Азии, в том числе в булан-кобинской культуре Алтая гунно-сарматского времени. Однако во всех предыдущих случаях отмечены сохранившиеся кости задней части овцы. Публикуемый факт свидетельствует, что сопроводительная пища изначально присутствовала во всех могилах, но не всегда сохранялась.

Благодаря тому, что погребение человека было совершено в каменном ящике при соответствующих температурных условиях, не возникло резкого кислородного голодания или переохлаждения личинок и биологический цикл развития мух не прервался на этой стадии. Личинки смогли развиваться до стадии куколок. Но, судя по ненарушенным пупариям, окончательное формирование и выход взрослой мухи не смогло произойти в могиле из-за недостаточно благоприятных для насекомых экологических условий. До нас дошли только высохшие хитиновые покровы пупариев мясных мух, поскольку хитин относится к числу устойчивых, трудно разлагаемых органических соединений, которые в почвах и грунтах могут сохраняться сотни и тысячи лет [1, с. 114].

Максимума численность насекомых этого семейства может достигать весной – в начале лета и осенью. В условиях резкоконтинентального климата Алтая, по нашему мнению, это временной интервал от конца мая до конца августа. Следовательно, можно предположить, что смерть человека наступила именно в данный промежуток времени. О том, что погребение тела умершего было совершено в теплое летнее время года, когда грунт был прогрет, свидетельствует то, что в могиле в течение, по крайней мере, десяти суток была температура не ниже +5-8°C. Это как раз то условие, позволившее биологическому циклу развития мух в могиле пройти стадии личинки, предкуколки и куколки.

Таким образом, тело человека в кургане 30 было захоронено во временном промежутке от конца мая до конца августа одного из годов в пределах второй половины III – первой половины IV в. н.э. Кроме установления времени года, когда наступила смерть человека и было совершено погребение его тела, найденные пупарии мясных мух служат индикатором степени синантропизации организмов и ландшафтов ущелья Урсула в гунно-сарматское время. По всей вероятности, во второй четверти I тыс. н.э. в границах бывшего села Степушка Онгудайского района, ниже уровня исследованного некрополя существовало поселение носителей булан-кобинской культуры, которые освоили небольшую замкнутую горную долину. Это подтверждается случайными находками фрагментов неорнаментированной лепной керамики и пряслица на первой надпойменной террасе Урсула. Популяция саркофагидов могла развиваться, приспособившись к обитанию вблизи булан-кобинского населения. В

природе существенна роль мясных мух как санитаров [5]. Они, вероятно, выполняли свою определенную функцию в уничтожении трупов павших домашних животных, а также уничтожали пищевые и технические отходы жителей поселка.

Литература:

1. Демкин В.А., Удальцов С.Н., Демкина Т.С., Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Дьяченко А.Н. Естественнонаучные исследования среднесарматского кургана (I в. н.э.) у с. Перегрузное в Волгоградской области // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Сборник статей. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 105-119.
2. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могильник Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Барнаул: АлтГПА, 2011. Вып. 7. С. 92-98.
3. Муха мясная синяя // Пестициды.ру. Вредители человека / Справочник. URL: http://www.pesticidy.ru/pest/calliphora_erythrocephala (дата обращения: 21.09.2014).
4. Серые мясные мухи // Википедия. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Серые_мясные_мухи (дата обращения: 21.09.2014).
5. Семейство – мухи мясные. URL: <http://coleop123.narod.ru/ze/Sarcophagidae.html> (дата обращения: 21.09.2014).
6. Соенов В.И. Полевые археологические исследования Научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Сборник научных трудов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010. № 3(15). С. 3-6.
7. Соенов В.И., Трифанова С.В. Полевые археологические исследования Горно-Алтайского государственного университета в 2010 году // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае 2010 г. Археология, этнография, устная история. Материалы VII региональной научно-практической конференции, посвященной 20-летию лаборатории исторического краеведения, 25-26 ноября 2010 г. Барнаул: АлтГПА, 2011. Выпуск 7. С. 122-125.

Стручкова Н.А.¹, Яковлева К.М.²**ЕССЕЙСКИЕ ЯКУТЫ В НАЧАЛЕ ХХІ века**¹ к.и.н, профессор ИФ СВФУ, г.Якутск; ² к.и.н., доцент ИФ СВФУ, г.Якутск**ESSAY YAKUTS IN THE BEGINNING OF XXI CENTURY**

Тема представленной для участия в конференции работы связана с изучением феномена сохранения этнического самосознания, языка и культуры ессейских якутов в исторически сложившихся особенных условиях жизнедеятельности, а также в современных условиях развития в ХХІ веке. Основными задачами в работе являются анализ и выявление особенностей адаптации хозяйственной и культурной деятельности ессейских якутов. Содержание статьи частично основано на материалах полевой научной экспедиции университета в поселок Ессей, работавшей в марте-апреле 2014г. с целью изучения современного развития традиционного уклада жизни ессейских якутов. Методами исследования послужили включенное наблюдение, неструктурированные интервью носителей культуры Ессея.

The report topic submitted for the conference is connected with the study of the phenomenon of persistence of ethnic identity, language and culture in the Essey Yakuts historically formed under special life conditions and in modern conditions of development in the XXI century. The main tasks are the analysis and identification of adaptation characteristics of economic and cultural activities of the Essay Yakuts. The article content is partially based on the field-work material collected by university research expedition to the Essey village in March-April 2014. The expedition was aimed at studying of the modern development of traditional lifestyle of the Essey Yakuts. The research methods used were inclusive observations, unstructured interviews of the native Essey people.

Ключевые слова: ессейские якуты, поселок Ессей, антропология, этнология, традиционный уклад, глобализация

Keywords: Essey Yakuts, Essey village, anthropology, ethnology, traditional life, globalization

Наличие и активное распространение в конце ХХ и начала ХХІ вв. процессов глобализации сегодня уже не подлежит обсуждению. Данные процессы несут с собой как перспективы, так и угрозы.

Развитие современных экономических систем, информационных технологий все больше делает национальные границы прозрачными, глобализация все больше влияет на воспроизводство национальных культур. В связи с этим наиболее актуальными становятся исторические исследования по проблеме адаптации народов, сохранивших в силу каких либо причин традиционный уклад жизни или большую его часть, как наиболее подверженных угрозам со стороны процесса глобализации.

Одним из уникальных примеров адаптации к новым меняющимся условиям жизни являются ессейские якуты, проживающие на территории Красноярского края, Эвенкийского муниципального района, в поселке Ессей (по названию озера Ессей), а также отдельными группами в поселках Чиринда и Тура. Численность ессейских якутов составляет не более 1 тыс. человек. Уникальность примера ессейских якутов заключается в том, что данная группа якутов проживает на протяжении достаточно большого исторического времени локально от остального массива так называемых «центральных» якутов, окруженные иноэтнической - тунгусской и русской культурной средой. История поселка Ессей известна с момента освоения русскими первопроходцами Сибири. Здесь был построен острог для сбора ясака у тунгусских племен [1; С.336]. Якуты начинают проникать на данную территорию с XVII века и уже к XVIII столетию составляли 80% от всего населения Ессея [2; С.6].

Географическая удаленность на протяжении длительного исторического времени придало ессейскому укладу жизни особые черты. В условиях крайнего Севера якуты Ессея успешно в равной мере развивали такие типы хозяйства как оленеводство, рыболовство и охоту. Ессейцы охотились на пушного зверя, диких оленей, волков. Так же Ессей славился своими рыбными угодьями, рыболовством занимались в основном те, которые не имели своих оленей. Количество домашнего оленя, в свое время, являлось непосредственным показателем состоятельности той или иной семьи или рода. Олень был средством передвижения, источником пищи, теплой одежды. Старики с восхищением вспоминают те времена, когда у каждого были тысячные стада оле-

ней. У каждого рода были свои пастбища и в поселке (фактории) практически никто не жил, а приезжали лишь закупаться товарами. Олени широко использовались как транспорт, держали специальных транспортных оленей, которые перевозили грузы. Это явление известно как транспортное оленеводство. У есеевских якутов одним из особенных направлений хозяйствования была организация перевозки товаров до центрального населенного пункта района, так называемое «тардыы», что в переводе с якутского означает «тянуть». Груз перевозили в оленьих упряжках, зачастую из-за частых перевалов приходилось тащить сани на себе. Во время «тардыы» люди рождались и умирали, переход длился по 3-4 месяца. «Тардыы» имело место быть практически до конца первой половины XX века. Многие ныне живущие старики помнят и были непосредственными участниками данного действия. Таким же путем перевозили рыбу и мясо для фронта во время войны 1941-45 гг.

В советский период - в 30-80-х годах активно развивалась производственная инфраструктура, появились зверофермы по выращиванию песцов, работал завод по переработке рыбы, местный швейный цех обеспечивал пошив меховой одежды и экипировки для охотников и оленеводов. Практически все жители села были задействованы в той или иной сфере деятельности. По воспоминаниям женщин Есеев, жизнь их поселка практически не отличалась от жизни остальных территорий Советского союза - выезжали на курорт, получали зарплату, участвовали во всех общественных начинаниях и др. В это время начинает действовать авиация, самолеты садились прямо на озеро в зимнее время, а летом летали вертолеты. В поселок Есеев стали приезжать направленные специалисты, он значительно расширился. В 1945 году колхоз на территории Есеев «Путь Ленина» становится колхозом-миллионером Эвенкии. Многие ныне живущие с теплотой и благодарностью вспоминают те времена и председателя колхоза Христофора Христофоровича Уодай [3]. В последние десятилетия XX в. с разрушением советской системы экономики состояние хозяйственной жизни современных есеевских якутов изменилось - приостановлены работы всех действующих вышеуказанных организаций и предприятий. Отсюда преимущественным видом хозяйствования опять стали охота на дикого оленя и рыболовство. Вместе с тем возврат к так называемому «непроизводственному» виду деятельности не означает прямой возврат к традиционному укладу жизни. Есеевцы выбрали данный путь как самый необходимый и возможный,

модернизируя его. Современный охотник отличается своим усовершенствованным обмундированием, экипировкой и средствами охоты. Есеевский якут-охотник имеет новое техническое средство - буран (и не один), несколько ружей, рации и т.д. Никто уже не передвигается на оленях, хотя это, как говорят старики, самый лучший вид транспорта, который никогда не подведет в условиях тундры [3]. Однако, когда охотники вынуждены передвигаться на большие расстояния, преследуя миграцию дикого оленя, машинная техника незаменима. Большие трудности в этом типе хозяйства связаны с тем, что существует огромная зависимость этих видов деятельности от природных условий. Так, например, за последние годы меняется миграция диких оленей, что может серьезно подорвать главную экономическую основу жизнедеятельности есеевских якутов. Не смотря на все трудности, есеевцы продолжают охотиться, мало того, молодые люди, только окончившие школу хотят быть профессиональными охотниками. Например, один из выпускников 11 класса есеевской школы рассказал нам о своих будущих планах на жизнь. Он не собирается поступать ни в высшее учебное заведение, ни в среднее высшее заведение, а желает продолжить дело отца и стать охотником. За этот сезон он сам заработал на продаже пушнины около 150 тысяч рублей, убил волка и двух росомах. Молодой человек считает, что он обязан поддержать семью и зарабатывать, а образование это лишняя трата времени [3]. В этом конкретном примере мы можем наблюдать продолжающуюся локальность есеевских якутов и их общественный выбор, когда его молодому мужскому поколению для вхождения в «свое» общество необходимо проявить «правильные» качества мужчины, в частности умение и навыки охотника.

Однако, что касается домашнего оленеводства, на территории Есеев сохраняется всего только одно стадо в 75 голов, принадлежащее бабушке Евдокии Осогосток. Она единственная содержит стадо и не ради экономической выгоды, а для удовлетворения потребности сохранить привычный образ жизни. Бабушка Евдокия (Огдо) живет одна в тайге с оленями и уверена в своем выборе, считает, что этот образ жизни самый правильный. При этом она не отказывается от благ цивилизации - у нее есть планшет для чтения книг, прослушивания музыки и просмотра кинофильмов, генератор, сотовый телефон, а передвигается на большие расстояния только на буранах [3]. Пожилые жители Есеев огорчены тем, что домашнее оленеводство перестало существовать, они с завистью смотрят на оленеводов Ямала. Существуют идеи и даже разработанные

программы по увеличению поголовья домашнего оленя на севере Красноярского края, но на сегодняшний день охота стала наиболее выгодным занятием в экономическом плане.

Основными носителями культурных традиций и культурной жизни Есеев являются в Есеев женщины. Они заняты в основном в сфере образования или торговли. Некоторые занимаются профессиональным пошивом унтов (меховой обуви) на продажу. В поселке есть одна – две мастерицы, конкурирующих между собой и все носят обувь их производства. При этом они сохраняют традиционные формы выделки шкурок красной тухлой. Надо отметить, что есеевские женщины ведут хозяйство круглый год сами, так как мужчины постоянно находятся в тайге. Таким образом, женщины сами отвечают за отопление дома, водоснабжение, закупки, воспитание детей и контролируют семейный бюджет. В есеевских семьях женщина главенствует в сфере организации деятельности семьи, тогда как мужчина – в жизнеобеспечении.

Весьма интересно то, что есеевские якуты в окружении иноязычной среды сохранили свой язык и даже сейчас некоторые из них не владеют русским языком. Данное явление можно объяснить тем, что есеевцы живут изолированно в мононациональном поселке Есеев и в семьях с детства разговаривают только на якутском языке. Но нужно отметить, что и у есеевцев существуют в языке русизмы, особенно в глаголах: *подариттаатым, танцеватьтаатым* и т.д. Возможно, это относится к складыванию особого говора. По данным информатора в ее детстве она слышала слова необычные сейчас для якутов с материка: *бас - тѣбѣ, баттах* – кожа с волосами, *ас* – волосы. При этом признает, что многие слова все же очень похожи: мама – *инэ*, папа- *ага*, брат – *убай*, младший брат – *балыс*, также и к девочкам [3]. Все остальное, т.е. наименования родственников называются как и у центральных якутов. Якутский язык в Есеев стал играть больше этнообразующую роль, статус языка постепенно смещается с уровня просто вербальной коммуникации в область этнической идентификации. Якутом считается тот, кто владеет якутским языком, а также имеет корни в Есеев.

Есеевцы являются практически единственными якутами, сохранившими непривычные для современных якутов родовые фамилии: Ботулу, Эспек, Осогосток, Бети, Чорду, Уодай, Маймага, которые почти полностью совпадают с названиями деревень в Намском, Верхневилуйском, Вилуйском и Усть-Алданском районах. Из поколения в поколение передается знание о тотемах родов – духах по-

кровителях в виде птиц: Маймага – лебедь, Осогосток – черный ворон, Чорду – Анды. На протяжении столетий эти семь родов составляют основу поселка. Есеевцы утверждают, что за последние сто лет они сохранили культуру, язык народа саха в первозданном виде, что способствует поддержанию этнического самосознания народа.

Среди есеевских якутов нет сирот, что всегда отмечает администрация района. Ребенка сразу усыновляют, чей бы он не был. Даже в молодых семьях живут усыновленные дети или дети родственников, за которыми не могут присмотреть. Среди есеевских якутов сохраняется и активно практикуется традиция «*абыраты*» (як., приносить пользу, оказывать помощь), по которому общество никогда не оставит человека, который попал в беду. Пожилым людям помогают продуктами – делятся мясом и рыбой, а также вниманием. Данная традиция, на наш взгляд, помогает есеевцам чувствовать себя единым сообществом, имеющим твердые ценностные установки, которые помогают им в процессе развития и выживания.

Есеевские якуты сохранили анимистические языческие представления, поклоняются духу озера и природе, но особо почитается озеро. Несомненно, это связано с культурным ландшафтом местности. Приношение природе называют «*бэлэхтэнии*» (як., *приношение в дар*), но при этом в одном из обрядов, показанных информатором, присутствует элемент православного креста (так рассыпается в дар духам природы чай перемешанный с солью рассыпают крестами) и святой троицы (таких крестов должно быть три). В дар приносят чай, соль, конфеты и сигареты, видимо, то, что было редкостью или праздничной едой – «*маган ас*» (як., белая еда). Возможно под общим названием «*бэлэхтэнии*» подразумеваются несколько различных видов обрядовых действий. Так, по словам информаторов, раньше у есеевских якутов было понятие – «*бэлэхтэнии*», когда развешивают разноцветные тряпочки. «Если наступают тяжелые моменты в жизни надо пойти в лес и найти 2 дерева, на которые на расстоянии 1 и 1,5 м. натягивают веревочку, на которую вешают нечетное количество тряпиц, чтобы трепыхались. Под ним нельзя проходить» [3]. У так называемых «центральных» якутов, живущих на исторической территории, подношение земле, воде производится обычно лепешкой (хлебом) с маслом, у есеевских якутов это забыто и приобрело устойчивую форму. Так, когда мы сообщили есеевцам что принесли в дар олады, нам сообщили, что это является причиной пурги из-за которой мы не смогли вылететь. Как и все якуты, есеевцы кормят и почитают огонь. Данный обряд

производится и в бытовых условиях – печка или плита.

По данным информаторов изменения произошли и в материальной культуре. Еще сохранились люди, которые помнят старинные нормы и правила, например необходимых для строительства домов, для обустройства праздников, но сами же они констатируют, что мало кто их придерживается. Так информатор сообщает, что «напротив входа всегда располагалось место называемой *кэтэгэрии*, двери всегда у якутов делались на восток. Раньше была постройка типа балагана (у дедушки был), но разобрали на дрова». Информатор называет при этом помещение чумом. Когда замечаем, что это не совсем якутское название, отвечает, что «чумы строили и жили в них, что это якутское жилище, но в отличие от эвенков у якутских всегда были окна (с левой стороны)» [3]. Культура Есеея является в силу проживания конгломератом якутской и тунгусской культуры, что достаточно ярко проявляется в материальной ее составляющей. Например, в одежде. Так, традиционная одежда представительницы есеевских якутов 85 лет, сшитая по ее утверждению «как у предков» состоит из платья «*халадай*» и жилета «*кэһиэчик*», украшенного бисером на тунгусский манер. То же касается и украшений – вместе одевают металлические и бисерные украшения.

У есеевских якутов только начинает возрождаться позабытая традиция празднования «*ысыаха*», главного обрядового праздника якутов и всех сопутствующих его элементов. Так же не сохранилась, но постепенно возрождается практика исполнения кругового танца «*осуохай*», традиция установления коновязи «*сэргэ*» (ритуального столба – аналога Мирового древа), исполнения народных песен. Восстановление культурных традиций идет с помощью культурных достижений «центральных» якутов. Многие представители есеевских якутов чувствуют острую потребность в культурном обмене и обучении.

В Есее многие приняли православное христианство, что связано с тем, что первые якуты-переселенцы уже были крещеными. В наши дни во многих домах висят иконы (старинные и новые). А рядом с иконами висит фотография женщины, приехавшей из Якутии для лечения нетрадиционными способами за 2-3 года до экспедиции. Проявлений шаманизма практически нигде нет, население даже не может вспомнить имена известных шаманов, если вспоминают, то только тунгусских. Смутно помнят только одного якута, пытавшегося зани-

маться шаманством. Несмотря на это, есеевцы продолжают верить в чудодейственную силу шаманов, ездят специально лечиться в Республику Саха (Якутия) к людям, практикующим шаманские практики.

В целом, историческое исследование своеобразия культуры есеевских якутов показывает, что форма и содержание традиционных элементов духовной и материальной культуры этноса претерпели значительные изменения. В духовной и материальной культуре есеевских якутов наблюдается отход от старинных традиций ритуальной практики, снижение активности празднования народных праздников и развития отдельных направлений праздничной культуры – народных танцев, народных песен, музыки. Воспроизведение этнической культуры есеевских якутов с каждым годом испытывает затруднения. Однако, в связи с тем, что на протяжении XX в. изменения в жизненном укладе есеевцев носили эволюционный характер и происходили на протяжении длительного во времени срока, это позволило им сохранить основные этнообразующие элементы и осуществить на этой основе успешную адаптацию к меняющимся условиям. Вместе с тем темпы развития в XXI веке информационного общества, сопровождающегося ускорением научно-технического прогресса, роста экономического развития и социальной сферы серьезно ускорили трансформационные процессы. Если учесть также проблемы, возникшие у человечества с изменением природно-климатических изменений есеевские якуты на рубеже XX и XXI вв. оказались в ситуации исторического выбора своей судьбы. Способны ли они пройти следующую ступень адаптации, нужны ли они современному миру? Масштабным планам экономического освоения новых территорий, развитию современной инфраструктуры в Сибири и на Севере РФ должен предшествовать глубокий анализ готовности его населения к изменениям и выработка государственной политики, учитывающей все особенности развития регионов.

Литература

1. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 622с. С.336
2. Чорду П.Х. Эбэ, сохранившая древние тайны.... – Красноярск:ООО «Цетросиб», 2009. – 145 с.
3. ПМА. Красноярский край. П.Есеев, март-апрель 2013

КУЛЬТОРОЛОГИЯ

Булмистре Яна Эгилсовна

О ВЛИЯНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА РАЗВИТИЕ ПЕТЕРБУРГСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ДЕЛА В XVIII ВЕКЕ

Кандидат культурологии, доцент Санкт-Петербургского института
гуманитарного образования, г. Санкт-Петербург

ON MATERIAL CULTURE OF GREAT BRITAIN
IMPACT ON THE DEVELOPMENT OF NAVAL
SCHOOLING OF SAINT-PETERSBURG IN THE XVIII
CENTURY

Bulmistre Yana

Candidate of Science, assistant professor of Saint-
Petersburg Institute of Education in the Sphere of
Humanities and Social Sciences

Saint-Petersburg, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена истории развития петербургского флота под влиянием культуры Великобритании в XVIII веке. В статье рассматриваются основные сферы и характер влияния британской культуры, ключевые моменты и особенности развития петербургского военно-морского дела, приводятся примеры и определяется роль британского влияния.

ABSTRACT

The article is dedicated on the history of Saint-Petersburg navy development under the influence of the culture of Great-Britain in the XVIII century. The article presents the main spheres and the character of influence of British culture, key moments and factors of development of Saint-Petersburg naval schooling. The article presents some examples and set the role of British influence.

Ключевые слова: Санкт-Петербург; военно-морской флот; материальная культура; культурное влияние; эпоха Просвещения; Великое посольство; культура Великобритании.

Keywords: Saint-Petersburg; navy; material culture; cultural influence; The Enlightenment; The Grand Embassy; culture of Great Britain.

Успешно развивающиеся и взаимно выгодные экономические отношения между Британией и Россией, а также длительные традиции мирного сосуществования способствовали развитию тесных

культурных связей между Великобританией и Петербургом с самого основания города.

Тем не менее, вербовка британских специалистов для работы в Петербурге, особенно в части военно-морского дела, началась ещё до начала основания города. Этому способствовало Великое посольство Петра I, которого интересовали специалисты из Великобритании и Голландии, занимавшие на тот момент времени лидирующие позиции в военно-морском и промышленном деле. Как сказал знаменитый российский учёный М.В. Ломоносов: «всех общий пример и предводитель, паче обыкновения других государей, неоднократно удаляясь из отечества, в Германии, Франции, Англии и Голландии, пылая снисканием знаний, странствовал. В оных путешествиях было ли какое учёных людей общество, которое бы он миновал и не почтил своим присутствием? Никак! Но сам в числе их вписан был не отказался. Было ли где великолепное узорочных вещей собрание, или изобильная библиотека, или почтенных художеств произведение, которых бы он не выпросил и не высмотрел. Был ли тогда человек, учения славою знатный, которого бы великий сей гость не посетил и, насладясь его учёным разговором, благодеянием не украсил» [3, с. 19-21].

Поселившись в Великобритании на даче писателя и учёного Дж. Эвелина в Депфорде, Пётр стал встречаться с английскими корабельными инженерами и строителями, которые показывали ему свои чертежи и рассказывали о многих способах и правилах построения кораблей, предназначенных для различных целей. Существует миф, связанный с тем, что петербургский военно-морской флот был построен голландцами и по голландскому образцу, однако факты говорят обратное. Пётр Великий сожалел о потерянном в Голландии времени, где «способ построения кораблей был гораздо безискусственнее и хуже Английского» [4, с. 106]. Впоследствии царь

говорил, что «в Голландии он стал только плотником, а вот в Англии стал действительно кораблестроителем» [2, с. 11]. Пётр I твердо решил для себя, что в Петербурге будет строить корабли только по английскому образу и подобию, в связи с чем приглашал британских строителей и мастеров для работы в Петербурге, а также направлял в Британию на обучение морским наукам российских подданных. Екатерина II не только продолжила дело Петра I, но и существенно развивала его, особенно «в практике стажировок русских корабельных мастеров на королевских верфях Портсмута, Чатама и Дептфорда» [1, с. 57]. Именно в царствование Екатерины II окончательно укоренилась тенденция к приглашению на петербургскую службу английских корабельных мастеров, среди которых были: мачтовые, конопатные, такелажные, канатные, блоковые, якорные, а также морские офицеры.

Одним из самых известных подданных британской короны, трудившихся в Петербурге на благо развития военно-морского флота был адмирал С.К. Грейг. Одной из его первых заслуг было парусное вооружение корабля «Три Иерарха», где он увеличил площадь парусности, изменил толшины нижних мачт и длину стеньг и реев. Все новые инженерные решения С.К. Грейга были заимствованы из штатного положения английского флота. После проведённых испытаний выяснилось, что ходовые качества «Трёх Иерархов» были лучше, чем у трёхмачтового линейного корабля «Три Святителя», что ещё раз доказывало правильность выбранной ориентации на британский военно-морской флот.

Кроме изменения в парусном вооружении, британский адмирал предложил на рассмотрение Адмиралтейств-коллегии ещё одну новую технологию, применявшуюся в судостроении на британских королевских верфях. В целях предотвращения наборного дерева от быстрого гниения английские мастера промазывали корпуса кораблей от киля до ватерлинии составом из смолы, смешанной с серой. Заимствование данной технологии было особенно актуально для Балтийского флота, поскольку пресные воды Балтики достаточно быстро разрушали корабельную древесину.

Помимо вопросов, связанных с оборудованием петербургского порта и модернизации корабельного дела, Екатерина II поручала С.К. Грейгу делать переводы заслуживающих внимания английских рукописей и текстов, которые касались организации и улучшения морского дела. Так, в одном из писем граф А.А. Безбородко просил британского адмирала перевести для Екатерины II рукописное сочинение некоего Г. Брюса, присланное из Англии

«относительно заразных болезней, приключающихся во флотах, армиях и гарнизонах» [1, с. 526].

Нововведения в петербургский флот попадали из Великобритании не только посредством самих англичан, но и русских, отправленных туда на обучение. Так, например, в марте 1780 года в Портсмутские доки для овладения навыками обшивки корпусов медью был отправлен корабельный подмастерье Д. Масальский. Здесь он наблюдал весь технологический процесс текущего ремонта линейного корабля 1 ранга «Victory». По возвращении на родину Д. Масальский представил подробный отчёт о своём пребывании, где, в частности, изложил подробное описание спецификации корабля «Victory», на основе которой впоследствии корабельный мастер А.С. Катасанов создаст чертежи корабля 100-пушечного ранга. После возвращения Д. Масальского Екатерина II издала два указа, первый из которых гласил об умножении флота посредством строительства восьми 100-пушечных кораблей, наличие которых в XVIII веке свидетельствовало о престиже и потенциальных возможностях государства. Вторым указом императрица повелевала обшивать все корабли медью, как это делали в Британии.

Возвращаясь ко времени Великого посольства, нужно заметить, что по одной из версий, Петром Великим во время его дипломатической миссии была привезена из Англии и традиция ежегодно проводить церемонию открытия навигации. В празднике принимали участие первые лица государства, а также высшее морское начальство и флотилия мелких партикулярных судов. Для петровского времени ритуал характеризовался исключительно актом переезда Невы по её вскрытию, сопряжённого, как пишет Г.Г. Приамурский, «с элементами "эволюции" Невского флота, созданного Петром I» [5, с. 197]. Современники сообщали, что комендант крепости после переправы подносил императору кубок с невской водой, которую он выплёскивал и наполнял чашу до краёв серебряными рублями. При императрице Екатерине II кубок, вместо рублей, наполнялся золотыми рублями. Предание гласит, что размер кубка с каждым годом всё увеличивался, в виду чего было принято решение заменить этот обычай подарка иным способом вознаграждения. Время проведения обряда обручения с Невой корректировалось природным фактором: временем замерзания и вскрытия ото льда Невских вод.

Влияние материальной культуры Великобритании на становление военно-морского флота берегах Невы в XVIII веке было очень заметным. Благодаря усилиям подданных британской короны в Петербурге зародился и развивался Балтийский

флот, началось применение машин, чему способствовало отвоёванное Великобританией у других западноевропейских стран преимущественное право на торговые отношения в Петербурге.

Литература:

1. Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. – СПб.: Наука, 2007. – 720 с.
2. Доценко В. Петербург. Флот. Россия. – СПб.: Изд-во «Судостроение», 2002. – 176 с.
3. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. – Т.3. – 605 с.

4. Перри Джон. Состояние России при нынешнем царе/ Соч. кап. Джона Пери. Пер. с англ. Княжны Ольги Михайловны Дондуковой-Корсаковой. – М.: О-во истории и древностей рос.при Московском университете, 1871. – 196 с.
5. Приамурский Г.Г. Три века петербургской навигации (к проблеме семантической структуры церемонии открытия навигаций) //Петербургские чтения – 95. Материалы научной конференции 22-26 мая 1995 г. – СПб.: Ассоциация исследователей СПб, 1995. – С. 195-198.

Родионова Екатерина Борисовна

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ ДОШКОЛЬНИКОВ В РАЗНЫЕ ВОЗРАСТНЫЕ ПЕРИОДЫ

Аспирант 2 года обучения, Тамбовского Государственного Университета, г.Тамбов

FORMATION OF CULTURE OF HEALTH OF PRESCHOOL CHILDREN DURING THE DIFFERENT AGE PERIODS

Rodionova Ekaterina Borisovna, Graduate student of 2 years of training, Tambov State University, Tambov

*Бедно то - детство, что приносится
в жертву зрелым годам.
В. Дильтей*

По мнению многочисленных российских и зарубежных ученых проблема раннего формирования культуры здоровья у детей дошкольного возраста актуальна, своевременна и достаточно сложна. Известно, что дошкольный возраст является решающим в формировании фундамента физического и психического здоровья. Именно в этот период идет интенсивное развитие органов и становление функциональных систем организма, закладываются основные черты личности, отношение к себе и окружающим. Важно на этом этапе сформировать у детей создать базу знаний и практических навыков здорового образа жизни, осознанную потребность в систематических занятиях физической культурой и спортом.

Формирование здорового образа жизни должно начинаться в семье уже с раннего возраста.

Вся жизнедеятельность ребенка должна быть направлена на сохранение и укрепление здоровья. Поэтому очень важно обращать внимание на вопросы направленные на развитие ребенка, обеспечивать приобщение к ценностям, и прежде всего, – к ценностям здорового образа жизни [1].

Одним из важных факторов формирования культуры здоровья детей раннего дошкольного возраста является формирование культурно-гигиенических навыков [3].

Младший дошкольный возраст от 2 до 4-х лет – важный период в развитии детей. По периодизации детства – это собственно раннее детство. Это один из наиболее плодотворных и интенсивных периодов накопления ребенком социального опыта, становления физических функций, психических свойств и процессов [5]. На данном возрастном этапе у младших дошкольников активно формируются первые навыки поведения в формировании здорового образа жизни, добрые чувства к окружающим их взрослым и сверстникам. Наиболее успешно это происходит в условиях благоприятного педагогического воздействия детского сада и семьи. Те моральные чувства, представления и навыки, которые сформируются у детей в этом возрасте лягут в основу их дальнейшего развития. Вот почему

одной из основных задач воспитания детей младшего дошкольного возраста является формирование навыков бытовой деятельности, позволяющих им успешно адаптироваться к условиям дошкольного учреждения. Детей следует научить делать самим то, что им по силам, что соответствует их жизненному опыту. Став самостоятельным, ребенок уже сможет сам себя обслуживать: умываться, одеваться, раздеваться, есть, аккуратно складывать одежду, причесываться, а также поддерживать порядок: убирать игрушки, книги, одежду, не прибегая к помощи взрослого [3].

Воспитание культурно-гигиенических навыков у детей играет важнейшую роль в формировании здорового образа жизни. С первых дней жизни при формировании культурно-гигиенических навыков идет усвоение правил и норм поведения, вхождение малыша в мир взрослых. Нельзя этот процесс откладывать на потом, период раннего и дошкольного детства наиболее благоприятный для формирования культурно-гигиенических навыков. Затем на их основе строится развитие других функций и качеств.

Культурно-гигиенические навыки лежат в основе первого доступного ребенку вида трудовой деятельности - самообслуживание. Здесь важна постепенность: по мере овладения простыми составляющими навыка вводить новые, более сложные. При обучении необходимо использовать показ самого действия, знакомить со способами его выполнения.

По мере приобретения навыка непосредственная помощь взрослого сокращается, а доля самостоятельного участия ребенка увеличивается. Малыши до трех лет испытывают удовольствие, что они сначала выполняют действия с взрослым, а потом самостоятельно.

С первых дней жизни при формировании культурно-гигиенических навыков идет не просто усвоение правил и норм поведения, а чрезвычайно важный процесс социализации, вхождения малыша в мир взрослых. Психическое развитие - процесс неравномерный, его линии идут не одновременно, есть периоды наиболее быстрого развития тех или иных функций, психических качеств. Эти периоды называются сензитивными, и период раннего и дошкольного детства наиболее благоприятный для формирования культурно-гигиенических навыков. Затем на их основе строится развитие других функций и качеств [3].

Культурно-гигиенические навыки совпадают с такой линией психического развития, как развитие воли. Малыш ещё ничего не умеет делать, поэтому всякое действие даётся с большим трудом. И не всегда хочется доводить начатое дело до конца, особенно если ничего не получается. Пусть мама или педагог кормит, вымоет руки, ведь так трудно удержать скользкое мыло, когда оно выскакивает из рук и не слушается. Очень тяжело встать рано утром, да ещё и самому одеться: надо помнить всю последовательность одевания, уметь застегнуть пуговицы, завязать шнурки: Мама это сделает лучше, да и быстрее. И, если взрослые спешат прийти на помощь ребёнку при малейшем затруднении, освободить его от необходимости прилагать усилия, то очень быстро у него сформируется пассивная позиция: "Застегните", "Завяжите", "Оденьте". Для того, чтобы завершить действие, получить качественный результат, сделать всё в правильной последовательности, красиво и аккуратно, нужно приложить волевые усилия [2].

Так для ребёнка важным становится качество выполнения действия, он учится доводить начатое дело до конца, удерживать цель деятельности, не отвлекаться. И теперь уже не взрослый напоминает ему о необходимости того или иного действия, а сам он по своей инициативе его сам совершает, контролирует его ход. При этом формируются такие волевые качества личности, как целеустремлённость, организованность, дисциплинированность, выдержка, настойчивость, самостоятельность.

Педагоги и родители должны постоянно помнить, что привитые в детстве навыки, в том числе культурно-гигиенические, приносят человеку огромную пользу в течение всей его последующей жизни. Опрятность и аккуратность не врожденные качества. В основе их гигиенические навыки и привычки, которые формируются с раннего детства [3].

Таким образом, можно утверждать, что сформированные культурно-гигиенические навыки обеспечивают переход к более сложным видам деятельности, стимулируют их развитие, обогащают содержание.

Дошкольный возраст с 5 до 6 лет (средний дошкольный возраст) является прямым продолжением раннего дошкольного возраста в плане общей сензитивности, осуществляемой неудержимостью онтогенетического потенциала к развитию. В этот

период у ребенка продолжают развиваться и совершенствоваться все двигательные навыки, однако его общение с окружающим миром пока еще ограничено. Постепенно дети приобретают самостоятельность, их организм крепнет, движения становятся более четкими, уверенными, быстрыми. Обогащению жизненного практического опыта способствует совершенствование действий с различными предметами домашнего обихода и игрушками. Действия становятся более точными, осмысленными, целенаправленными [4].

В старшем дошкольном возрасте благодаря возрастанию опыта личности отношение к здоровью и здоровому образу жизни существенно меняется. Но наблюдается смешение понятий «здоровый», как большой, хороший и «здоровый», как не больной, дети по-прежнему соотносят здоровье с болезнью, но более отчетливо определяют угрозы здоровью как от своих собственных действий («нельзя есть грязные фрукты», «нельзя брать еду грязными руками» и пр.), так и от внешней среды. При определенной воспитательной работе дети соотносят понятие «здоровье» с выполнением правил гигиены, начинают соотносить занятия физкультурой с укреплением здоровья. В этом возрасте дети начинают выделять и психический, и социальный компоненты здоровья («...там все так кричали, ругались, и у меня голова заболела»). Но, несмотря на имеющиеся представления о здоровье и способах его сохранения, в целом отношение к нему у детей старшего дошкольного возраста остается достаточно пассивным. Причины такого отношения кроются в недостатке у детей необходимых знаний о нем, а также не осознании опасностей не здорового поведения человека для сохранения здоровья [3].

Значительная часть самосохранительного поведения детей старшего дошкольного возраста определяется их представлениями о здоровье. При целенаправленном воспитании, обучении, закреплении в повседневной жизни правил гигиены, соответствующей мотивации занятий физкультурой отношение детей к своему здоровью существенно меняется. Сформированность отношения к здоровью как к величайшей ценности в жизни (на доступном по-

ниманию детей уровне) становится основой формирования у дошкольников потребности в здоровом образе жизни. В свою очередь, наличие этой потребности помогает решить важнейшую психологическую и социальную задачу становление у ребенка позиции созидателя в отношении своего здоровья и здоровья окружающих.

Психологической основой формирования позиции ответственности в отношении своего здоровья является наличие у ребенка потребности в здоровом образе жизни. Но, такой потребности у ребенка дошкольного возраста еще нет. Согласно исследованиям возрастной динамики значимости здоровья и здорового образа жизни, их приоритетная роль чаще всего отмечается у представителей старшего поколения. В иерархии ценностей маленького человека доминируют игра и общение со сверстниками. В понимании детей роль физического, психического и социального здоровья и соответствующего здорового образа жизни еще не находит должного места [1].

Таким образом, рассматривая теоретические аспекты формирования культуры здоровья дошкольников в ретроспективе возрастных периодов, мы пришли к выводу, что проблема по формированию здорового образа жизни существует давно и в этой области сделано немало открытий, но необходимо дальнейшее изыскание новых методов и способов для решения данной проблемы.

Литература:

1. Валеологические аспекты образования. // Под ред. Э.М. Казина. Кемерово, 1995. – 165с.
2. Комарова Т.С., Куцакова Л.В., Павлова Л.Ю. Трудовое воспитание в детском саду. - М.: 2005.
3. Кониная Е.Ю. Формирование культурно-гигиенических навыков у детей. Игровой комплект.- Айрис-пресс, 2007.
4. Концепция физического воспитания детей и подростков // Физическая культура: Научно-методический журнал. – 2004. - № 1. 199с.
5. Смирнова Е.О. Детская психология: Учебник для вузов. 3-е изд., перераб. – СПб.: Питер, 2010. – 299с.

Романова Анна Петровна

НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ФРОНТИРНОЙ ТЕОРИИ⁴*Док. филос.наук, профессор Астраханского государственного университета г. Астрахань***NEW METHODOLOGICAL OPPORTUNITIES OF THE THEORY OF FRONTIER.***Romanova Anna, Doctor of philosophy, professor of Astrakhan State University, Astrakhan, Russian Federation***АННОТАЦИЯ**

Основной целью данной статьи является выявление новых эвристических возможностей фронтальной теории в применении к исследованию различных фронтальных зон, в том числе и действующих на данный момент. В результате исследования автор приходит к выводам, что гетеротопность фронта позволяет нам применять параллельно синхронный и диахронный методы исследования, а метод деконструкции - отойти от традиционного линейного подхода к анализу фронта. Многообразие фронтов, сложность их типологии и структурирования требует применения комплексной методологии.

ABSTRACT

Main goal of this article is identification of new heuristic opportunities of the frontier theory in application to research various of the frontier zones, including nowadays existing. As a result of research the author comes to conclusions that the frontier heterotopy allows us to apply in parallel synchronous and diachronic methods of research, and a deconstruction method - to depart from traditional linear approach to the analysis of frontier. The variety of frontiers, complexity of their typology and structuring demands application of complex methodology.

Ключевые слова: фронт; методология; гетеротопия; инструментарий.

Keywords: frontier; methodology; heterotopy; tools.

Теория фронта американского историка Ф.Тернера сформировалась в процессе анализа истории заселения колонистами американских территорий, сопровождавшихся вытеснением аборигенного населения. Сам Тернер, рассматривая американский фронт, указал на его завершенность, но

предполагал, что этот процесс не является локальным. В частности он считал, что и освоение Сибири можно рассматривать как фронтальный процесс, (1, р. 459) с чем были согласны далеко не все американские историки.(2, р. 225) Тем не менее, несмотря на все возражения, применение фронтальной теории к истории освоения Сибири началось как в США в середине века (Treadgold D.W. Sumner B.H), так и несколько позднее в России в 90-е годы. (Агеев А.Д., Резун Д.Я., Замятина Н.Ю.и др.)

Однако, думается, сам Тернер все же не предполагал, что его концепция в определенном смысле будет рассматриваться как универсальная. Практически спустя столетие термин «фронт» оказался востребованным не только в американской истории, но и для анализа заселения других территорий, имеющих некие общие характеристики: окраинность заселения; противостояние дикости и цивилизации; сопротивление властям, свобода, демократизм, либерализм; полиэтничность и поликонфессиональность, религиозная свобода; индивидуализм, отрицание старого, новое поле возможностей и т.д. . Эти характеристики фронта обозначены еще Тернером. (3, р.4-10)

Фронтальная теория стала применяться к процессам, происходившим в различных уголках земного шара - в Индии (Pemberton R. B., Bayfield G. Th., Cotton S., Jeyaseela S.S.) Канаде (Furniss E), Афганистане (Schofield V.) Австралии (Furniss E), Африке (Есаулова О.М.), Россия (Khodarkovsky M., Joseph L.Weiczynski., Denis D.P.Show) В России исследованиями фронта первоначально занялись сибирские историки (Агеев А.Д., Резун Д.Я., Замятина Н.Ю.) В дальнейшем в России фронтальная методология исследования была применена к территории Дальнего Востока (Воробьева Т.В., Приходько Н.Н.), центральной Азии (Моисеев В.А.). Были попытки применить ее к исследованию центральной территории России (.Жуков Д.С, Канищев В.В.). В последнее время в сферу интересов исследователей фронта вошли территории Юга России - Южного федерального и Северокавказского округов. (Баррет

⁴ Работа выполнена по гранту РГНФ 14-03-00414 «Межкультурные коммуникации в условиях гетеротопии фронта».

Томас М., Шеуджен Э.А. Маркедонов С.М., Якушенков С.Н., Романова А.П., Урушадзе А.Т.)

Интерес к исследованию фронта в последнее время возникает не только традиционно в среде историков, но и представителей других гуманитарных наук, прежде всего в связи с раскрывающимися эвристическими возможностями этой теории. Это связано с тем, что теория фронта обладает латентными эпистемологическими возможностями, которые на данный момент применяются по отношению к широкому спектру стран и эпох. Фронт перестает рассматриваться только как система подвижных границ в определенную историческую эпоху, а фронтирная теория - как одна из исторических концепций или методологий его исследования. Фронтирные исследования становятся общегуманитарной методологией, поскольку позволяют исследовать не только исторические завершившиеся в прошлом процессы (как например в США), но и современные культурные и политические трансформации (как например на Украине), изменение межкультурных взаимодействий не только в прошлом, но и в настоящем.

В чем особенности фронтирной методологии? Чаще всего, когда исследователи говорят о применении фронтирной методологии, то рассматривают ее «как инструмент, помогающий историкам исследовать различные аспекты социально-экономического формирования окраин государства». (4, с.103) Но дело не столько в окраинности фронта, хотя Тернер рассматривает ее как одну из основных характеристик, сколько в неопределенности, неустойчивости этой территории и тех процессов, которые на ней происходят. «Фронт - это зона неустойчивого равновесия... Фронт существует только по своим собственным зыбким, неписаным законам, иначе это уже не фронт. У него своя логика, свои правила. Как перегретый газ нельзя описать по законам, верным для обычного газа, так нельзя понять фронт, основываясь на стереотипах жизни "большого общества"». (5, с. 82) Методология фронта позволяет рассматривать определенные территории не как законченные, сформированные культурные и политические ландшафты, а как незавершенные, чреватые реверсивными процессами гетеротопные пространства. Еще Тернер, рассматривая американскую историю с фронтирных позиций, показал сложность, амбивалентность межкультурных коммуникаций на этих территориях, обозначил появление человека нового типа, наиболее приспособленного к жизни и развитию на новых

территориях и принятию новых правил игры. Использование ее для анализа современных процессов, происходящих на территориях исторического фронта, дает нам возможность говорить о фронтире, как о продолжающемся и модифицирующемся процессе. Гетеротопность фронта позволяет нам применять параллельно синхронный и диахронный методы исследования, а метод деконструкции - отойти от традиционного линейного подхода к анализу фронта. Многообразие фронтов, сложность их типологии и структурирования требует применения компаративистского подхода прежде всего в области культурно-исторических процессов.

Так, например, применение фронтирной методологии к исследованию культурно-политических процессов на Кавказе позволяет увидеть всю панораму и определенную перспективу культурных коммуникаций в этом регионе. Эпистемологически она дает возможность посмотреть на зоны коммуникационного напряжения не только как на ошибки действующих на исследуемый момент времени властей, но и как на продолжение фронтирных процессов, происходивших на данной территории с момента ее соприкосновения с другой культурой, проследить определенные закономерности и спрогнозировать в определенной степени дальнейшее развитие этих типов фронта.

Литература

1. Billington R.A. Frederick Jackson Turner: Historian, Scholar, Teacher. NY, 1973.
2. Lantzeff G.V., Pierce R.A. Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal - London, 1973. P. 221-242
3. Turner F. J. The frontier in American history. - N.Y.: Courier Dover Publications, 1996
4. Воробьева Т. В. История Камчатки с позиций методологии фронта // Пятые Международные исторические и Свято-Иннокентьевские чтения "К 270-летию выхода России к берегам Америки и начала освоения Тихого океана (1741-2011)": материалы : 19-20 окт. 2011 г. - Петропавловск-Камчатский, 2012. - С. 101-104. - Библиогр. : с. 103-104.
5. Замятина Н.Ю. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. №5. С. 75-89

Шубина М.М.¹, Трифонова А.В.²

ПРОБЛЕМА НАВРСТВЕННОГО ВЫБОРА ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РУССКОЙ КЛАССИКИ

¹ д.ф.н, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Филиал ДГТУ), г. Шахты² студентка гр. ДИЗ-Тб11 Институт сферы обслуживания и предпринимательства
(Филиал ДГТУ), г. Шахты

THE PROBLEM OF MORAL CHOICE OF THE INDIVIDUAL IN THE WORKS OF RUSSIAN CLASSICS

Shubina Marina M., d.f.n Professor, Institute of the
service sector and entrepreneurship (Branch DSTU),
Shakhty

Trifonova Anastasia V., student gr. DIS-Tb11, Institute
of the service sector and entrepreneurship
(Branch DSTU), Shakhty

АННОТАЦИЯ

Проблема нравственного выбора человека – одна из основных философских проблем современности. Уникальность русской классической литературы состоит в том, что авторы через характеры героев, представленных в произведениях, совершают попытку осмыслить и решить главные проблемы, одной из которых и является проблема нравственного выбора, которая не утрачивает своей актуальности в настоящее время.

ABSTRACT

The problem of moral choice of the individual – one of the major philosophical problems of modernity. The uniqueness of Russian classical literature is that the authors through the characters presented in the works, make an attempt to comprehend and solve the main problems, one of which is the problem of moral choice which does not lose its relevance in the present time.

Ключевые слова: нравственность, человек, долг, добро, зло, творчество

Keywords: morality, man, duty, good and evil, creativity

Русская классика несет в себе всеобщий и многогранный характер. Несмотря на то, что произведения написаны ни один век назад, проблемы, затронутые в них, остаются актуальными и в настоящее время. Борьба добра и зла, проблема «отцов и детей», нравственного выбора, тема назначения художественного творчества – все это не может оставить читателя равнодушным, потому что, несмотря на временные рамки, люди вновь и вновь сталкиваются с подобными проблемами.

Данная проблематика предполагает собой борьбу двух противоположных начал, ставит человека перед сложным выбором. У человека всегда есть возможность выбора между добром и злом, между жизнью по совести или приспособленчеством, между службой делу или службой лицам. Именно выбор человека характеризует его как личность, определяет отношение к нему в обществе[6].

Ситуация нравственного выбора позволяет выявить истинную сущность человека: одни при этом руководствуются общечеловеческими ценностями, другие – корыстью, эгоизмом, инстинктом самосохранения. Нравственный выбор определяет всю дальнейшую жизнь человека: это имеют в виду люди, когда говорят, что человек – хозяин своей судьбы. Правом распоряжаться своей судьбой и нести ответственность за свой выбор есть у каждого. Вопрос в том, готовы ли мы к ответственности за совершенный выбор?

Тема нравственного выбора затрагивалась во многих литературных произведениях, начиная со «Слова о полку Игореве», где князь Игорь решает, несмотря на солнечное затмение и другие предостережения, ехать на битву с половцами[2]. Нравственный выбор совершали герои А.С. Пушкина: Евгений Онегин, Татьяна Ларина, Маша Троекурова, Петруша Гринев. Проблему нравственного выбора решали герои М.Булгаков. Этот список можно продолжать до бесконечности.

Проблема нравственного выбора нашла свое отражение «Капитанской дочке» Александра Сергеевича Пушкина. Главный герой романа – Петр Гринев, молодой дворянин, офицер. От его лица ведется повествование. Он неоднократно стоял перед тяжелым нравственным выбором: умереть с честью, не изменив присяге, или пойти в шайку к «разбойнику» Пугачеву, отправиться в Оренбург на помощь любимой девушке и выполнить долг чести или остаться и выполнить свой солдатский долг. Гринев ни разу не отступился от своих принципов. Он готов пожертвовать жизнью, предпочитая «лютую казнь» «подлому унижению». Даже под угрозой военного суда он не позволил себе упомянуть имя своей любимой, Маши, перед судьями, хотя это бы его спасло, оправдало бы пребывание во вражеском лагере. В своих поступках Петр руководствуется в первую

очередь честью. Ведь недаром эпитафия к роману гласит - «Береги честь смолоду»[3].

Боясь погубить свою карьеру, Понтий Пилат, герой романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита», поступает против человеческих убеждений и совести, отправляя на смерть бродячего философа. Страх заставляет его утвердить смертный приговор Иешуа Га-Ноцри, человеку, в невиновности он несколько не сомневается. Результатом этого выбора является постоянный разлад Понтия Пилата с самим собой, вызванный угрызениями совести[1].

Татьяна Ларина демонстрирует в романе свою жизненную позицию: в её душе чувство и долг не противопоставляются, того, кого она любит и уважает, она должна поддерживать и в радости, и в горе. Любовные приключения её не интересуют, хотя она безотрывно читает о них в книгах. Татьяна Ларина, верная своему супружескому долгу и данному слову, отвергла чувство тайно ею любимого Онегина и тем самым достойно вышла из запутанного положения. Она стала олицетворением искренности и нравственной силы[4].

Нравственные метания, проблема выбора собственного пути свойственны, в первую очередь, главному герою произведения – Григорию Мелехову. Он не принимает участия в изнасиловании горничной Франи, испытывая сочувствие к несчастной и отвращение к своим товарищам. Григорий старается не участвовать в грабеже мирного населения, заставляя свою сотню делать то же самое. Он делает попытки мирно решить жизненные

противоречия, найти правильный путь, но ему это не удаётся. Метания между красными и белыми опять приводят героя на родную землю. По мнению Григория, человек создан не для того, чтобы воевать и убивать себе подобных. Жестокость, насилие, кровопролитие противоестественны. И не важно, в какие идеологические формы это облечено. Война, убийства уничтожают лучшие качества человека[5].

Нравственный выбор каждого из героев произведения строится на том, насколько дорога ему его честь и вообще на том, что в его понимании честь. И авторы, показав в произведениях множество разных мнений по этому вопросу, все же подводят каждого из них к тому или иному итогу, кого-то «награждая» счастливой любовью, а кого-то оставляя ни с чем, тем самым выражая свое авторское мнение.

Литература:

1. Булгаков М. Мастер и Маргарита. – М., 2012. – 448 с.
2. Слово о полку Игореве. – М., 2011. – 256 с.
3. Пушкин А. С. Капитанская дочка. – М., 2010. – 126 с.
4. Пушкин А.С. Евгений Онегин. – М., 2011. – 480 с.
5. Шолохов М.А. Собрание сочинений. – М., 2013 г. – 1408 с.
6. http://kashctan.blogspot.ru/2014/01/blog-post_20.html

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Щепачева Инна Владимировна

АБСУРД КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО ИЗОБРАЖЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РОМАНЕ ПЕРСИВАЛЯ ЭВЕРЕТТА «АМЕРИКАНСКАЯ ПУСТЫНЯ»

Аспирант кафедры зарубежной литературы Казанского федерального университета, г. Казань

ABSURD AS THE MAIN REALITY
REPRESENTATION DEVICE OF PERCIVAL
EVERETT'S AMERICAN DESERT
Shchepacheva Inna, Postgraduate student of the
Department of Foreign Literature
Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation
АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается роман современного американского писателя Персиваля Эверетта «Американская пустыня». В романе писатель использует характерные для литературы постмодернизма приемы, а именно игру с текстом, постмодернистскую иронию, пародию. Анализу подвергаются специфика сюжетной линии, образы главных героев, тематика и проблематика романа.

ABSTRACT

The article deals with contemporary American Percival Everett's novel "American Desert". The author uses characteristic postmodernist devices – play with text, postmodernist irony and parody. The plot peculiarities, the main characters, the theme and the message are analyzed.

Ключевые слова: П. Эверетт, афроамериканский писатель, абсурд, сатира, ирония, пародийность. Keywords: P. Everett, Afroamerican writer, absurd, satire, irony, parody.

Персиваль Эверетт (Percival Everett, род. 1956) – современный американский писатель афроамериканского происхождения, профессор Университета Южной Калифорнии – начал литературную деятельность в 1983 году. В начале своей писательской карьеры он обращался к темам традиционным для его поколения – спорту (а именно бейсболу как одному из национальных символов США), последствиям вьетнамской войны (своеобразная тема «потерянного поколения» в американской литературе второй половины XX века), и, конечно, к современному взгляду на расовые проблемы. Среди его произведений есть также интерпретации древнегреческих мифов, несколько вестернов, в том числе и для детей, а

также пародии на этот жанр. Фактически произведения П. Эверетта воплощают в себе все тенденции современной литературы США – постмодернистскую игру с историей и текстом, иронию, пародийность, новую интерпретацию традиционных для американской литературы проблем.

Роман «Американская пустыня» (American Desert) был написан в 2004 году, а переведен на русский в 2005. Причем в России он считается популярным, так как выдержал два издания. Несмотря на это, роман не получил серьезного критического осмысления как в американском, так и в отечественном литературоведении. В критике можно выделить лишь эссе современного американского литературоведа Ричарда Шура. Анализируя роман «Американская пустыня», он в первую очередь говорит о расовом компоненте романа. С другой стороны, Р. Шур уже в названии своего эссе «Распад разума и тела. Критика расы, религии и науки» предлагает иное прочтение романа. «Фактически, этот роман можно рассмотреть, как постмодернистскую аллегорию абстрактных понятий, которые полностью выстроены социумом и далеки от настоящего жизненного опыта» [2, с.78].

Главный герой романа «Американская пустыня» Теодор Стрит – профессор английского языка из Университета Южной Калифорнии, который за 10 лет преподавания все не может получить достойную должность. Но он действительно хороший преподаватель, и отсутствие достаточного количества научных статей и книг может лишить его должности в университете. Тед Стрит – герой-интеллектуал, который не вписывается в университетскую среду. Подобная оппозиция университетскому сообществу и сексуальная связь с аспиранткой являются влиятельными стереотипами, которые позволяют увидеть в этом романе также и черты современного университетского романа.

Проблемы на работе и в семье приводят его к мысли о самоубийстве. Ирония ситуации заключается в том, что он попадает в страшную автомобиль-

ную аварию и погибает ужасным образом – ему отрезает голову, что лишний раз подчеркивает нелепость ситуации. «То, что Теодор Стрит мертв, сомнению не подлежало. Скрытая ирония его трагической смерти не была оценена по достоинству: ведь никто не знал, что Теодор как раз ехал кончать собой, когда ему...ну, скажем, помешали» [1, с. 5]. Нелепость и абсурд сопровождает Теда и по пути в морг. «До морга автофургон добирался с остановками: ассистент патологоанатома заскочил перекусить в «Макдоналдс», потом навестил маму, заглянул в магазинчик комиксов и наведалься на окраинную парковку, где содрал с местных сорванцов по доллару с каждого за шанс «позырить на трупак» [1, с. 7]. Далее автор иронизирует, что даже последний путь человека может не состояться в полной мере: тело можно просто отправить на органы. Жена завила, что «...Тед никогда не упоминал о том, что хотел бы завещать свои органы медицине, науке или нуждающимся, что такое решение волен был принимать только он сам, и что его – целиком и полностью – должно отослать в морг» [1, с. 9].

Описание похорон Теда в очередной раз подчеркивают нелепость происходящей ситуации. Несмотря на то, что Тед был атеистом, церемонию похорон проводят в церкви, в которую если бы он был жив, «ни за какие коврижки не сунулся бы» [1, с. 13]. Сама церковь не похожа на Божье место, а скорее напоминает ужасное пекло ада. «Все набились в дом Божий (парилку, помноженную на душугубку)» [1, с. 12]. Даже последний путь человека наполнен абсурдом. Во время похорон мертвый Тед, с насоро пришитой патологоанатомом к телу головой, под слова гимна «Это путь к Спасителю, к Господу Христу», встаёт из гроба. Создав подобным образом сюжет, Эверетт в полной мере отдает дань традициям абсурда. Во-первых, писатель использует парадокс при создании данного эпизода и, как правило, не дает объяснений случившемуся. Во-вторых, Тед Стрит является уникальным человеком, своего рода недочеловеком.

Череду нелепиц продолжает тот факт, что Теодор оказался голым до пояса. «Так уж случилось, что брюки его пришили в самый раз мистеру Труппу, потому от пояса и ниже он был гол как сокол, и впереди этак кокетливо свисал уд» [1, с. 19]. Вся ситуация представлялась собой, по словам Эверетта, «пение, визг и пук» [1, с. 19].

Но Теда эта ситуация не пугает, совершенно спокойно он забирает детей и жену и идет домой, где пытается вести нормальную жизнь. Однако ему это не удастся. Толпы журналистов желают взять интервью. Его и его дом осаждают представители СМИ. Именно журналисты провоцирует побег из дома дочери Теда, Эмили, именно они заявляют, что по отношению к Эмили применялось насилие. И все

это делается с одной целью: увеличить рейтинг телеканала и повысить собственную популярность. Сатирические приемы, которые используются Эвереттом при описании американских СМИ, присутствуют и в описании других социальных институтов.

Его похищает религиозная секта под руководством Большого Папы, который объявляет Теодора антихристом и собирается убить его на глазах у своей паствы. Причем сам фанатик похож скорее на демона, чем на человека Божьего. Он испытывает настоятельную потребность убивать для того, чтобы утвердиться в собственной жизни и придать ей хоть какой-то смысл. Создавая подобный образ вождя, Эверетт обрушивается с критикой на современное американское общество, которое может слепо следовать за фанатиком-вождем, не осознавая реальности и не принимая во внимание, что его идеи носят маниакальный характер.

Сбежав от сектантов, герой попадает в секретный научный центр, который находится в штате Нью-Мексико, недалеко от городка Розуэлл. Этот городок прославился на весь мир в 1947 году благодаря таинственным событиям, связанным с рассказами о крушении НЛО и найденными трупами инопланетян. До сих пор бытует мнение, что власти США скрыли факты крушения. Естественно, никто точно не знает, было это или нет. Упоминая, этот город Эверетт намекает на то, что ситуация воскрешения Теодора Стрита вполне могла иметь место в реальности, как и нашествие инопланетян. Теодор обнаруживает в подземной лаборатории ученых, которые выполняют секретное задание правительства – клонирование Иисуса Христа. Они тоже оказываются заинтересованными в инциденте с Теодором, т.к. это фактически первый после Иисуса случай воскресения из мертвых. Причем всеми опытами руководит врач-трансвестит Лайонз, что в очередной раз создает сатирический эффект. У истоков знаменитой американской военной мощи стоит полуженщина полумужчина. Основная задача ведомства – создание войска из неуязвимых солдат, которые бы захватывали страну за страной и тем самым претендовали на мировое господство. Подобная параллель наблюдается и в современном мире, где интересы Соединенных Штатов представлены практически в каждой стране, где доллар – официальная валюта в большинстве стран. Мировое господство Америки высмеивается Эвереттом. Весь абсурд ситуации заключается в том, что еще ни один Иисус, который является потенциальным солдатом, не получился нормальным: у кого-то нет рта, у кого-то отсутствуют руки или ноги, и все они умственно отсталые.

Из правительственного бункера Теда выкрадывают представители еще одной секты. Кардинальное отличие заключается в том, что теперь Тед воспринимается ими как Мессия. Здесь автор создает ситуацию двойного абсурда – воспринимаемый ранее как дьявол Тед превращается в посланника Бога и все это происходит в присутствии клонированного Иисуса Христа.

В романе «Американская пустыня» Эверетт использует характерный прием создания абсурда ситуации, а именно повторяемость ситуации похищения. Причем тема похищения проходит лейтмотивом и через другие романы писателя.

В итоге путешествия Теда по стране заканчивается тем, что он спасает группу детей, которые были заложниками сектантов. И здесь в полной мере проявляется парадоксальность американского общества, что и показывает Персиваль Эверетт на примере Теодора Стрита. Будучи при жизни неудачником, в качестве «живого трупа» Тед преуспевает в жизни: он и посланник Люцифера, и сын господина Бога, а впоследствии и национальный герой. Здесь проявляется ирония П. Эверетта по отношению к современному обществу, где героями становятся благодаря различным «странностям» и «ненормальностям».

Сам роман заканчивается тем, что Тед развешивает леску на своей шее и умирает. Эверетт возвращает героя в ту ситуацию, с которого начался его путь, тем самым показывая некоторую бессмысленность и нелепость существования. Тед рассматривается обществом как уникальный человек, но с другой стороны общество с опаской смотрит на Теда. «Он вдруг осознал, что он и впрямь чудовище, внушающее страх любому – будь то родная дочь, или сектант, или доктор Лайонз, или охранники, словом, всем» [1, с. 186]. Но именно после воскрешения у Теда появляется уникальный дар. Он может увидеть эпизоды из жизни людей, будь то журналист или преподаватель, будь то эпизод из прошлого или настоящего. И именно этот фактор, определяет отношение Теда к современному обществу, которое наполнено ложью, лицемерием, ханжеством. Он прекращает лгать людям, а самое главное, самому себе, что делает его более уверенным в себе.

Эверетт уделяет внимание и такому чисто американскому феномену, как американская мечта. Тед – «один из тех парней, что всегда живут в доме напротив, часть «американского образа жизни». Дом его двухэтажный, в миссионерском духе, отделанный деревом монумент ценностям среднего класса» [1, с. 69]. Только произошедшие события помогают осознать Теду, что подобная жизнь – это самое худшее, что может быть. Именно жизнь средне статического американца, которую вел Тед, внесла скуку, непонимание, обыденность и рутину в

его семью. Желание обладать набором материальных предметов, таких как дом, машина, работа сделали Теда «мертвым». И только состояние, граничащее со смертью, пробудило в нем жизнь, где он спасает детей, с трепетом и нежностью относится к семье, заново открывает для себя ценности жизни. После смерти он становится заботливым и порядочным человеком, каким он никогда не был в жизни. По мнению Эверетта, современному человеку нужно умереть и воскреснуть, чтобы изменить себя, а, следовательно, изменить нравы и устои общества. В какой-то мере, сама идея носит абсурдный характер, но именно она воплощает основную тенденцию современной литературы – постмодернистскую игру. Бессмысленность современного общества представлена жизнью Теда Стрита, где каждый шаг выглядит абсурдно, даже сама смерть. Но именно образ Теда – пример борьбы с жизненными нелепостями.

Если говорить о названии произведения, то можно отметить, что оно выполняет две функции: в первую очередь, это самое место действия романа, пустыня в штате Нью-Мексико, а во-вторых название является метафорическим изображением душевного состояния, как главного героя, так и всего американского общества.

Создав этот роман, Персиваль Эверетт бросает вызов своим читателям. Как мы видим, сатира и абсурд сюжетного уровня умело перекликаются и усиливают значение идейного уровня романа. С большой логикой и блестящим остроумием, Эверетт высмеивает американское общество и его стереотипы. Роман представляет собой сатирическое произведение, в котором критика подвергается большинство общественных институтов: правительство, клонирование, религия, СМИ, университетская жизнь.

Список литературы:

1. Эверетт П. Американская пустыня. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2006, 316 с.
2. Mitchell K. B. and Vagner R. G. Perspectives of Percival Everett. – The University Press of Mississippi, 2013, 167 p.
3. Абсурд и вокруг: Сборник статей / отв. ред. О. Буренина. – М., 2004, 448 с.
4. Карасик, О. Б. К вопросу о мультикультурализме в современной литературе США. – Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009. – № 4, ч. 2. – С. 218-221
5. Пискун Е. В. Мультикультурализм США и культура афроамериканцев, Т. Моррисон, Э. Уокер: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001, 176 с.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Фиалко Олеся Владимировна

HPSCHD ДЖОНА КЕЙДЖА: НЕТРАДИЦИОННЫЙ ОПЫТ С ТРАДИЦИОННЫМ ИНСТРУМЕНТОМ

аспирант кафедры Истории музыки Казанской государственной консерватории, г. Казань

HPSCHD OF JOHN CAGE: NONTRADITIONAL EXPERIENCE WITH TRADITIONAL INSTRUMENTS
Fialko Olesya, Post graduate student of Kazan State Conservatory, Kazan, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

XX век ознаменовался обращением к старинной музыке и ее наследию, которое не только было возвращено из забвения, но и нашло в творчестве современных композиторов продолжение. Этот процесс особенно отразился в новейшей судьбе клавесина, представшего в музыке XX века в качестве не только символа старинной музыки, но и в ярко современных образах. Одно из экспериментальных обращений к клавесину - хепенинг HPSCHD Дж. Кейджа – рассмотрено в настоящей статье, где прослеживается история замысла, создания и премьеры перфоманса, воссозданные по воспоминаниям участников и иностранным источникам.

ABSTRACT

The Twentieth Century was marked by an appeal to ancient music and its heritage, which had returned from oblivion and also found a continuation in the contemporary music. This process is reflected in the recent fate of the harpsichord, who appeared in the music of the Twentieth Century not only as a symbol of early music, but also in a bright modern look. One of the experimental references to the harpsichord – HPSCHD of J. Cage - discussed in this article, which traces the history of design, creation and premiere of performance, recreated from the memoirs of participants and foreign sources.

Ключевые слова: клавесин в XX веке, репертуар для клавесина, хепенинг, перфоманс, Джон Кейдж, HPSCHD.

Keywords: harpsichord in Twentieth Century, harpsichord repertoire, happening, performance, John Cage, HPSCHD.

Рубеж XIX-XX столетий был обозначен устойчивым интересом к наследию прошлого, причиной которого стало распространение еще с XVIII века принципа историзма, предполагавшего рассмотрение предмета исследования в его развитии. Стремление осознания непрерывности, взаимосвязанности исторического процесса стимулировало развитие исторической науки, в том числе и исторического искусствоведения. По аналогии с естественнонаучной сферой и ее фактами, наблюдениями и опытами, фундаментом исторических наук также становятся факты – исторические тексты, документы и свидетельства. Одним из направлений этого масштабного движения в музыкальной сфере стало возрождение старинной музыки и вместе с ней целого пласта документальных материалов – рукописей, трактатов, изданий, разнообразных текстов и предметов, в том числе – музыкальных инструментов. В числе вернувшихся к жизни инструментов был и клавесин, который, в силу ряда причин, вскоре перестал быть лишь символом старинной музыки и обрел свое место в ряду современного музыкального инструментария. Начав свой новый путь в музыкальный мир на рубеже XIX-XX вв. в творчестве современных композиторов, клавесин прошел несколько этапов развития, представив к концу XX столетия целую галерею разнообразных имиджей – от неоклассического до популярного и экспериментального⁵.

Один из вариантов ярко современного обращения к клавесину мы находим в творчестве Джона Кейджа - одного из ярчайших и самых эпатажных композиторов XX столетия, который сумел создать абсолютно новую эру искусства звуков, заявив, что «все есть музыка», и положивший начало экспериментов со «случайностями» и знаменитых хепенигов и перфомансов.

Летом 1967 года Кейдж был назначен членом Центра перспективных исследований при Универ-

⁵ Подробнее см. 1.

ситете Иллинойса. Когда первоначальный план Кейджа работать в университете с программистом провалилась, на помощь ему пришел Лежарен Хиллер⁶, занимавший в то время должность начальника отдела компьютерной музыки. Вместе с Хиллером Кейдж представил две работы, относящиеся к области вычислительной техники и случайному выбору. Вместе с пьесой «Atlas Borealis» с 10 неожиданными событиями, была представлена идея HPSCHD⁷, который был заказан Кейджу швейцарской клавесинисткой Антуанеттой Вишер⁸.

Первоначально Кейдж отверг предложение Вишер: «Я всегда ненавидел клавесин, он напоминает мне швейную машинку» [6, пер. мой, О.Ф.]. Но предложение Хиллера, в котором содержалась интересная задача для экспериментов Кейджа с шансами и использованием компьютерных алгоритмов в музыкальной композиции, изменило решение композитора. Стоит отметить, что роль Хиллера посте-

пенно выросла до уровня подлинного сотрудничества, так что авторами HPSCHD можно считать обоих в одинаковой степени. Также в длительный и сложный процесс создания этого арт-объекта были вовлечены и другие технические сотрудники Центра.

Для создания магнитофонных лент были записаны 7 клавесинных соло со случайно выбранными произведениями Моцарта, Бетховена, Шопена, Шумана, Готтшалька, Бузони и Шенберга, каждое из которых исполнялось разными исполнителями⁹ на разных инструментах¹⁰ и затем было обработано тремя компьютерными программами (компьютеры Iliac II, IBM 7094).

Одна из них обрабатывала клавесинные соло на основе так называемого моцартовского метода сочинения вальсов при помощи игральных костей – этот вариант работы с материалом был предложен Хиллером. Кейдж предложил гексаграмму И-Цзин (Книга Перемен)¹¹ для осуществления замен.

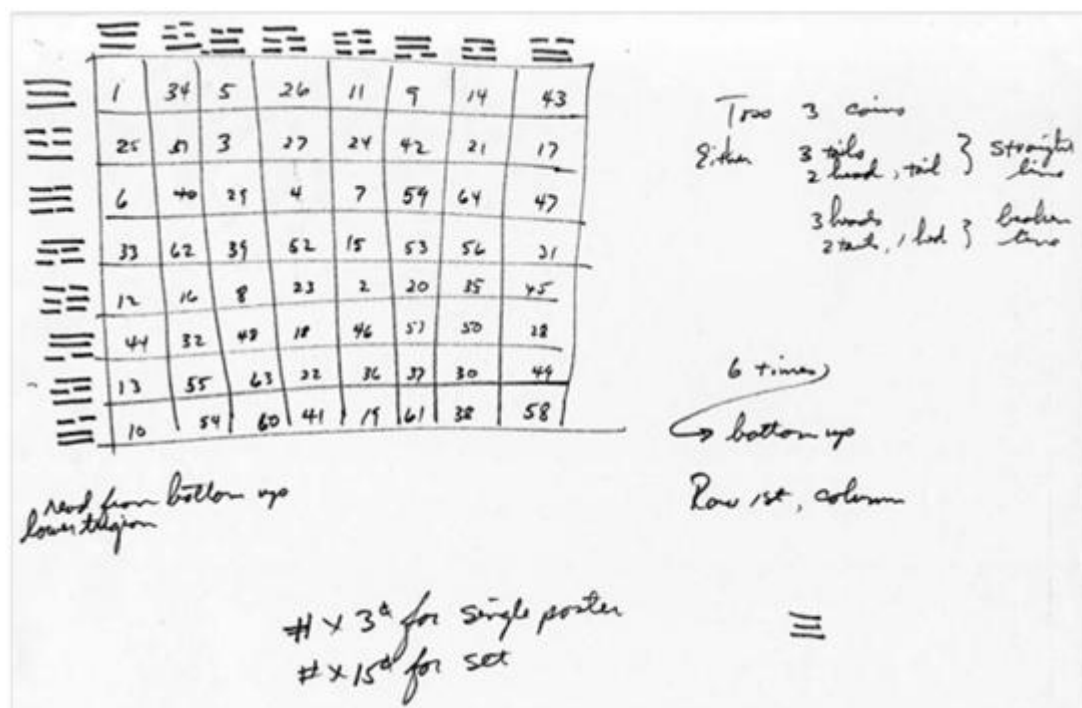

Рисунок 1. Зарисовка гексаграммы И-Цзин рукой Кейджа

⁶ Хиллер Лежарен (Hiller, 1924-1994) – химик, программист и композитор, создатель первой в мире компьютерной стохастической композиции («Иллиак сюита для струнного квартета»). Хиллер – основатель студии экспериментальной музыки EMS при университете Иллинойса – ведущем центре формальных исследований в области алгоритмической компьютерной музыки и теории информации.

⁷ Читается как «harpsichord».

⁸ Вишер Антуанетта (Vischer, 1909-1973) – швейцарская клавесинистка.

⁹ Дэвид Тюдор, Антуанетта Вишер, Уильям Брукс, Рональд Петерс, Юджи Такахаша, Нили Брюс и Филипп Корнер.

¹⁰ Электронный клавесин Baldwin Solid-Body, двухмануальный клавесины Neupert, Brueggeman, Dowd, Hubbard, одномануальный клавесин Challis.

¹¹ И-цзин (Книга перемен) – наиболее авторитетная книга канонической и философской китайской литературы (1-я пол. I тыс. до н. э.), использовавшаяся в гадательной практике. Состоит из 64 графических символов (гексаграмм) и их различных толкований.

Еще один компьютерный алгоритм обработки записанных соло состоял из 3 этапов и занимал от 17 до 37 шагов. Все действия проходили на основе загруженной гаммы с последовательными целыми числами от 1 до 281. Все звуки соло считывались по фактической длине этой гаммы и запоминались в диапазоне (RANGE). Во время первого этапа происходила работа с длительностями (DURAT), которые

определялись методом случайного выбора. Во второй цикл программы осуществлялась работа, связанная с изменением высоты звука (DEVIA) и метрическими ударами (ICTUS). Третий этап программы был связан с выбором длительностей для каждого из 129 возможных варианта высотности.

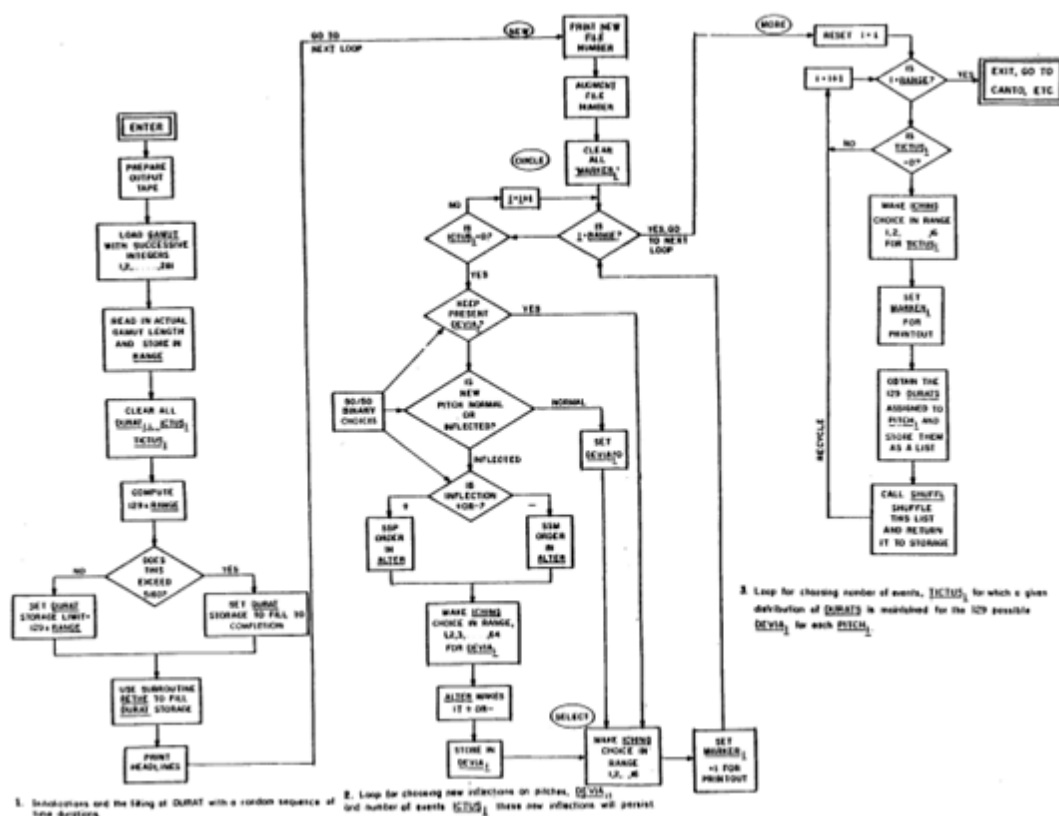

Рисунок 2. Схематическая зарисовка компьютерного алгоритма, применявшегося для обработки клавишинных соло

Работа над HPSCHD была начата осенью 1967 года, премьера состоялась 16 мая 1969 г.. Все время до премьеры Кейдж и Хиллер занимались подготовкой магнитофонных лент, кроме того большая команда специалистов занималась материально-техническим обеспечением этого проекта – сбор фотографий, фильмов, подготовка оборудования, доставка клавишинов, изготовление фирменной продукции с логотипом и информацией о HPSCHD (буклеты, постеры, свитера и т.д.)

Премьера HPSCHD состоялась 16 мая 1969 года в актовом зале Университета штата Иллинойс. В представлении, длившемся с 19.30 до полуночи, были задействованы 8000 человек – зрители и сами участники.

7 клавишников – Дэвид Тюдор, Антуанетта Вишер, Уильям Брукс, Рональд Петерс, Юджи Такахаши, Нили Брюс и Филипп Корнер играли на подзвученных клавишинах пьесы по своему усмотрению:

«в дополнение к игре своих соло, каждый клавишник был волен играть что-то иное» [3, с. 166, *пер. мой, О.Ф.*].

208 магнитофонных лент (4 копии каждой из 52 оригинальных) в свободном порядке воспроизводились через 52 магнитофона. Причем, единственным условием было одновременное звучание всех лент в 20.30 и 23.00. Такой свободный порядок озвучивания магнитофонных лент неизменно приводил к дублированию, о котором Кейдж говорит в интервью с журналом Source: «Дублирование, которое имеет место в этой пьесе, - это естественное дублирование одной ленты другой... именно этот факт музыкального повторения должен быть ... результатом музыкального опыта» [5, с. 18, *пер. мой, О.Ф.*].

Все время представления на 40 прямоугольных экранах и 340-футовом круговом экране были показаны 6400 слайдов и фильмов. Многие из этих изображений были заимствованы у NASA.

Весь хепенинг, длившейся около 5 часов, был задуман не как статическое, однонаправленное событие, а скорее, как гипнотическая среда, где зрители могут «входить и выходить из зала, ходить вокруг зала и через исполнительскую зону».

Премьера HPSCHD была отмечена широкой рекламной кампанией. Во время премьеры многие были одеты в футболки, на которых был изображен Бетховен в фирменном свитере Университета штата Иллинойс с изображением головы Кейджа. Кроме того была организована продажа специальных постеров, изготовленных для премьеры HPSCHD. Цена на каждый постер определялась по гестаграмме И-Цзин.

Было изготовлено 3 вида постеров, менее 100 копий каждого. Причем полноразмерные постеры были настолько популярны, что еще до начала представления были украдены со стенда объявления,

хотя он и был заблокирован стеклом. Первый постер HPSCHD содержал изображение самого Кейджа в роли победителя дракона, причем вместо трех голов дракона были головы композиторов прошлого (Бетховена, Моцарта и Шумана). В левой руке Кейдж держит корпус двухмануального клавесина, а за ним изображен магнитофон с лейблом «3М» - фирмы, обеспечившей магнитофонные ленты для этого проекта. Второй и третий постеры были созданы при помощи гестаграммы И-Цзин. Изображения выбирались наугад с разных страниц энциклопедии и копировались на лист бумаги, а затем при помощи гестаграммы для них выбирались цвет и место в таблице 8x8. Таким образом, на одном плакате (№2) появились вместе дирижер и женщина, сжигающая книги, броненосец и картина, человеческая почка в разрезе и печать штата Индиана.

Рисунок 3. Постеры, изготовленные к премьере HPSCHD

Тогда же, в 1969 году, фирмой Nonesuch Records была сделана первая 21-минутная запись HPSCHD.

В 1980 году опыт HPSCHD был повторен в 16-м сезоне «Вечеров новой музыки» в Albright-Кнох Art Gallery. В этом случае было записано 5 соло (I, II, IV-VI). Снова в этом проекте участвовали Дэвид Тюдор и Нили Брюс, к ним примкнули новые исполнители – Дэвид Фуллер, Аки Такахаши и Ивар Михашов. Для повторения хепенинга были также использованы оригинальные слайды с мероприятия 1969 года.

HPSCHD Дж. Кейджа не открывает нам никаких новых граней и возможностей самого клавесина – выбор исполняемых произведений оставался за исполнителями и коренным образом не влиял ни на сам ход подготовки перформанса, ни на его результат. В данном случае нас привлекает именно сам факт присутствия некогда старинного инструмента

(и не одного, а сразу семи!) в новой, современной и нетрадиционной форме искусства.

Список литературы:

1. Фиалко О. Клавесин в XX веке: галерея имиджей/ Музыка и время, 2013, №9. – с. 68-72.
2. Bedford F. Harpsichord and clavichord music of the twentieth century/ foreword by Larry Palmer. – Berkeley, Calif.: Fallen Leaf Press, 1993. – 609 p.
3. Palmer L. Harpsichord in America: A Twentieth-Century Revival. – Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1989. – 202 p.
4. Bewley J. Lejaren A. Hiller: Computer Music Pioneer. – Music Library Exhibit, 2004. – 29 p.
5. Lindorff J.Z. Contemporary harpsichord music: issues for composers and performers. – The Juilliard School, 1982. – 123 p.
6. HPSCHD/ Электронный ресурс: <http://en.wikipedia.org/wiki/HPSCHD>. Дата обращения 27.04.2013.

Международный научный центр "Сфера общественных наук" (International Center
for the social sciences)

Ежемесячный научный журнал

№ 3 (3) / 2014

Главный редактор — д.ф.н.проф. Феклисов К.Р.

Ответственный секретарь — д.ф.н.проф. Гуляев А.И.

Редакционный совет

- Бердников Денис Анатолиевич
- Варичева Вера Николаевна
- Генесов Александр Игоревич
- Дудченко Константин Александрович
- Колмогоров Сергей Викторович
- Левин Аркадий Афанасьевич
- Лесовский Игорь Васильевич
- Мироненко Ирина Филипповна
- Ножевский Григорий Николаевич
- Прокопенко Андрей Андреевич
- Рубинова Вадим Петрович
- Хоревский Владимир Олегович

Художник: Константин Горбатюк

Верстка: Йохна Виталий

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в
статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов
материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской
редакции.

Международный научный центр "Сфера общественных наук"

Адрес: 620144 г. Екатеринбург, ул. Сурикова, 28

Адрес электронной почты: info@social-scope.ru

Адрес веб-сайта: <http://social-scope.ru/>

Учредитель и издатель Международный научный центр "Сфера общественных наук"

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144 г. Екатеринбург, ул. Сурикова, 28